

2.5
Грузинское Отделение Всесоюзного Общества политиче-
ских каторжан и ссыльно-поселенцев.

26 1/2

9(с)105

Каторга и Ссылка

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
СБОРНИК

34

Посвящается революции 1905 года и ближайшему
предшествовавшему ей периоду

№ 1 (3)

ТИФЛИС, 1925.

Грузинское Отделение Всесоюзного Общества политиче-
ских каторжан и ссыльно поселенцев.

КАТОРГА и ССЫЛКА

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
СБОРНИК

46904

Посвящается революции 1905 года и ближайшему пред-
шествовавшему ей периоду.

№ 1 (3)

ТИФЛИС. 1925.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Революция 1905 г. и Закавказье.

Революция 1905 г. была той «генеральной репетицией», тем «предисловием», за которыми уж могли последовать великие события 1917 г. и последующих годов.

В истории общероссийского освободительного движения Закавказье, и в особенности Грузия, играют видную роль, органически связанные с Россией единством революционных центров и общностью задач.

Кроме тех общих факторов, которые как в России, так и здесь способствовали революционизированию масс, в Закавказьи имелись свои специфические условия в областях социально-политической, экономической и естественно-исторической, которые усугубляли нарастание революционного самосознания трудовых слоев и обеспечивали в еще большей степени, чем в России, успехи революционных достижений.

Помимо классового угнетения, здесь применялись притеснения чисто национального характера. Руссификаторы всех рангов и оттенков хозяйничали тут во всю, и только местная денежная и дворянская аристократия неизменно пользовалась благосклонностью русского правительства.

Экономический гнет в Закавказьи усиливался благодаря тому, что промышленный пролетариат находился под постоянной угрозой ухудшения его и без того тяжелого материального положения, при наличии целой армии рабочих с более низким культурным уровнем, невольно способствовавших снижению зарплаты и удлинению рабочего дня (Баку и др.). И это обстоятельство заставляло сознательные слои пролетариата вести борьбу на два фронта, борясь в одном случае с классовыми угнетателями, а в другом — с косностью и невежеством своих отсталых собратьев. И если ко всему сказанному прибавить неустанную работу социалистических и революционных партий, среди которых главную роль играла социал-демократическая партия, а также боевой темперамент южан и горный ландшафт страны, представляющий самые благоприятные условия для ведения партизанской революционной борьбы с правительственными войсками и полицией, то понятным становится, — что породило те яркие страницы, которые вписало Закавказье в историю революции 1905 г.

Знаменитая Гурийская республика со своим общепризнанным революционным правительством, которому подчинялось все и вся, которое в

районе своего влияния парализовало весь военный и административный аппарат царской власти. Баку, со своим Советом рабочих депутатов и с десятками тысяч организованного пролетариата. Закавказские железные дороги, управляемые стачечным комитетом, по одному слову которого мгновенно останавливались все колеса этого громадного механизма. Сочинская республика, Батум, Тифлис, Кутаис и многие другие революционные очаги. Гурийское и карталинское крестьянство, давшие примеры высокой организованности и революционности.— Вот те отдельные эпизоды, которые превратили Закавказье в 1905 г. в клокочущий вулкан.

С девизом:

«Всегда готово»

ждало Закавказье последнего слова от революционной России, но... видно, час царизма еще не пробил, и гигантская революционная волна, достигнув небывалой высоты, надломилась, и революция пошла на убыль...

Причин поражения революции, конечно, много, но из них главными надо считать недостаточную подготовленность и организованность революционно-социалистических партий, затем, нераспропагандированность войск и удачный заграничный заем русского правительства. Не последняя роль в этом поражении принадлежала и провокации; так, например, есть достоверные сведения, что переброска войск из Петербурга в Москву, для подавления Московского вооруженного восстания, удалась, благодаря провокации Азефа, который помешал взорвать мосты на Николаевской железной дороге.

Дорогою ценою заплатили за это поражение революционные партии: тысячами расстреленных и повешенных и десятками тысяч заключенных в тюрьмах и на каторге. Но, несмотря на это, революционное подполье продолжало свою упорную работу и в дальнейшем доказало, что ошибки и промахи революции 1905 г. не прошли даром....

Редакционная коллегия.

1905 год в Грузии.

Направление и движущие силы революции.

(Перевод с грузинского).

Стройное течение революции, наступление восставших трудящихся на правительство, грозные забастовки рабочих, непрерывные вооруженные выступления крестьянства,— вот чем начинается 1905 год по всей бывшей Российской империи.

В Грузии революционные выступления принимают характер массовых восстаний и приобретают решающее значение в деревне, среди обездоленных крестьян.

Пожар революции, возникший на аграрной почве, перекидывается во все уголки, во все села.

Борящееся трудовое крестьянство отнимает революционным путем земли у помещиков и обрабатывает их. Оно с оружием в руках борется с помещиками и их защитником—правительством в лице приставов и стражников, которые оказывают сопротивление и пытаются отнять завоевания революции, и лишних из них устраняет с дороги.

Учащаются убийства, как результат красного террора, направленного против хулиганов и шпионов-помещиков.

Деревня и город, крестьянин и рабочий, связанные интересами революции, объединенными силами борются за свободу и благо трудящихся против единого врага—монархического правительства, помещичьего дворянства и буржуазии.

Из сел изгоняются официальные власти в лице приставов и стражников и места их занимают революционные комитеты крестьян.

Сильнее всего огонь революции захватывает Гурию, и там устанавливается власть трудового крестьянства. Газеты того времени прямо именуют Гурию, как «республику».

Этим объясняется тот факт, что пом. наместника на Кавказе ген. Малама послал своего верного чиновника—Султана Крым Гирея с переводчиком в Гурийскую «республику» для переговоров с революционным трудовым народом. Это было, так сказать, «разумным», «либеральным» желанием притти к соглашению с трудящимися революционной Гурии, найти «общий язык», чтобы таким образом «спасти» Гурию и хотя бы частично сохранить там свою власть.

Султан Крым Гирей не достиг желаемого. Не сумел отыскать общий язык с революционным народом. Но гурийское крестьянство, спаянное в

революционной организации, использовало эту попытку в пользу революции.— Во всех селах и деревнях Султан Крым Гирею предъявлялись одни и те же требования. Требования эти печатались в газетах всех направлений, а революционная и контр-революционная пресса делала свои выводы, и все это, конечно, способствовало углублению и росту революционного сознания среди заинтересованных революцией широких трудовых масс.

Это обстоятельство послужило причиной того, что Султан Крым Гирей был отозван обратно в Тифлис, не закончив своей миссии.

Правительство после этого попробовало стать на другой путь борьбы и усилило репрессии.

Благодаря поддержке правительства «стесненное» трудовым народом дворянство начало организацию черных отрядов. Такие отряды были созданы в Карталинии (в Горийск. у.) Абдушелишвили, Цицишвили, Палавандашвили и другими. В отряды входили исключительно дворяне, а целью этих отрядов была самозащита от восставшего революционного крестьянства, борьба с революцией, обессиление ее и восстановление старого порядка. Для уловления в отряды некоторых наивных патриотов они внесли в свою программу защиту груз. языка и автономию Грузии.

Эти пункты ослабляли некоторым образом доверие правительства и лишали отряды полного покровительства, но тем не менее—правительство опиралось на них, т.к. обе стороны боролись с общим политическим и классовым врагом. Правительство снабжало черные отряды оружием, патронами, поощряло на всевозможные хулиганские эксцессы.

В Кутаисе и Зугдиде участились собрания и конференции дворян и князей, на которых вырабатывались меры борьбы с революцией и изливали желчь против нее.

Для усиления и увеличения контр-революционной армии монархическое правительство пошло еще дальше. С его благословения в Тифлисе создано «общество русских патриотов» из чиновников и сбившихся с пути рабочих, программа и цель которого совпадали с таковыми дворянского черного отряда, с той разницей, что первые не желали давать *автономии Грузии*, а вторые не вносили в свою программу защиту царя, «помазанника божьего», что, конечно, для черносотенцев служило краеугольным камнем.

Это черносотенное патриотическое общество несколько раз устроило «смотр своим силам»: организовывало манифестации, громило лавки и избивало мирных жителей.

На своих собраниях черносотенцы выносили резолюции, прося правительство не уступать революции ни на иоту и принять против нее решительные меры. Иногда они даже упрекали правительство в слабости и нерешительности по отношению к революционерам.

Опираясь на черные сотни, агенты правительства организовали в Баку кошмарную армяно-татарскую резню, натравив друг на друга два со-

седних народа, а оттуда резня эта перекинулась в Тифлис и другие места Закавказья.

Руководители революции—соц.-дем. организации вместо того, чтоб заниматься социалистическим делом, были заняты примирением двух братских народов, брошенных друг на друга провокацией правительства. Это вмешательство, с целью остановить кровопролитие, не обходилось даром: оно вырывало из рядов соц.-демократии стойких борцов революции. Одной из таких жертв оказался рабочий-большевик Петр Монтин, погибший в Баку.

Правительство организовало армяно-татарскую резню с целью отвлечь внимание революционных организаций, ослабить мощь их и поддеть массы на провокационную удочку, в чем оно, некоторым образом, достигло цели, и искушенные в провокации агенты правительства энергично работали в этом направлении, о чем ясно свидетельствуют возникшие во время армяно-татарской резни в Баку комиссии из нейтральных лиц и доклады некоторых чиновников правительства.

Но революционные организации не пали духом, они с своей стороны тоже собрались с силами для борьбы с контр-революцией.

Против черной сотни в деревнях выступили красные отряды, состоявшие из крестьян и рабочих.

Такой отряд был создан в Гурии под руководством Датико Шаварданидзе и других, в Шорапанском у. (в Чиагурском районе) под руководством Котэ Цинцадзе, В. Киасашвили, Степко Инцирвели и др. Отряды также существовали и в Карталинии.

Эти красные отряды обуздали черносотенцев-помещиков и обезоружили их. А в городах начались забастовки фабрично-заводских, жел.-дор. и трамвайных рабочих и служащих. Участились террористические акты и др. вооруженные выступления. Политические демонстрации учащихся стали обыкновенным явлением. Демонстрации имели место в Гори, Кутаисе, Гурии, Батуме, Тифлисе и др. местах.

В 1905 году, когда по всей России пролетариат и крестьянство приближались к решающему моменту, когда готовилась всеобщая октябрьская забастовка, за которой последовали декабрьские дни вооруженного выступления на улицах Москвы, правительство не дремало. Оно деятельно готовилось для перехода в наступление, чтоб изжить постоянный страх и задушить революцию.

Свои действия оно направило сначала в сторону обезвреживания «обиженных» либералов и с этой целью опубликовало Булыгинский проект госуд. думы. Потом во главе правительства были поставлены либерал-монархисты Витте-Дурново и издан манифест 17-го октября и, таким образом, России была дарована куцая конституция.

Центральное правительство этим некоторым образом достигло цели. Либеральная буржуазия и либерально-оппозиционные партии были удовлетворены. Тут кончилась для них «борьба» и их «революционность». За ними от соц.-дем. партии откололось ее правое оппортунистическое кры-

ло меньшевиков. Они почти были удовлетворены и, устремив взор на формы либерального правительства, отказались от революционной борьбы.

Но авангард революционного пролетариата и крестьянства пошел своим путем. Он категорически отказался от манифеста 17-го октября и смело призывал трудовые массы к вооруженному восстанию.

В то время в Ленинграде и др. местах организовались Советы рабочих депутатов, которые взяли на себя руководящую роль в начинающейся революции. Совет рабочих депутатов имел место (на короткое время) также и в Баку.

В декабре московский пролетариат возвел на улицах Москвы баррикады, объявил самодержавному правительству борьбу не на жизнь, а на смерть. В то же время вооруженные выступления имели место в Гурии (Чохатаури, Иокирали), в Шорапанском уезде (Чиатуры, Зестапони), в Раче, Батуме, Баку и Тифлисе. Вооруженные рабочие Тифлиса пытались защищать революционный район Надзаладеви (ныне Ленинский район) от нападения казаков-пластунов.

Но правительство сумело выделить из своей армии верные солдатские и казачьи части, и восстание московского пролетариата было подавлено. В других больших городах борьба еще продолжалась, но поражение московского пролетариата ослабило революционный темп, внесло деморализацию в революционные ряды, чем и предreshалось их поражение.

Восставшие пролетариат и крестьянство Грузии задохнулись в контрреволюционном кольце, но борьба не была еще окончена. Еще жила надежда на победу, и народ готовился к новому революционному натиску. Борьба эта вылилась в организацию красных партизанских отрядов, в партизанские выступления.

Но и правительство укрепило свои силы и перешло в наступление. Местная власть, в лице наместника, выделила из Тифлисского гарнизона верные престолу воинские части, главным образом казачьи, поставила во главе их «героев»-генералов—Грязновых, Алихановых. Они ураганом прошли по городам и селам, все на своем пути предавая огню и мечу, вполне гарантированные, что за свои действия отвечать не будут.

В начале 1906 г. (январь—март) красные партизанские отряды в разных местах давали отпор карательным отрядам Алиханова-Аварского. Были геройские выступления в Зестапони, Ципа. Это было в то время, когда центральная самодержавная власть одной рукой старалась подавить революцию, а другой насаждать «парламентаризм» и, для успокоения народа, закладывала фундамент монархического конституционализма. Она старалась поймать восставший народ на удочку Булыгинской думы. Первая революция была подавлена. Контр-революция укрепилась.

Загнанные в подполье революционеры время от времени отвечали красным террором праздновавшей победу реакции и этим поднимали дух у народа и поддерживали надежду на будущую победу.

С. Талаквдзе.

1905 год в Тифлисе.

Вступление.

В связи с приближением исторических дней двадцатилетнего юбилея Великой Русской Революции, наступило время подведения итогов и учета великого опыта, добытого нами за этот период революционной борьбы рабочего класса России.

Оглядываясь назад, на героическое прошлое освободительного движения, мы видим его длинный и тяжелый путь, полный беспримерного героизма, беззаветной отваги носителей этих освободительных идей, величие самопожертвования, не имевшего границ, и неисчислимых утрат, приведших нас теперь к порогу величайших социальных достижений.

В течение всех двадцати лет рабочий класс Закавказья был авангардом революционных масс России. Вследствие целого ряда особых условий жизни рабочих Закавказья, заключавшихся и в чрезвычайном национальном гнете, и в сравнительно высокой культурности населения, и отчасти благодаря кипучему южному темпераменту,—революционная искра, заброшенная сюда революционными рабочими Петербурга и Москвы, нашла особенно благоприятную почву и такой горючий материал, что, вспыхнув однажды, она неудержимо разгоралась ярким пламенем освободительных идей и, быстро разрастаясь в революционный пожар, разразилась вихрем и полымем исторического 1905 года.

Классовая борьба здесь отличалась исключительной остротой, чрезвычайной яркостью и непрерывностью. И вот, в связи с наступающим 20-тилетним юбилеем этой борьбы, мне, как непосредственной участнице одного из наиболее важных и ярких моментов этой великой эпохи, хочется попытаться по мере слабых сил своих набросать картину некоторых событий 1905 г. в Тифлисе.

Общее положение в Тифлисе.

После сравнительного затишья 1904 г. в освободительном движении, вызванного, с одной стороны, разгромом революцион. партий, с другой—условиями военного времени, революционный Тифлис всколыхнули события 9-го января. В начале 1905 года он решительно вышел на улицу со своим революционным протестом, и на расстрел рабочих Питера ответил всеобщей забастовкой, длившейся несколько дней, и грандиозной демон-

страцией 22-го января на Головинском проспекте. С этого исторического момента, не взирая на усилившиеся репрессии властей, волна открытого революционного брожения уже не утихала. Она ширилась, углублялась, и бурный темп ее безостановочного движения повышался, возбуждение и недовольство самых широких масс непрерывно нарастало, пока в 1905 г. не превратилось в грандиозный разрушительный вал. С января месяца революционные события почти беспрерывно сменялись одно другим, взаимно подготавливая и вызывая друг друга. Страсти классовой вражды быстро разгорались во взаимную непримиримую борьбу. Гневный протест трудящихся против гнета, усилившегося в связи с русско-японской войной, быстро нарастая, неудержимо стремился вылиться в активные революционные действия. Забастовки стали вспыхивать одна за другой; этой стремительной стихийной забастовочной волной были захлеснуты не только более или менее крупное предприятие, не только железная дорога, но и самые немногочисленные трудовые коллективы, вроде низшего персонала больниц, лавочных приказчиков, и даже единичные, разрозненные труженики—домашняя прислуга. Забастовки эти нередко сопровождались кровавыми расправами бастовавших с штрейкбрехерами и с неустойчивыми предпринимателями. Как на пример, можно указать на убийство в феврале месяце 1905 года владельца крупной булочной кондитерской—Алиханова, который вывел из терпения своих рабочих, измученных длительной безрезультатной забастовкой. Убившие его юноши Николайшвили и Ной Тебзадзе ¹⁾ были приговорены к смертной казни, впоследствии замененной 20-тилетней каторгой.

В апреле того же года вспыхнула забастовка рабочих и служащих железнодорожного депо-Тифлис. И когда один из машинистов (Головачев) попытался нарушить забастовку поездных бригад, двинув паровоз по железнодорожным путям, то сбежавшиеся на свисток машинисты и их помощники забросали его камнями, чем принудили штрейкбрехера к бегству ²⁾.

Отважными охранителями ненарушимости коллективного решения были в то время С. Долидзе, впоследствии назначенный стачечным комитетом конца 1905 года начальником станции Тифлис взамен бежавшей и скрывшейся станционной администрации; Васо Тварадзе, пом. машиниста, впоследствии погибший в числе девяти красных дружинников, убитых казаками на холмах Нахаловки в ночь нападения войск на рабочий район Нахаловку, 18 декабря 1905 г.; потом Ясон Глonti, убитый в 1906 г. на улице конвоем, ведшим его в тюрьму; Робакидзе, Хавтаси и многие дру-

¹⁾ Террорист Ной Тебзадзе, убивший предпринимателя Алиханова, работает в настоящее время в главных мастерских—маяр.

²⁾ Если такие предупредительные меры не действовали, тогда применялись террористические акты. Так был убит кондуктором Ясоном Глonti и Хавтаси машинист Вальтер, не подчинившийся требованию забастовщиков и поведший поезд в Хашири под охраной солдат и жандармов.

гие. Многотысячные митинги-массовки происходили одна за другой и для их разгона вначале применялись казацкие плети, шашки жандармских батальонов, не решавшихся, однако, бить острями, как они это делали неоднократно в 1903 и 1904 годах. Потом власти, как будто уставши, присмирели и перестали разгонять массовки, а лишь посылали жандармов, которые пассивно топтались вокруг собравшихся. Но это видимое затишье в среде карателей было коварной тайной подготовкой к новому способу борьбы с развертывавшейся революцией; ряды ее врагов спешно перестраивались. Выбатывались провокационные способы и создавалась черная гвардия из бессознательных, темных групп рабочего класса, которые потом стали противовесом революционным его группировкам,—и шла повсеместная организация погромов. Первые раскаты их грянули в Баку, где весной 1905 г. началась ожесточенная кровавая резня между армянами и татарами, раздувавшаяся местными властями, натравливавшими национальности друг против друга. Здесь были расчеты ослабить революционный подъем и отвлечь внимание рабочих масс от социальных вопросов. Одновременно там проявилась деятельность черносотенцев из «Союза русского народа».

Резня затем перекинулась в города Шушу, Елисаветполь. Угроза таких же кровавых событий нависла и над Тифлисом. Вопрос о предотвращении их жгуче волновал все общественные слои населения. Беспокойнее других проявляла свои опасения буржуазия как средняя, так и крупная. Ее делегации возбужденно металась от одних власть имущих особ к другим, прося принять заблаговременно меры предотвращения и предоставить простор общественным силам для организации самозащиты. Все было безрезультатно и в конце-концов, спустя месяца четыре, кровавый армяно-татарский погром разразился в Тифлисе.

Покушение на Ковалева.

Из выдающихся событий этого периода остановлюсь на покушении студента Херхеулидзе, бросившего бомбу в полицеймейстера Ковалева.

Вечерние сумерки по южному быстро сгущались над городом; окончив свой длинный и утомительный летний рабочий день на табачной фабрике Сафарова, я поднималась по Верийскому спуску, направляясь на Голвинский проспект; вдруг невдалеке раздался оглушительный взрыв. Имея необъяснимое влечение туда, где пребывание наиболее опасно, я и на этот раз, охотно подчиняясь своей стихийности и подшпоренная тревогой и любопытством, быстро помчалась по направлению взрыва. Навстречу мне вихрем неслись толпы народа в панике, спасаясь по дворам, за углами и выступами домов. Мои настойчивые вопросы ни к чему не привели,—никто ничего мне не отвечал. На улице уже ярко горели фонари, освещая лица бегущих, полные ужаса: некоторые из них оставляли за собой кровавые следы. Были ли сами бегущие ранены и по их ногам струилась их соб-

ственная кровь, или они до того пробежали по лужам чьей то чужой крови, и она разносилась ими на далекие расстояния от места взрыва — узнать нельзя было. По пути моего стремления к месту происшествия бешено громыхали двери и окна поспешно закрывавшихся лавок, в которые забегали, пытаясь спрятаться, перепуганные люди.

Когда я сразбегу стремглав вылетела на Ольгинскую ул., то увидела ту же картину дикой бестолковой беготни оторопевшей толпы, состоявшей из городских, жандармов и мужчин в штатской одежде. В центре суматохи, под ярко горевшим газовым фонарем, при соединении Головинского проспекта с Ольгинской ул., у самого столба, суетливо и молча копошилась многочисленная группа людей, слышались какие-то отрывистые приказания. В следующее мгновение мне бросилось в глаза движение нескольких человек, поднявшихся от земли; в руках они держали носилки, на которых лежал человек. Это было в нескольких саженях от аптеки Земмеля, куда и понесли эти носилки. Сквозь поредевшую толпу, оставшуюся под фонарем, я заметила лежавшего на земле человека, а копошившиеся возле него били его. Частые удары нескольких человек, сыпавшиеся на неподвижное тело лежащего хрястко разносились в притихшей вечерней темноте. Приостановившись на мгновение на углу Верийского и Ольгинской, я затем пустилась без оглядки вперед, через дорогу, мимо этой жуткой толпы, а перед глазами моими, резко блестя, сверкали большие лужи крови, отражавшие ослепительный свет газового фонаря. Быстро пересекши Ольгинскую и добежав, не знаю за чем, до угла Московской улицы, я остановилась, обернувшись к тому же роковому месту у фонарного столба. Здесь я увидела, что от него отделились все возившиеся там люди и направились вдоль Ольгинской улицы, таща за ноги молчавшего человека, голова которого глухо тарыхтела по булыжникам мостовой. Один из городских, вошедший в иступленный азарт безнаказанной расправы, подбежал к постукивавшей о камни голове и замахнулся на нее своею шашкой с решительным намерением рубнуть ею по этой беспомощной голове. Но внезапно выросший перед ним околоточный с криком схватил его за руку: «Ты что делаешь, так твою... Без тебя не сумеют расправиться с ним? — Раз'этакий ты сын!» И бесгласное тело поволокли дальше по мостовой. А перед аптекой Земмеля скопилось множество охраны, пешей и конной; гарцовали верховые казаки, звонко цокали о камень подковы толстозадых лошадей, быстро двигались небольшие коллоны пеших патрулей, четко трахая о камень сапогами, шагая все враз; стояли врассыпную по улице разные «нижние» чины, вытягивавшиеся в струнку при появлении тревожно мечущихся всевозможных благородий, забегавших в аптеку и стремительно выбегавших из нее. Вскоре носилки снова вынесли из аптеки, и вся ватага направилась вниз по Верийскому спуску.

«В Михайловскую больницу», — мелькнуло у меня в голове, и я стремительно бросилась бежать вдоль по Головинскому проспекту, рассчитывая раньше этой тихой процессии прибежать туда же, но через Ворон-

цовский мост. Я, действительно, прибежала раньше, но возле ворот и во дворе Михайловской больницы толпились тоже всевозможные нижние чины—готовилась встреча. Публику разгоняли с улицы. Зная все ходы и выходы в этой больнице, я направилась на Великокняжескую улицу, чтобы через задние ворота войти во двор больницы. Забравшись через подвальный ход в здание, я очутилась в квартире знакомой больничной прачки, семье которой я впопыхах рассказала о случившемся. Окна полуподвального этажа были по-летнему открыты настежь, и я свободно могла видеть, что делается во дворе, сильно освещенном газовыми фонарями. Вскоре во двор внесли носилки, и я побежала к приемной, чтобы узнать, кто в них находится. Оказался полицеймейстер Ковалев. Его понесли прямо наверх, в хирургическое отделение. «Ранен в руку,»—пронесся слух.

Наблюдая почтительно-тревожную суету переполненного городскими казаками и офицерами двора и приемной, я думала: «А того, убитого бомбиста, тоже привоколют сюда из полицейского участка? Куда его потащили с Ольгинской ул.?» Я ждала. И вскоре оказалось, что не напрасно. Его привезли на грузовом полке в сопровождении городских и жандармов. Не занося в приемную, его сразу же снесли в освобожденное от больных остро-заразное отделение, где установили посты караульных жандармов. В этом отделении, где имелись больничные палаты с железно-решетчатыми окнами, раненый был совершенно изолирован. Это отделение переполнилось какими-то людьми, военными и штатскими. Здесь я узнала, кто был террорист, находившийся в бессознательном состоянии. Помня рассказы старших товарищей о способах охранников пользоваться бредовым состоянием раненых террористов для своих допросов с выпытываниями нужных им сведений, я тут же решила, что должна немедленно поступить в больницу сиделкой, чтобы пробраться в остро-заразное и прислушиваться к тому, что будет говорить больной на допросах, чтобы сообщить их своей организации.

Так сложилось, что в этот день в больницу прибыла тяжело больная, для которой родные искали частную хожалку, чтобы оставить ее для постоянного ухода за нею. Меня сразу-же приняли в качестве такой хожалки, и я с вечера водворилась в больнице в женском терапевтическом отделении. Это было далеко от остро-заразного, и я, ища возможности приблизиться к нему и проникнуть туда, примостилась в комнате очередной ночной дежурной надзирательницы по больнице. Но план мой не удался: дверь, соединявшая оба смежные отделения, была наглухо заперта, из-за нее никто не появлялся. Но всю ночь было усиленное движение в больничном дворе, через который беспрестанно приходили и уходили люди, скрывавшиеся в подезде заразного, имевшего отдельный ход. Во дворе, у обоих отделений, в которых лежали и террорист и полицеймейстер,—снаружи, у окон и дверей, и изнутри, в коридорах, стояли караулы—у первого жандармы, у второго городские. Утром в визитационные часы, в мое отделение явился врач—ординатор Поповяц,

с которым у меня были давнишние счеты, оставшиеся между нами с четвертого года, когда я служила в этой больнице, заведуюя заразным отделением. Этот Поповянец сразу же взелся на меня: каким образом появилась я в его отделении вопреки его желанию. Пререкались мы в очень повышенном тоне, при чем я во все время разговора делала вид, что у меня в кармане имеется нечто, что грозит ему не добрым... Он это заметил и, кажется, поверил в опасность своей настойчивости... Замолчал. Среди дня он вызвал к себе в кабинет родных моей больной, пришедших навестить ее, и выражал им свое недовольство тем, что они навязали ему меня. Вечером того же дня пришли с моей квартиры с сообщением, что у меня был обыск.

Убедившись в течение суток, что мне ни под каким видом не удастся проникнуть к умиравшему террористу Херхеулидзе, я вечером отказалась от своей затеи и ушла из больницы, чтобы снова на следующее утро вернуться на фабрику. Вскоре затем Херхеулидзе умер в больнице, а Ковалев выздоровел и принялся энергично демонстрировать перед населением свою отвагу и бесстрашие. Спустя месяца два, на него снова было покушение, за которое убили Читадзе — директора дворянской гимназии, из окна которой были брошены бомбы. «Ликвидация» революции шла по всем направлениям как в городе, так и в деревне, где действовали карательные отряды. В Тифлисе в это время казаки, ворвавшись в здание семинарии, где происходило собрание священников, вынесших резолюцию протеста против кровавых расправ над арестованными политическими, и разогнав собрание нагайками, гнали их по улицам, сбивая с ног лошадьми, били до тех пор, пока жертва озверелой расправы либо падала, либо скрывалась где-нибудь под воротами. В это же время, летом 1905 г., была выслежена лаборатория бомб в Авчалах и арестованный по этому делу Воропаев был доведен до самоубийства в тюрьме.

Бойня 29 августа в Тифлисской городской думе.

События сменялись с такой калейдоскопической быстротой, что мы с трудом успевали ориентироваться в них. Из России мчались к нам, опережая друг друга, волнующие вести о начавшихся там революционных выступлениях; сильно возбуждали тифлисцев сведения о восстании матросов-потемкинцев в Черноморском флоте. Здесь с затаенным дыханием слушали и жадно ловили всякий слух о начинающемся революционном движении в центре страны. В этот период революционного под'ема тифлисы были охвачены стихийным стремлением к тесному единению в обсуждениях общественно-государственных вопросов, и для таких объединенных собраний различных революционных и общественных организаций иногда служил зал городской думы.

Когда появились газетные сведения о готовящемся проекте открытия «русского парламента» («Булыгинской думы») и создания на Кавказе

земства, — всеми ощутилась необходимость такого собрания, и 29 августа предстояло заседание гласных Тифлисской городской думы на котором должен был обсуждаться вопрос о введении земства. Он горячо обсуждался в социалистических организациях, где были вынесены резолюции с требованием участия рабочих масс в выборах в земство. Решено было на думском заседании присутствовать всем рабочим районам и представителям партийных организаций.

Вечером рабочие Нахаловки (Надзаладеви), Дидубэ и др. рабочих районов Тифлиса громадными массами повалили к Эриванской площади. Однако, несмотря на ожидавшееся ударное очередное заседание думцев, двери думского зала оказались закрытыми. Тысячная масса народа все-же прорвалась в помещение и, заполнив хоры, стала ожидать. Назначенное для заседания время давно миновало, а думцы почему-то не являлись. У публики, пришедшей сюда с повышенным настроением, терпение начинало иссякать, движение усиливалось, громко проявлялось недовольство, слышались протесты. Зал был полон сдержанного гула недовольных голосов. Все чаще стали слышаться предложения не дожидаться больше, а открыть самим собрание. Часть публики спустилась с хор и заняла места для гласных. На эстраде стали появляться то один, то другой из публики с предложением послать к гласным с вопросом—будет-ли сегодня заседание. Волнение росло, шум увеличивался; с эстрады начались предположения о том, что думцы не хотят вместе с народом обсуждать народные дела, не желают работать совместно с обществом, которое сегодня пришло сюда, чтобы принять участие в создании органов самоуправления. Наконец, появился городской голова Вермишев в сопровождении гласных — доктора Худадова, старого народовольца, ганчакиста Бабова и др. Он объявил, что при такой тесноте, давке и шуме работать нельзя, и он отказывается открыть заседание, пока публика не очистит зал заседаний и не уберется на хоры. Но на хорах яблоку упасть негде было и потому из публики пообещали потесниться до последней возможности и предоставить все места гласным. Вермишев не согласился на это и ушел. Худадов и Бабов остались в толпе, подхваченной ураганом негодования. Поднялся невообразимый гам. На Худадова и Бабова со всех сторон посыпались нарекания, обвинения в контакте с полицией, для удовольствия которой гласные яко-бы срывают собрание. Страшно побледневший Худадов, взволнованный до глубины души, отвечал, что у граждан нет оснований к таким подозрениям его, Худадова, что всем известно, что у него слишком много оснований быть недовольным полицией. Бабов, в свою очередь, вступил в пререкания с публикой, отвергая приписываемые ему обвинения. Кто-то, появившись на эстраде, дал ему отповедь, указав на то, что он совместно с либералами оббивает пороги властей, в качестве делегации к наместнику, и все они просят и торгуются с властью в то время, как пролетариат льет кровь на улицах и, не боясь жертв, силой отстаивает свои права. После этого Худадов и Бабов ходили к гласным с просьбой

от имени собравшихся начать заседание, но те были непреклонны. После ходили еще к ним и от публики, но результат был прежний. В чем заключалась причина их упрямства? Барские ли привычки не стеснять себя, рассестись так, чтобы никто им не мешал, а в зале, в это время летней духоты и жары, набилось публики видимо-невидимо? Из боязни ли переступить букву устава, согласно которой публика не допускалась в зал во время заседаний и должна была довольствоваться пребыванием на хорах, а за нарушение правила президиум мог подвергнуться ответственности? Искренний ли испуг перед таким громадным скоплением народа, какого думские стены не видали за сотню лет своего существования? Подчинение ли Вермишева приказанию властей не допускать обсуждения таких важных вопросов совместно с рабочими, вплоть до срыва заседания? Или, наконец, вполне сознательный протест собственнической буржуазии, капиталистов и предпринимателей против попытки рабочих вмешаться в управление, вырвать из рук буржуазии и дворянской аристократии гегемонию или хотя бы разделить с нею общественную правомочность, добиться равенства и влияния на дела, касающиеся всего населения, но до сих пор творимые по усмотрению и расчетам имущих классов? Вернее будет допустить наличие части элементов всех вышеизложенных предположений. Все вместе взятое скрутило гордиев узел классовых противоречий, которые рассекаются только мечем революции. Факт, однако, тот, что думцы заседания открыть не захотели, требуя удаления публики из зала для гласных, и публика сама открыла собрание по вопросам о текущем моменте, о земском положении на Кавказе, о поведении думцев, о их враждебной рабочему классу буржуазной психологии. Попутно говорилось и о провокационных действиях властей: об армяно-татарской резне, бросании агентами правительства бомб с целью устроить кровопролитие, о кровавых событиях в Закавказьи и о необходимости свержения самодержавия. Все это свободно говорилось с трибуны официального учреждения, в условиях военного положения, на котором город хронически состоял с давних пор. И генерал-губернатор Яцкевич, в руках которого сосредоточивалась тогда вся власть диктатора, не стерпел такого, по его мнению, вопиющего игнорирования его неограниченных полномочий. Из правительственного сообщения, расклеенного после кровавых событий того рокового вечера, явствует, что он обращался к Вермишеву с требованием прекратить незаконное собрание, на что последний яко-бы предложил ему самому разогнать собравшихся. Этот же смысл ответа Вермишева сообщается и генералом Ширинкиным, заведывавшим полицией на Кавказе, в его донесении в департамент полиции. Однако Вермишев, и в своем официальном обращении через газеты к населению Тифлиса и в официальной переписке с властями, сохранившейся в архивах исторического революционного музея Грузии, гневно отводит от себя такое сообщение генерал-губернатора, стараясь доказать, что он на угрозу Яцкевича, возложить всю ответственность за незаконные действия в думе

на Вермишева, ответил, что принимает на себя эту ответственность, после какого ответа Яцкевич не пожелал продолжать с ним разговора, а явился к думе с казацкими сотнями.

Думается, что доля правды скорее на стороне Вермишева, чем Яцкевича,—самодура, отличавшегося большой долей экспансивности, благодаря которой он, из-за ведомственной амбиции, решил на такой роковой шаг, сыгравший в истории революции на Кавказе роль 9-го января в России. Это предположение тем более похоже на действительность, что Вермишеву сошло безнаказанно его опровержение, тогда как, пожалуй, за клевету, дискредитирующую авторитет диктаторской власти, с буржуйчиком бы расправились. Однако, так или иначе, но Дума была окружена казаками, ворвавшимися в зал заседания и принявшимися косить людей направо и налево. Там было не меньше тысячи человек, и казаки, ставши у входа в зал и закрывши выход из него, палили в упор в толпу. Бросавшихся к выходу отбрасывали назад, били прикладами, рубили саблями. Прорвавшиеся же толпы гнали на другие части казаков, встречавших обезумевших от ужаса людей ружейными залпами. Выбегавших на улицу тут же убивали, гонялись за ними по улицам вблизи Думы и резали, кололи; в появлявшихся у окон тоже палили, и убитые валились из окон на улицу; скрыться негде было, так как казаки рыскали по всем закоулкам здания, извлекали забившихся в щели и убивали; на чердаках, на вышках, в подвалах—всюду находили и уничтожали безоружных; думские дворы переполнились казаками и загнанными сюда, искавшими прикрития и спасения, людьми. Здесь шли рукопашные схватки, здесь люди бросались на стены соседних строений, разбирали и ломали их, спасаясь в проломах. Безвыходность положения захваченных врасплох и запертых со всех сторон людей, которых отовсюду подстерегала смерть,—было неопишимо, неизобразимо потрясающе. Без преувеличения можно сказать, что весь центр города, с прилегающими к нему улицами, был забрызган и запятнан кровью. Аптеки мигом переполнились ранеными, которым немедленно оказывалась первая помощь. Ближайшие дворы были забиты панически прячущимся народом. Всюду шли облавы, участки были набиты до отказа. В больницах, куда решались войти раненные за помощью, полиция устроила засаду, и медицинский персонал не успевал толком завязать кровоточащие раны, как арестованных забирали и тащили куда-то. Тюремные лазареты были переполнены ранеными, военный лазарет также не вмещал всех приводимых и привозимых под конвоем окровавленных арестованных. Стали, наконец, и Михайловскую больницу заполнять тяжело ранеными. Множество пострадавших, успевших ускользнуть из под цепких полицейских рук, попрятались, скрыв свое ранение, и предпочитали остаться без медпомощи, чем попасться со своими ранами на глаза полиции и быть арестованными. Всю ночь полиция увозила с места происшествия трупы убитых, наваливая их кучами на товарные платформенные платформы. На хорах думской залы, где было большое скопле-

ние публики, оказалась громадная лужа крови. Вслед за этим, каждый вечер, с наступлением темноты, из Михайловской больницы, под наблюдением полиции, вывозились длинными вереницами гробы умерших от ран, и полиция сопровождала мертвых до самой могилы, уходя лишь тогда, когда трупы были зарыты. Они почему-то боялись, чтобы родные, тоже часто сопровождавшие своих покойников, не увезли-бы их в другое место на погребение. . . Целыми днями, до поздней ночи, мертвецкая больницы была открыта настежь для потерявших в тот вечер своих близких и приходивших опознавать неизвестных, не узнанных жертв дикой расправы. В эти трагические дни плачь, рыдания, стоны отчаяния—не переставали оглашать двор Михайловской больницы. Большие толпы убитых горем людей наполняли этот страшный двор и запружали прилегающую Великокняжескую улицу, не расходясь до глубокой ночи.

Во всех правительственных сообщениях и секретных переписках полицейских органов, с материалами которых мы теперь знакомимся в государственных архивах, показано: убитых 23, ранено 50. Однако, вскоре стали поступать вести, что, вне Тифлиса, река Кура несет в своих мутных волнах десятки трупов убитых пулями и зарезанных людей. Об одном из таких случаев появления множества утопленников отважилась сообщить грузинская газета «Цнобис-Пурцели», от 6 сентября 1905 года, где говорилось, что «в Караязы прибыло к берегу сразу двенадцать трупов со следами насильственной смерти». . . По поводу этого сообщения прозевавшая цензура. получила нахлобучку от властей, издавших в те жуткие дни секретный циркуляр цензорам: не пропускать в газетах никаких сообщений, упоминающих о событии 29-го августа.

В первые же два дня, последовавшие за тем, появились прокламации обеих фракций с.-д. партии, одна из которых, большевистская, призывала население и рабочих к активному выступлению с протестом вплоть до вооруженного восстания. Вслед за появлением этого призыва состоялась всеобщая забастовка не только в Тифлисе, но и во многих местностях Грузии. Торговля не производилась в городе, трамвай не работал, даже извозчики не выехали на работу; на железной дороге забастовка прошла не полностью. На улицах толпились возбужденные люди в трауре. Две трети состава Гор. Думы, во главе с Вермишевым, подали в отставку и пред'явили правительству свой коллективный протест, требуя расследования событий и предания суду виновников расстрела.

Согласно правительственному сообщению, публика первая начала стрелять в казаков. . . . «Пули градом сыпались из окон и дверей думского здания» . . . — доносит здешняя полиция в центр. Но ни у сотен убитых и раненых участников собрания, ни у громадного числа арестованных, из которых в ту же ночь освобождено 104 челов. (после обыска и опроса), ни на месте происшествия кровавой бойни,—нигде не было найдено ничего, сколько-нибудь указывающего на наличие оружия у публики. Около 200 челов. убитых и более этого числа раненых было среди уча-

стников собрания, а из войсковых частей ранено всего только двое, да и то, вероятно, своими-же.

Покушение на казаков.

Все слои тифлисского общества потрясены были случившимся, и всеобщее негодование достигло крайних пределов. Возбуждение населения, особенно в пролетарской среде, переходило в неистовство. На улицах громко раздавались ругань и угрозы по адресу властей вообще и казаков в особенности. В рабочих кругах не умолкали настойчивые требования террора. Взоры всего населения были обращены на революционеров, из которых некоторые группы рабочих с.-д. ¹⁾, по своей инициативе, начали готовить нападение на казаков. Инициаторов-боевиков в то время среди с.-д. было до 25 чел., из коих выделилась группа в 9 чел., взявшая на себя проведение террористических актов над казаками Павловского полка, яростно расправившегося с тифлисцами 29 августа. В деле организации этого акта принял участие и комитетчик Сильвестр Джибладзе. Готовились несколько недель, изучая казарменные условия жизни пластунов и заготовляя бомбы. Наконец, 24 октября Аракел Окуашвили передал 13 бомб группе, которую составляли нижеследующие товарищи:

- 1) Коля Геловани («Стессель») — рабочий-печатник (теперь работает в типографии «Заря Востока»).
- 2) Саша Гегечкори — интеллигент ²⁾.
- 3) Гриша Игнатов — рабочий ³⁾.
- 4) Матвей Кереселидзе — рабочий ⁴⁾.
- 5) Миха Чантурашвили («Того»), который с громким именем опытного террориста, незадолго перед тем явился из Кутаиса в Тифлис. Впоследствии он был убит в Озургетах во время побега из тюрьмы (в 1907 году).

Эта пятерка с восемью бомбами направилась к 1-й сотне пластунов на ул. Броссе, где действия должны были происходить в наиболее тяжелых условиях, потому что эта сотня, отличавшаяся особенной жестокостью, опасаясь мести, окружила себя усиленным караулом. Часовые в этой казарме были понаставлены всюду, где только можно было удержаться человеку, — и на стогах сена во дворе, и на стенах, и у ворот. . . .

25 октября, в девятом часу вечера, во дворе казармы шла перекличка, и казаки столпились в одну кучу. В этот момент пятерка храбрецов подобралась к казарме с разных сторон и, пальнув раз-другой в часовых из револьверов, швырнула бомбы — каждый в своем намеченном пункте.

¹⁾ Партия с.-д. в Тифлисе была самая многочисленная и наиболее влиятельная.

²⁾ Теперь Наркомзем.

³⁾ Теперь работает в жел.-дор. авиации.

⁴⁾ Теперь осмотрщик вагонов на железной дороге.

Кто отважился вскочить во двор и кинуть снаряд прямо в толпу казаков, кто бросал через забор, кто в окна, а «Того», в азарте и в попыхах, брякнул бомбу в часового. . . Все дело длилось меньше полминуты, и налетчики скрылись, убежав кто куда. Раненым оказался Саша Гегчори. У него осколком бомбы вырвало кусок мяса с левой части тела, но он все же нашел силы убежать с места взрыва, добравшись до следующей улицы, где укрылся в мелочной лавочке. Перебившись ночь без медицинской помощи, он утром пробрался домой.

Из восьми брошенных бомб взорвались шесть и произвели страшное опустошение. Хотя официальные сообщения и объявили о шести пострадавших, но на самом деле убитых вывозили фургонами, что старались скрыть от самих же казаков.

Придя в себя, казаки немедленно бросились в погоню за скрывшимися террористами. Стреляя направо и налево, в результате чего были убиты и ранены не только из публики, подвернувшейся вблизи взрыва, но и свои же пластуны.

Неистовству казацкой злобы не было границ. Оцепив квартал, прилегающий к казарме, они открыли на улице такую стрельбу, точно нужно было выбить из города целую армию врагов. Палили по домам так озверело, что в некоторых из них, как, например, в большом густо населенном доме Ланго № 7, находившемся под ураганным обстрелом в течение более получаса, от стекол в окнах остались одни воспоминания, печи были разрушены, вещи разбиты, стены пробиты, пол изуродован. Обыватели, жалуясь впоследствии на это нападение казаков, писали в своих заявлениях, что, если бы казакам удалось прорваться в дома раньше, чем подоспели саперные части, которые вместе с ними пошли производить обыски прилегавших домов, то население их было бы перерезано. Обыски домов со взломами полов, и т. п. саперных мероприятий, не дали никаких указаний на следы налетчиков. В этом районе в ту ночь арестовано было 18 человек, из которых некоторые были тяжело ранены. В конце-концов убитому возле казармы гражданину Чаханелидзе было приписано покушение, а остальные арестованные не судились.

Одновременно со взрывом во дворе 1-ой сотни произошло нападение бомбометателей и на другую сотню того же полка, расположенную в Орточалах, на Воронцовской улице. Там действовали члены одной и той же террористической группы: социал-демократ рабочий Арсен Джорджишвили и Матвей Пруидзе, бросившие в казарму взорвавшиеся бомбы. Оба террориста благополучно скрылись. Там тоже было убитых и раненых не меньше десятка, и произошла та же паника и то же остервенение казаков, подвергнувших сильнейшему обстрелу кварталы. На улицах и при обысках домов захвачено было 62 человека, при чем раненых бомбой случайных прохожих приняли за виновников покушения и тех из них, которых не успели убить и забить до смерти в первый момент, арестовали, как террористов, но потом они были освобождены.

В центре города, около дворца наместника, и в тот-же самый час, членами той же соц.-дем. террористической группы,—рабочими Миха Хуциевым («Бацац») и Якуловым («Варшавис каци»), — брошены были в казарму конвоя наместника две бомбы, из которых одна не взорвалась. Виновники и здесь ускользнули от ареста. Казаки же, совместно с драгунами, били и убивали людей, находившихся даже далеко от места взрыва. Так, казачий патруль, гарцовавший на улице Петра Великого, услышав взрыв, бросился на прохожих, случившихся на этой улице в момент взрыва, и валил их на мостовую пулями и прикладами. А после, врываясь в больницу, отыскивали ими же раненых и изувеченных и настаивали на том, что раны произошли от осколков бомб, пытались отправлять на виселицу мнимых террористов. Как на пример, можно указать на одного мальчика 16 лет, некоего Сагомояна, изуродованного казаками. Найдя его в больнице, они долго терзали его, назначая комиссии военных хирургов для определения характера ран, и чуть-чуть не повесили. А врачей Михайловской больницы, за их заключение о наличии не осколков бомбы, а пуль в теле мальчика, намеревались было привлечь к ответственности за умышленное укрывательство ¹⁾. Кончилось все же освобождением мальчика.

Часть из подозревавшихся в участии в этом деле, после агентурных наблюдений, была переарестована 1-го октября 1905 г.: 1) К. З. Вашакидзе, 2) Е. А. Асатиани, 3) А. Ф. Вашакидзе, 4) Д. И. Гогниев, 5) Я. М. Лордкипанидзе, 6) Д. Н. Шмелев, 7) И. Л. Вылазко, 8) Колистр. Рион. Долидзе, 9) В. Г. Урушадзе, 10) Вадачкория и многие другие.

В заключение этой главы, уместно будет сказать несколько слов из героической биографии каждого из участников этого террористического акта. Большинство имен этих смелых и самоотверженных борцов, достойных выразителей своей эпохи, красуется среди целой плеяды отважнейших партизанов разгромленной революции. Часть из них тогда же положила свою жизнь за рабочее дело, а иные и сейчас еще живут среди нас незаметными, неизвестными рабочими тяжелого черного труда.

Начну с М. Чантурая («Того»), который вскоре после совершения вышеописанного акта убил окологочника. Пустившись бежать от преследования, он в темноте наткнулся на уличную тумбу, упал, револьвер разбился о камни, и его захватили. Избитого, изуродованного, его привели в Метехскую тюрьму. В суд возили его всего забинтованного и в конце 1905 г. приговорили к 15 годам каторги. В начале 1906 г. он, распилив кандалы и железную решетку окна своей камеры, бежал, уведенный постовым солдатом, оставившим на посту свою винтовку. В Озургетах он был снова арестован, бежал и был убит по пути из Гурии.

Коммунист Николай Геловани, несмотря на всю бурность своей революционной карьеры, рискованные подвиги и длинный ряд бесстраш-

¹⁾ Архивный фонд № 63, папка № 1905.

ных революционных выступлений, удержался в жизни и, хотя и надломил свое здоровье, но от станка не уходил. В эпоху революции 1905—07 г. ему пришлось много действовать револьвером... В одном 1906 г. он уничтожил следующих полицейских гадов: 1) помощника начальника Охранного отделения—Чипага; 2) охранника—шпиона Сагинова, 3) фельдфебеля—сапера, по постановлению солдат этого батальона (здесь он действовал вместе с Михаилом Хуциевым). Участвовал в начале 1906 г. в добывании ружей из казарм саперного батальона, где взяли 17 винтовок; принимал участие в экспроприациях. В тюрьму попадал неоднократно, но не по серьезным делам.

Саша Гегечкори, оставаясь в среде террористов до 1907 г., совершил несколько террористических актов и участвовал в экспроприациях, при чем известно, что при убийстве околочного Парна ему пришлось три раза возобновлять и слежку за ним, и нападение.

Нельзя не изумляться исключительной удачливости этой группы, действовавшей в течение всего террористического периода революции 1905 г., длившегося до конца 1907 г. Они понесли сравнительно мало потерь и, попадая в тюрьму, ловко отделялись лишь административным взысканием.

Правда, всем известна гибель Джорджиашвили, повешенного в 1906 г., за убийство начальника Штаба войск Кавказского округа Грязнова, и Матвея Пруидзе, застреленного в том-же 1906 г. полицеймейстером Мартыновым, на которого он покушался с двумя бомбами, к сожалению, не взорвавшимися.

Был еще среди них Якулов (имени не помню), попавший на каторгу на 15 лет за убийство в 1906 г. провокатора Гаршенина. Он умер на каторге.

Из других террористов надо отметить Матвея Кереселидзе, изощрявшегося в уничтожении погромщиков из «Союза русского народа», которых он буквально косил; затем, Гришу Игнатьева, убившего в 1906 г. держиморду Павличенко,—старшего надзирателя Метехской тюрьмы, приговоренного к смерти заключенными этого замка. Здравствует и сапожник Миха Хуциев, удачно охотившийся в 1906—1907 г.г. за многими удушителями революции 1905 г. Все в том же 1906 г. он, по постановлению солдат-саперов, совместно с К. Геловани, застрелил фельдфебеля этого батальона.

О к т я б р ь с к и е д н и.

После всех этих нашумевших террористических актов введено было военное положение, вскоре сменившееся чрезвычайной охраной, и весь противореволюционный лагерь ощетинился на рабочих — своих опаснейших врагов. Уже после кровавого события в Гор. Думе улицы города были заполнены войсковыми патрулями и часовыми, выставляемыми в подмогу полиции.

Уже тогда солдаты и казаки, патрулируя по городу, не оставляли ни одного закоулка без своего контроля, зорко наблюдали за окнами каж-

дого дома, подозрительно всматривались в каждого прохожего и проезжего. Не говоря уже о повальных обысках жилищ, на улицах мужчин подвергали поголовному обыску; женщин же пока щадили и не подвергали личным обыскам, ограничиваясь лишь осмотром того, что они несли в руках. На всех мостах реки Куры, разделяющей город на две равные части, стояли заставы, не пропускавшие никого без предварительного осмотра. Паром также был занят войсками, и рабочие-революционеры предпочитали переносить нелегальщину именно в этом захудалом пункте, представлявшем больше возможности вырваться из рук полиции, если попадешься. Там легче было и ускользнуть от зоркого глаза наблюдавших и угроворить или мигом сагитировать солдата, поймавшего с недозволенным, а также и отстреляться при случае. . .

С конца августа месяца пройти с револьвером или пронести нелегальную литературу было предприятием чрезвычайно рискованным, доступным разве для женщин, да и то лишь днем. В случае обнаружения при обыске недозволенного, полагался немедленный же и беспощадный мордобой, коим арестованных напутствовали всю дорогу, на виду всего населения, которое, стиснув зубы, молча выжидало своего часа. . . Чем дальше, тем больше реакция распоясывалась, наглея не по дням, а по часам. Тюрьмы переполнялись изувеченными при арестах, распухшими и посиневшими от побоев людьми. Были случаи изнасилования городскими женщинами, запоздавших на улице после восьми часов, позже чего запрещалось появляться на улицах. Из-за женской стыдливости, подвергшиеся такому насилию не поднимали ни общественного скандала, ни судебного процесса, но эти случаи еще больше разжигали ярость в пролетарских массах, и два освирипевших лагеря стояли друг против друга, оцетинившись и выжидая момента, чтобы броситься один на другого. А развивавшиеся события, с быстротой урагана, неслись вперед, приближая роковой момент смертельной схватки, и в наших рядах шла лихорадочная работа подготовки к этому решительному моменту.

Неустанно работали и умственные силы партии—ее теоретики, ведя литературную работу, словесные диспуты и агитационно-пропагандистские кружки в рабочей среде; торопливо гнали работу и технические силы, собирая оружие, заготавливая взрывчатые материалы. Организация революционных масс шла быстрым темпом, и подпольные типографии спешно печатали нелегальщину, почти ежедневно выбрасывая листовки и др. материалы, служившие к разъяснению массам населения сущности текущего политического момента, задач пролетариата и путей к объединению борющегося рабочего класса. Рабочие группы партийцев-техников, обслуживавшие типографии, сбивались с ног, распространяя литературу, и мозги их положительно разбухали от напряжения при изыскании способов переноски литературы на предприятия, в кружки и в воинские казармы.

Та маленькая группа технических работников, к которой принадлежала тогда и пишущая эти воспоминания, и в которой состояло еще 3

человека: Арменак Убриев, тогда рабочий-табачник, теперь деповский рабочий-коммунист, Артем Торозов, парикмахер, оставшийся до настоящего времени большевиком, и гимназист Джапаридзе, обслуживала большевистскую типографию на Авлабаре и занималась снабжением города нелегальной литературой. Так как женщинам легче было пронести нелегалку, то мужчины поручили мне носиться по городу с кипами листовок. Трудно было пронести через заставы за город, в Навтлуг, в драгунские казармы. На границе города и Навтлуга обыскивали даже женщин. Приходилось облепляться прокламациями под одеждой и, раздувшись купчихой, лавировать в центре города, соразмеряя каждый свой шаг с направлением движения патрулей, идя сзади них на почтительном расстоянии. Миновав по пути одну группу солдат или казаков, приходилось высматривать, чтоб не наскочить на другую. При встрече надо было заблаговременно улизнуть в ближайший двор и выждать, пока патруль минует тебя. На пункте же, откуда начиналось фургонное движение (линейки) в Навтлуг, обычно приходилось стоять часами, выжидая пока не появится какой-нибудь офицер, направляющийся за город. К офицерам я в таких случаях и примазывалась, чтобы избежать всеобщего обыска. Заняв место на линейке рядом с таким спутником, по дороге завязываешь с ним разговор, который стараешься не прерывать у заставы, где часовые тщательно обыскивают путников. Офицера они пропускали без обыска, и я, продолжая непринужденную беседу с ним, делала перед солдатами вид, что имею касательство к его благородию и таким образом спасалась от обыска.

К середине октября терпение рабочих иссякло, и давно назревавшее озлобление масс начало разряжаться открытыми проявлениями гнева и недовольства. Началась забастовочная волна, стихийно нахлынувшая вторично в этом году и бурно разливавшаяся по предприятиям.

Террористические акты, однако, готовились, и никакая бдительность властей не могла помешать переноске взрывчатых снарядов на места, и взрывы бомб то в одном, то в другом месте служили лучшим доказательством тому, что назревшую революцию не так то легко и просто вытравить из пролетариата. В казачьи раз'езды, патрулировавшие по городу, продолжали бросать бомбы, и на улицах Тифлиса по несколько дней валялись убитые казачьи лошади, а число убитых и раненых казаков властями тщательно скрывалось.

На предприятиях брожение в рабочих массах выражалось в объявлении забастовок, с предъявлением требований самого безудержного характера. При объявлении забастовки рабочие обращались в комитет социал-демократической партии с просьбой прислать своего представителя в качестве арбитра, для присутствия при переговорах рабочих с предпринимателями. И комитет отряжал таких товарищей; так, например, на табачную фабрику Сафарова, где в то время работала я, являлся Георгий Караджев, который вел такие переговоры совместно со стачечным комитетом, состоявшим из рабочих социал-демократов, двух братьев Мамацашвили (Гриша

и Гарсо, впоследствии погибшие на террористических актах, которых они совершили большое количество), меня и еще кого-то из соц.-демократов. К соглашению мы не пришли и прекратили работу. Аналогичное положение было и на других предприятиях Тифлиса. Насколько обострена была враждебность населения к власти и как велика была сила сознания единства задач соц.-дем. партии с пролетариатом, можно видеть из того характерного факта, что, несмотря на то, что в этот острый период реакционного нажима на все слои тифлисского общества, когда интенсивность «работы» всех охранных органов власти достигла высшего напряжения, город был насыщен шпионами,—в это самое время рабочие, зная местонахождение руководителей партии, шли к ним за советом и поддержкой, а те открыто являлись к предпринимателям с заявлением, что они возглавляют рабочее освободительное движение, и все это им сходило с рук.

Для иллюстрации этого выхода из подполья нелегальных партий в самый разгар реакции, приведу пример из личной практики низовой революционной работы. Однажды летом 1905 г. вызывает меня фабрикант Сафаров в контору фабрики и просительно, внушает мне: «Вы приносите на фабрику прокламации и открыто распространяете их среди рабочих; из того, что мы вас не притесняли за это, — не следует, что можно совсем не стесняться—ведь и за нами наблюдают... Если ваша открытая революционная деятельность станет известна в полиции, то могут обвинить фабриканта в причастности и закрыть фабрику. Старайтесь, чтобы из-за вас не пострадали другие»....

Даже лавочники и духанщики содействовали террористам в выполнении их замыслов, пряча последних и давая им возможность скрываться после террора. Все, без исключения, слои общества рассчитывали тогда на благотворность революционной борьбы пролетариата и ждали, что в результате его выступлений явится освобождение от душившего всех полицейского гнета.

Таким образом, уже в то время, до появления манифеста 17 октября с его «свободами», работа социал-демократической партии волной всеобщего революционного возбуждения выносилась из подполья на поверхность, и пролетарская социалистическая партия стихией всеобщего стремления к свержению самодержавия ставилась во главе революционного движения. Совокупность усилий всего общества в борьбе с самодержавием привела к тому, что в половине октября забастовка в Тифлисе была, действительно, всеобщей, вплоть до закрытия торговли.

Подпольная типография соц.-демокр. почти ежедневно выпускала листовки с сообщениями о событиях в России, а в закрытых помещениях постоянно шли собрания. Манифест 17 октября застал город притихшим, грозно напряженным в своей готовности к решительной схватке.

Объявление этого манифеста еще не появилось, когда рано утром 18 октября громадные толпы народа стали стекаться к редакциям газет в

ожидании их выхода. Весь этот день население провело целиком на улицах Тифлиса. Одни ликовали до слез, до умиления, другие яростно протестовали против «куцого» манифеста. Всюду наблюдались громадные толпы, возбужденно обсуждавшие события и азартно спорившие. Митинги создавались сами собой, и многотысячные массы выслушивали ораторов всевозможных политических направлений, между которыми велась горячая полемика, выяснявшая значение манифеста и отношение к нему различных слоев общества. Речи всех ораторов покрывались криками либо: «да здравствует!»—либо: «долой!». Одновременно с этим на вокзальной площади был устроен митинг для солдат. Нахаловка с этого дня стала центром внимания всего города, и отсюда шло руководство дальнейшей его жизнью.

Здесь с 18-го октября забурлила митинговая волна, и все, интересующиеся политикой и сущностью момента, ежедневно стекались сюда с красными знаменами, с революционными песнями и оркестрами музыки. 18-го октября десятки тысяч народа со всех районов заполняли уже Нахаловскую площадь, где с трибуны говорили ораторы под руководством агитационного бюро соц.-демокр. На 19-е октября было решено отправиться к тюрьме с требованием освобождения политических заключенных.

С утра этого дня Нахаловку уже заполняли мощные народные массы: одиночки, группы, профессиональные коллективы, партийные организации, делегации от национальностей. Ярko пылающие банты красовались на груди каждого, и торжествующие звуки революционной музыки победно гремели, вдохновляя надежды на осуществление революционных чаяний. Неисчислимо множество красных знамен багряным заревом рдело над морем голов и знаменательно было разнообразие этих знамен, представлявших эмблему каждой организации, несшей их, начиная от саженных бархатных полотен, сверкавших золотой отделкой, с тяжелыми кистями, и кончая миниатюрными, пропитанными мазутом, сигнальными флажками, принесенными стрелочниками. Демонстранты, вливаясь на площадь, располагались вокруг ораторской трибуны и ждали речей и телеграмм, печатавшихся в ежедневных бюллетенях соц.-демократич. партии, которые, по мере выпуска, прочитывались с трибуны.

Все события в России, и в особенности перипетии борьбы восставших Потемкинцев, тревожили и волновали тифлисцев, готовившихся к таким же революционным выступлениям.

19 октября из Нахаловки, десятками тысяч, митинг двинулся демонстративным шествием к Метехскому тюремному замку. По пути демонстрантов приветствовали солдаты саперного батальона (в Нахаловке), вывесившие красные знамена и переделавшие национальные флаги в революционные, содрав с них белые и синие полотнища. Казаки-пластуны встречали у своих казарм красную толпу приветливыми взмахами своих папах, а офицеры почтительно снимали фуражки и вслед за всеми напевали: «Отречемся от старого мира».

Одна громадная часть демонстрации двинулась на Авлабар, где находились казармы главных (по многочисленности) сил Тифлисского гарнизона, и здесь был устроен грандиозный митинг для солдат. Другая часть была направлена через Головинский пр., мимо дворца наместника, где во время остановок произносились речи о конституции, о демократической республике и т. п.

Обе части, наконец, сошлись у Метеха, из окон которого были вывешены казенные простыни, окрашенные в красный цвет. Толпа заперла все входы и выходы тюремной улицы, и перед окнами тюрьмы, охрипшие от речей, ораторы говорили о свободе, а из-за железных решеток неслись крики «ура!» и «да здравствует свобода!».

Тем временем делегаты вели переговоры с администрацией тюрьмы, а также ходили к наместнику, у которого получили заверения об освобождении заключенных завтра, т. е. 20 октября, но лишь тех, которые не подлежали суду. Захваченные же на террористических актах и пойманные с бомбами—амнистии не подлежали.

Волновались и томились у тюрьмы до позднего вечера, не желая расстаться с сидящими там товарищами, наконец, в ожидании завтрашнего утра, разошлись по домам.

20 октября освобожденные товарищи прямо из тюрьмы, стройными рядами, с красным знаменем, явились на митинг у авлабарских воинских казарм, где некоторые из них немедленно же выступали с речами. В тюрьме остались двенадцать товарищей, не подошедших под амнистию.

По всем путям шествия демонстрантов окна домов и балконы были украшены красными флагами, коврами и кусками материи, в толпу бросались цветы и венки... и с утра до вечера гремели призывы с трибун к борьбе, к продолжению забастовки, пока народ не завоеует полную свободу.

Вся полиция в это время испарилась из Нахаловки.

21 октября на митинг в Нахаловке некоторые национальности прислали своих делегатов с красными знаменами для вручения революционным организациям. Делегации от солдат еще накануне начали являться сюда и с трибуны выступали со своими декларациями, требованиями, жалобами на тяжесть солдатского быта и обещали поддержать рабочих своим оружием. Сегодня солдаты были в большом количестве вкраплены в пеструю митинговую толпу, и из их среды неслись угрозы офицерам, командирам и лились солдатские клятвы обратить свое оружие на защиту народных прав. Решительной революционностью отличались саперы из Нахаловских казарм и интендантские солдаты, тоже жившие вблизи Нахаловки; за ними следовали части Мингрельского полка. Говорил с трибуны дьякон; выступали и офицеры, один из которых, горячо убежденный революционер—Хаситашвили (псевдоним Эвдашвили), открыто остался с рабочими до конца и руководил впоследствии красными дружинниками во время обороны рабочего района Дидубэ, при нападении на него казаков,

23 декабря 1905 г., обстрелявших из орудий дом, в котором находился штаб красной обороны.

Всей неисчислимой массой митинг отправился на Головинский проспект, где должен был происходить парад войскам по случаю годовщины восшествия Николая II-го на престол. Вслед за ними туда же потянулся крестный ход «Союза русского народа», организовавшегося за истекшие три дня и впитавшего в себя всю тьму и беспросветность, все отбросы общества, отрепья классов, все, что было наиболее шовинистического из русского населения Тифлиса: чиновников, помещиков, попов, полицейских, мясников, лавочников и суб'ектов пропойного образа, и босяков, и громил. Председательствовал у них церковный староста—кулак Головачевский, а вдохновителями были попы—Городцов, Восторгов и др. Сюда же была втянута и бессознательная часть русских рабочих Зубатовского пошиба. На Головинском проспекте оба враждебные лагеря встретились, и между ними завязалась перебранка, посыпались взаимные угрозы, началось всяческое противодействие друг другу: едва одни запоют марсельезу, как другие из всех сил загорланят «боже, царя храни!»... Во избежание схватки между обоими манифестациями были поставлены войска.

При возвращении патриотов во-свояси, их сопровождали пехота и драгуны,—охрана против красных демонстрантов, которые давным давно ушли в Нахаловку, и улицы всюду были пустыньны. По пути к патриотам присоединились воспитанники кадетского корпуса в полном составе, со своими воспитателями во главе. Дальше к шествию примкнули юнкера, и вся эта толпа, собиравшая по пути зевак, отправилась к пластунским казачьим казармам на Артиллерийской] площади, где продолжалась патриотическо-черносотенная агитация с выражением верноподданнических чувств и негодованием по адресу социалистических организаций. Говорилось о «внутренних врагах», «об инородцах», которых надо уничтожить для спасения царского трона, и т. д. Возбужденные этими черносотенными призывами, темные массы долго канителились на улицах Тифлиса и вечером того же дня всем скопом снова ходили на Головинский проспект поздравлять наместника...

На следующий день, пользуясь церковным праздником, черносотенцы опять скопились у Миссионерской церкви (расположенной вблизи Нахаловки), где слушали черносотенную проповедь попов о гибели страны и угрозе трону от врагов престола и отечества. Наэлектризовавши толпу человек в 1.000, заправились-погромщики вооружили ее хоругвями, портретами царя, национальными флагами и, с непрерывным пением «боже, царя храни», двинули ее к пластунским казармам все на той же Артиллерийской площади, где толпу казаки встретили с криками «ура», с музыкой и, обнажив сабли, окружили ее почетным караулом.

После зажигательных речей увеличившаяся за счет казаков процессия двинулась к юнкерскому училищу, где ее ждали и торжественно приняли на плацу училищного двора, куда явились и части стрелкового ба-

тальяна, назначенные охранять манифестантов. Опять крики «ура», новый оркестр музыки, митинг с соответственными речами.

Захватив юнкеров, патриоты двинулись дальше. У Кадетского корпуса их ждали воспитанники и в строевом порядке влились в общую массу, увеличенную еще и за счет зевак. Набравши тысяч с десять, пошли к наместнику, двигаясь двумя частями — с Верийского спуска и с Бярятинской ул. По дороге манифестанты держались вызывающе: задирали тех, кто не присоединялся к шествию и требовали, чтоб все встречные снимали шапки перед портретом царя.

Пожива, однако, была скучная, потому что революционеры митинговали в Нахаловке и на Авлабаре и, не желая подвергаться опасности столкновения, не пошли в центр города.

Натолкнувшись у 1-ой гимназии на группу гимназистов и любопытных, погромщики потребовали снять шапки. Задорные подростки осыпали «патриотов» насмешками и называли их черносотенцами и хулиганами. Шедшие во главе толпы полицейские чины не потерпели этого и бросились было на гимназистов, которые встретили нападавших камнями.

Один булыжник угодил в околоточного Синицина, который упал на мостовую. В толпе прокатилось сигналом: «Убили! Бомбы бросают!» И возглавляемая военными и полицейскими толпа ринулась на гимназистов, пустившихся враспынную и забежавших на гимназический двор. Стрельба, начавшаяся сейчас же, как упал околоточный, в одно мгновение усилилась, превратясь в беспорядочную пальбу. В то время, когда одни, ворвавшись в здание гимназии, расправлялись там с мальчиками и администрацией, рубя и стреляя во всех, попадавших под руку, другие, оставшиеся на улице, начали палить по зданиям и вдоль Головинского проспекта. Погромщики и озверелые юнкера с казаками резали и убивали направо и налево жителей осажденных домов, а в это самое время толпа в панике металась по улице из стороны в сторону, опрокидывая и давя друг друга и в ужасе наскакивая на стремительно бегущих и на бегу стреляющих солдат своего же почетного караула... А тут, как на беду, случайно (или умышленно, — так и не удалось впоследствии выяснить) взорвались две бомбы где-то вблизи, и можно себе вообразить, что произошло в многотысячной толпе, захваченной врасплох... Все падали на мостовую. Вооруженных среди манифестантов было и без солдат многое множество, потому что шли, готовясь к бою; стреляли все, куда попало, не разбирая направления. Пули пронизывали воздух и градом носились в пространстве, осыпали окна домов, сверлили стены зданий.

Прибежавшие первыми на стрельбу казаки конвоя наместника, а вслед за ними и другие войсковые части, спасая манифестантов от воображаемого наступления «красных», не прекращая пальбу, закрыли все выходы с Головинского проспекта, заперев таким образом мечущуюся в смертельном страхе толпу, не находящую выхода. Это было какое-то бешеное неистовство громадного стада безумных, бросавшихся друг на дру-

га... Разъяренные, мечущиеся звери в запертой клетке во время пожара пустяки в сравнении с тем, что было здесь. В результате этой всеобщей панической стрельбы, бессмысленной и бестолковой, получалось впечатление, что стреляют сразу со всех сторон, со всех домов Головинского проспекта—с крыш, из подвалов, с балконов, окон, чердаков... Да, впрочем, и не мудрено, что оттуда слышалась стрельба: ворвавшиеся во многие дома и учреждения громилы, действительно, падали внутри жилых помещений, убивая там «инородцев» и других крамольников.

После этого во дворах и домах Головинского проспекта было подобрано бесчисленное множество убитых и раненых. В одной гостинице «Пургвино», по одним только официальным сведениям, обычно преуменьшавшим число жертв на две трети, было подобрано «19 раненых и много убитых».

Что творилось в гимназии, нельзя и описать, а застреленных, зарубленных и задавленных гимназистов было до 30 человек.

По всем видимостям, стреляли и разрывными пулями, так как были найдены трупы с рваными ранами, валявшиеся на Головинском проспекте.

Много было убито и полицейских; были среди трупов и офицеры, пристава, юнкера, кадеты. Число погибших и пострадавших в этот день едва ли было меньше количества жертв думской бойни 29 августа.

Приблизительный, неполный список помещений и зданий, из коих, по заключению следствия, велся обстрел патриотической манифестации, показывает явно, что вся махинация с погромом имела в виду общественные организации, прогрессивно-культурные предприятия и вообще инородцев... Начали с 1-ой гимназии и кончили Казенным театром. Кадетский корпус совершенно не пострадал... С другой стороны, ни «Храм славы», пресловутый военный музей, где были собраны трофеи войны, ни военный собор абсолютно не пострадали... Редакции же всех прогрессивных газет, театры, училища, общественные клубы и частные гостиницы, а также частные дома с туземным населением—все они попали под разгром.

В связи с этим обвинением, почти все вышеперечисленные дома и помещения были реквизированы и в них водворены войсковые части на постой; содержимое же касс общественных организаций и частных предприятий перешло в собственность казны. И лишь много времени спустя после того, как, благодаря вмешательству общественных и партийных организаций, было доказано, что владельцы этой собственности не повинны в случившемся, и что союз патриотов заблаговременно готовился к погрому, для чего им были наняты пропойные субъекты, получавшие плату в зависимости от разбойной квалификации,—лишь после этого власти стали постепенно возвращать владельцам их собственность и выдавать пособия утратившим во время бойни своих кормильцев.

Мало того, что трупов были горы, что раненых некуда было размещать, в довершение ко всему, всюду шли массовые аресты, наполнившие все арестные помещения. Уже 23 октября комендантское управление за-

сыпало жандармское управление бумагами с просьбами разгрузить гауптвахту хотя бы путем освобождения арестованных. . .

Дознание, в спешном порядке, велось тремя следователями Окружного суда, не говоря о такой же работе жандармерии, охраны и полиции. . . Уже 29 октября охранка доносит департаменту полиции, что:

. . . «Следствию до сих пор не удалось установить ни одного виновного и приходится освобождать всех заключенных по этому делу» ¹⁾.

Итак, затея создать грандиозный судебный процесс из случайно нахватавшихся в день бойни обывателей,—сорвалась, но охранка не унывала. Закипела энергичная деятельность всех полицейско-охранительных органов. Решено было основательнее заняться провокацией и серьезно скомпрометировать как политические организации, так и самый манифест с его «свободами». И вот, выпустив всех случайно арестованных вблизи бойни, жандармы принялись систематически и настойчиво создавать другое «дело»: «о сообществе, образовавшемся в гор. Тифлисе, имевшем огнестрельные и взрывчатые припасы, с которыми оно совершило нападение на русскую патриотическую партию во время шествия 22 октября 1905 г.» ¹⁾.

Пущен был в ход весь охранный аппарат. Однако, и эта махинация не очень-то клеилась, несмотря на длинный список мифических членов этого «преступного сообщества». Их долго выслеживали, ловили «с личным». . . Однако, 16 января 1906 г. начальник тифлисской охраны донес департаменту полиции, что:

. . . «Несмотря на всю полноту производства дознания о существовании боевого сообщества, не удалось установить ни существования организации, ни лиц, совершивших это нападение, и следствие по сему делу прекращено» ¹⁾.

Армяно-татарская резня.

Не сумев взвалить на революционную организацию ответственность за бойню, обратили взоры в другую сторону и принялись подводить под это кровавое событие националистическую подоплеку. Не хотел сдаваться черный стан и путем провокации стремился к одной цели: вернуть потерянное, отобрать «свободы», которые революционный пролетариат только что вырвал из рук растерявшейся было власти. Очередной формой провокации была национальная рознь, и охранка ухватилась за этот запасный козырь.

В течение всего разбираемого здесь периода времени охранка упорно балансировала на этой скользкой почве и, срываясь с нее бесконечное число раз, она не переставала снова и снова лезть в эту трясиину. Так, например, заведующий полицией на Кавказе, генерал Ширинкин, сообщая заместнику сводку с 20 октября 1905 г., считал своим долгом не-

¹⁾ Архивны фонд № 63, папка № 21.

однократно подчеркивать, в утешение начальству, тот радостный, по его мнению, факт, что национальная рознь раз'едает даже политические партии. . . . Они, того и гляди, начнут резню между собою. . . .

До чего убоги и глупы эти фантазии, можно судить уже по одной только нижеследующей коротенькой, но характерной цитате из вышеупомянутых донесений:

. . . «Во время манифестации 20 октября на Головинском проспекте музыкальный оркестр дворянской гимназии, при появлении там организации дашнаков, почему-то ушел». . . .

И тут-же комментирует:

«Таким образом, уже на третий день свободы получился раскол партий» ¹⁾. . . .

И дальше:

. . . «Дашнакисты, сакартвело и эсеры, об'единившись, выступили на борьбу с соц.-демократами» ¹⁾.

А на следующий день уныло доносит:

. . . «Организации эсеров, гнчака и дашнаков об'единились с соц.-демократами для тактических выступлений против власти» ¹⁾. . . .

Итак, все время своими вымыслами они сами колебали чашки своих весов.

Однако, охранка твердо вела свою линию национальной травли. Так, немедленно же вслед за неудачной попыткой создать «Общество боевиков», возникает новый план действий. . . . Теперь уже в население пущены темные, но настойчиво циркулирующие слухи, что в день похорон жертв октябрьской бойни патриоты, совместно с татарами и солдатами, нападут на Сололаки (армянский буржуазный район) за якобы вызванное дашнаками кровопролитие на Головинском проспекте. А попутно с этим всюду рассказывается, что «22-го октября бомбы бросали армяне», и начальник охранки в своих донесениях высшей инстанции определенно указывает что: «одну бомбу бросил в процессию студент-армянин, А. А. Карганов, который, кроме того, еще стрелял в патриотов из ружья». . . . Другую бомбу «сделал армянин, инженер Маркаров, и дал ее ученику-гимназисту, который и бросил ее в патриотов».

Атмосфера насыщалась взаимным недоверием и мстительной ненавистью: насторожившиеся массы лихорадочно вооружались, и разжигаемые страсти сдерживались с трудом.

23 октября многотысячная толпа «патриотов», в среде которой виднелись и татары, начала свой «крестный ход». После молебна она направилась опять на Артиллерийскую площадь к пластуноско-казачьим казармам, возле которых открылся митинг. Ораторы призывали казаков «оружием защитить погранные политические свободы революционными хулиганами». Дело, однако, на этот раз не выгорело. потому что дальше

¹⁾ Архивный фонд № 63, папка № 21.

артиллерийских казарм манифестацию не пустили; категорическая «просьба» наместника: немедленно же разойтись по домам, сильно разочаровала ретивых защитников трона. Появились ораторы, с негодованием упрекавшие наместника за ограничение патриотов, тогда как революционерам помехи никакой не делалось; грозились потребовать от него отчета, а в крайнем случае, жаловаться на него царю. . .

Агитируя в массах против забастовки, «патриоты» ежедневно устраивали сходки, на которых постоянно готово было вспыхнуть побоище между сторонниками и противниками забастовки. И 23 октября на такой сходке уже присутствовали воинские патрули, зорко наблюдавшие за настроением рабочих и, при малейшем возбуждении, хватавшие ружья на изготовку. . . . (Солдат в то время старались восстановить против революционеров, взваливая на последних вину за усиленное несение нарядов).

24 ноября в главных мастерских начались работы, но «патриоты», ратовавшие за окончание забастовки, в этот день не явились на работу в виду погребения своих соратников, убитых 22 октября на Головинском проспекте. Их попытки дать тревожные траурные гудки по случаю похорон, не осуществились, потому что социал-демократы не подпустили их к гудку.

26 октября состоялось погребение другой части жертв кровавой бойни, и революционные рабочие прекратили в этот день работу на несколько часов, дав тревожные траурные гудки.

Между массой тревожных слухов, нараставших снежным комом, пришли вести (вскоре оправдавшиеся) о том, что борчалинские татары, вооруженные казенным оружием, в большом количестве направляются в Тифлис. . . Встревоженное до последней степени население (буржуазное по преимуществу), уже неоднократно посылавшее к наместнику своих делегатов, теперь снова обратилось к нему с просьбой разрешить вооружиться и дать оружие армянам для самообороны.

Социал-демократы же, видя, что события продолжают назревать с неуклонной последовательностью, — принимали такие меры самостоятельно, вооружаясь явочным порядком, и, проводя митинги, на которых разъяснялось населению значение и смысл событий. Работа социал-демократов в этом направлении была так значительна, что Тифлиским властям пришлось в конце концов считаться с нею настолько, что когда после одной из целого ряда неудачных попыток провокаторов начать столкновение в армяно-татарских районах, социал-демократы устроили митинг на Арбузной площади и громили провокационное Правительство, — на этот митинг явился Губернатор. Он возбужденно оправдывался заявляя, что он невинен во всей этой истории. На это социал-демократы ответили ему, что м. б. лично он и не виноват, но власть вообще, несомненно причастна к данной провокации.

После длительной борьбы социал-демократов с неоднократно вспыхивавшей перестрелкой, которую удавалось останавливать в самом нача-

ле и где дело ограничивалось единичными убийствами татар (что приписывалось действиям охранников), прочно с'организованная провокация взяла таки верх. В середине ноября месяца, вооруженные правительством татарские орды хлынули в город из своих диких углов Курдистана. Наполнив Майдан, они обстреляли через реку Куру Авлабарский район, чем навели панику на все население Тифлиса. Это произошло в дни «свобод», через месяц после появления Манифеста 17 октября, когда в центре пролетарского района—Нахаловке (Надзаладеви) бурлила революционная митинговая волна.

В грузинской провинции против революционного крестьянства организовались черносотенные банды дворян. Эти шайки угрожали Тифлису. Хотя против дворян и действовали на местах крестьянские красносотенцы, но они были слабо вооружены. В Тифлис беспрерывно поступали их просьбы о снабжении оружием, и нахаловская трибуна ставила все эти волнующие вопросы на обсуждение рабочих масс; здесь вырабатывались планы мероприятий, выносились резолюции и на очереди стояли вопросы о новой забастовке и даже вооруженном восстании.

Елисаветпольская резня, ужасающий казацко-патриотический погром в Батуме, напряженное положение в Баку, разгромленный революционный Ростов, все тесней и тесней сжимавшееся кольцо карателей вокруг Севастополя и гибнущие повстанцы с броненосца «Потемкин»...—все эти вести зловещим ураганом крутились над революционными массами Тифлиса, угнетая каждого, знавшего, что судьба Тифлиса зависит от положения во всей стране. Едва успевая ориентироваться в этих мрачных вестях, люди напрягли силы, готовясь к бою и желая не дать захватить себя врасплох. Агитационно-организационная работа кипела как среди войск, так и в пролетарских массах, которые ежедневно стекались в Нахаловку. Президиум митингов с трудом успевал справляться со всей работой по запросам момента. Много внимания приходилось уделять и вопросам о задачах профессиональных союзов, которые начинали тогда организовываться.

Выступавшие на митинге солдаты I-го Саперного батальона заявили, что они, не дожидаясь распоряжений начальства, явятся на место столкновений и покоряют всякого, кто выступит с оружием и начнет побоище. В один из таких бурных дней, на митинг явился полицеймейстер Цисс и передал соц.-демократам предложение заместника Воронцова-Дашкова, прислать представителя для обсуждения мероприятий против резни.

Отправился к заместнику Исидор Рамишвили, и, после длительных переговоров вернулся с сообщением о предоставлении соц.-демократам оружия для участия в ликвидации армяно-татарских столкновений.

В начале обещано было 1200 берданок, но выдали всего 500 штук и 40.000 патронов. В виду этого урезывания, Исидору Рамишвили пришлось многократно возобновлять переговоры с властью, благодаря чему в Нахаловке даже сложилась ехидная шутка...

Одни коварно спрашивали: «Что это Рамишвили не видно?»... Другие солидно отвечали: «Он, вероятно, беседует с наместником».

С полученным оружием красные дружины, под белыми флагами, явились на Майдан, расставили посты, разослали дозоры, подвергли своему бдительному надзору все уголки района, и не пропускали сюда никого постороннего, строго контролируя жизнь местности, и пропускались сюда лишь те, кто имел на рукаве белую повязку с печатью какой нибудь революционной организации.

В городе, тем временем, наши товарищи вытеснили полицию с ее постов, и, не доверяя ей погромному настроению, заняли посты на улицах, организовавшись в милицию. Городское самоуправление не функционировало; угроза черносотенных погромов не переставала висеть над городом и все надежды населения на благополучный исход, были обращены к рабочим, с'организовавшимся во внушительную силу, хорошо вооруженную, на которую можно было положиться. Вскоре эти дружины стали единственными блюстителями порядка и спокойствия в городе. Для изоляции погромщиков и всякого уголовного элемента, рабочим пришлось открыть «кутузку», которой заведывал Галактион Дзагнидзе. Ловили на улицах и вооруженных громил, которые наводили панику своей стрельбой, и поджогами и отправляли их в Нахаловку под арест. На Майдане были расположены правительственные войска, но они бездействовали.

Влияние рабочих организаций росло, а власть органов самодержавия все больше колебалась; настроение солдатской массы было на стороне революционеров, о чем часто сообщали газеты, печатавшие письменные заявления солдат. Это беспокоило правительственные круги, и волновало «патриотов», составившихся из городских, чиновников, попов, купцов, бояков, и темной шовинистической рабочей массы, да охранников, опасавшихся конца своей шпионской карьеры. Вся эта шатия кричала о том, что «с выдачей революционерам оружия, пришла их гибель»... Они ежедневно митинговали под охраной казаков, заявлявших, что они отказываются служить, если рабочие не будут немедленно же разоружены. Здесь выносились резолюции с угрозами жалоб царю на наместника, «отдавшего православный народ во власть врагам престола».. Офицеры тоже бесновались, требуя удаления наместника с Кавказа. А социалистические партии тем временем напрягали усилия предотвратить ежечасно готовые разгореться кровавые столкновения, которые разжигались вдохновителями Курдистанских банд,—мясником Али-Баба и полковников Едигаровым—совместно с муллами. Эти разбойничьи шайки громили торговые предприятия района и грабили, а агенты охранки поджигали дома, церкви и др. помещения на Майдане, где вследствие этого, то и дело вспыхивали перестрелки, быстро ликвидируемые отрядами красных дружинников; последние едва успевали справляться с бесконечно возникавшими недоразумениями. Агитаторы надрывались работая в обоих враждебных лагерях.

Как соц. демократы, так и дашнаки, неоднократно выпускали в те дни возвания с призывами опомниться, и не поддаваться провокации темных сил.

Одновременно с этим действовали и подпольные силы охраны. Распускали по городу невероятные слухи, подливаящие масло в огонь; один из этих слухов был пущен о том, что «из Елизаветполя на Тифлис двигаются тысячи армян в подмогу своам единоверцам, а проходя через Борчалинский уезд, они якобы забирают татар с их семьями в плен с целью получения контрибуции и удаления с Кавказа наиболее влиятельных беков».

Закипела злоба у татар с новой силой и в ночь на 28 ноября, когда погромщики подожгли сразу несколько кварталов под ряд и, Майдан запылал сразу во многих местах, с разных сторон,—затрещала ожесточенная перестрелка, которую всю ночь нельзя было остановить. Пули сыпались градом отовсюду и люди снопами валились на улицах Майдана, подвергнутого армянами обстрелу с трех сторон, что было карательным ответом на нападение татар, которые погибли в эту ночь в большом количестве. Здесь и рабочие Нахаловки потеряли двух товарищей,—убит Ражден Стуруа и пропал без вести Торикашвили. На следующий день перестрелка стала затихать, а 29-го, под влиянием революционеров, начались переговоры о замирении. 30-го ноября, такое замирение состоялось между влиятельными людьми обеих враждующих сторон и этим «резня» закончилась. Пожар длившийся трое суток, с трудом удалось потушить. Многочисленность жертв разгрома не поддается учету.

Надо однако отметить, что революционеры пользовались большим авторитетом даже в темной и дикой татарской среде, в которой всех их называли «демократами». Лишь благодаря этому влиянию, вспыхнувшее столкновение удалось быстро ликвидировать.

После окончания «резни» начинается эпопея разоружения рабочих властями, которые вскоре пред'явили Нахаловским рабочим требование вернуть ружья.

С этого момента возникает серьезная опасность для освободительного движения в Тифлисе, потому что, требованием выдачи оружия, с одновременной обработкой мнения некоторых меньшевиков—руководителей движения—правительством были расставлены коварные сети революционерам; и между соц.-демократами начались жестокие разногласия по поводу разоружения. Члены большевистской фракции, крайне малочисленной тогда в Тифлисе, единогласно были против сдачи оружия; рабочая масса придерживалась того же мнения. Но, меньшевистские лидеры, за исключением двух, возглавлявшие Тифлисскую организацию соц.-демократической партии,—были непреклонны в своей настойчивости, в сдачи всего оружия властям. При этом они не хотели придавать никакого значения сведениям о том, что на военном совете заместника, начальником штаба войск кавказского округа генералом Грязновым было высказано намерение: «стереть с лица земли все рабочие районы», которые в эти дни снова об'явили за-

бастовку, протеста против волны погромов, прокатившейся по всей России.

Стачечный Комитет руководил жизнью города; власть в нем все больше и больше переходила в руки рабочих. Не смотря на это, на одном из парт собраний в отсутствии большевиков, под председательством Ноя Жордания и под его нажимом было вынесено постановление о возвращении всего оружия. Узнавшие об этом большевики явились на оканчивавшееся собрание и, своим решительным вмешательством начали обсуждение вопроса ссынова.

При этом Аракел Окуашвили и Зах. Чодришвили, заявили передовым рабочим, мнение которых Жордания обрабатывал в направлении разоружения,—что: «дико и безумно оставаться безоруженными в самый острый момент начала революционных действий, когда в Кутаисе власть находится в народных руках, когда Батум разгромлен; потемкинцы потерпели поражение, а в Москве готовится вооруженное восстание рабочих.

Предостерегая от опасности саморазоружения, большевики-рабочие доказывали, что это граничит с отказом от революционной борьбы с самодержавием, готовым с часу на час наброситься на рабочих и задушить их освободительный порыв.

На возражения Жордания, что Исидору Рамишвили грозит арест в случае не сдачи оружия, а Нахаловка м. б. подвергнута разгрому, Окуашвили отвечал, что из Нахаловки уже давно население начало выселяться, предвидя эту опасность; Рамишвили же может преспокойно скрыться, а рабочие могут с оружием в руках занять буржуазный район Сололаки с его банкирами, епископами, иностранными консулами и взяв их заложниками, отбиваться от казаков при содействии солдат и крестьянских отрядов. Доказательства их были тем более убедительны, что к этому времени красная сотня представляла внушительную силу. Жордания же, отвечавший на эти предложения, назвал Аракела «безответственным фразером», «утопистом бланкистского типа», подстрекающим рабочие массы к явно опасным и гибельным действиям, заранее обреченным на неудачу. Он продолжал настаивать на сдаче всего оружия. Однако же перевес остался на стороне рабочих, с Аракелом и З. Чодришвили во главе. В вопросе же об оставлении ружей у себя, теперь, под давлением явившихся казаков, было решено собрать не более полусотни негодных ружей и сдавать их по частям, штук по 5, выигрывая время и выжидая событий. Мнение рабочих было без колебаний за то, что лучше пережить неудачное вооруженное восстание, чем бесславно погибнуть безоруженными, по одиночке. Тем не менее меньшевистские лидеры, решили не считаться с этим мнением, и, сдав оружие целиком, поставить рабочих перед совершившимся фактом... Собирая оружие, они обманым способом, вместо 50 штук, сдали Правительству 250 ружей. Распоряжались этим делом, мрачной памяти Георгий Марсагов и И. Рамишвили.

Узнав о такой приткности меньшевистских заправил, оробевших в последний решительный момент и искавших мирного изживания налетевшего революционного шквала, и не желавших допустить рабочих до активного вооруженного участия в нем,—большевики заволновались. Видя свое бессилие идейно повлиять на руководившие партийные верхи, состоявшие тогда целиком из меньшевиков, они принялись в свою очередь собирать оружие и прятать его... Здесь лихорадочно работали все находившиеся на липо большевики рабочие: Георгий Чхеидзе, Ефим Сартания, Захар Чодришвили, Мириман—каменщик, Михо Бочоридзе, Аракел Окуашвили, и другие товарищи, имена которых не удалось запомнить. Все они принялись устраивать в доме Аракела склад, куда стаскивали вооружение всех видов, какое удавалось добывать в порядке разоружения, — ружья, бомбы, динамит. Сюда же привез и Коте Цинцадзе свои 7 винтовок, отобранных им совместно с др. т.т., у стражников в Чиатурах. В этот склад прятали и одежду, отобранную у городских; здесь же держали и литературу из большевистской типографии.

А меньшевики рвали и металы, не имея возможности собрать больше двухсот пятидесяти берданок; Исидор же Рамишвили, считавший себя «погибшим» из за этой истории, выходил из себя, негодуя и возмущаясь «не честностью» т.т. припрятавших часть оружия. Он находил, что этим самым рабочие дискредитировали его «доброе ия». Видно было, что частое соприкосновение его с правительственными верхами не обошлось для него даром, и повлияло на него так, что теперь «честное слово», данное им Наместнику при получении оружия,—было для него важнее интересов трудящихся масс, а опасение потерять свой «авторитет» в глазах властей, толкало его на действия наносящие вред революции.

О том, что он являлся фаворитом у властей, свидетельствует и ведомственная переписка охранки с Заведывающим полицией на Кавказе, которую приводим дословно:

От 20 дек. 1905 г. исход. № 2472 к № 2474.

Донесение Завед. полицией на Кавказе.

... «Исидор Рамишвили является крайне умеренным человеком, не сочувствует безобразиям и вообще уродливости проявлений со стороны крайних партий, с которыми он вынужденно соглашается; своими протестами и порицаниями они подрывают свою популярность; воззвание от 19-го декабря ¹⁾ 1905 года, выпущено даже якобы без его согласия и ведома»....

Нач. Охранного Отделения (подпись).

Это не единственный случайный разговор властей между собою о «хорошей» почве в меньшевистской среде, которую они нащупывали для

¹⁾ Это на второй день после убийства казаками девяти дружинников в Нахаловке, по поводу которого писалось в воззвании.

насаждения запоздалой зубатовщины в рабочей массе; в материалах архива встречаются неоднократно повторяющиеся беседы охраны с высшим начальством в крае о том, что Исидор Рамишвили «умеренный и не согласный». . . Чем кончились эти знаменательные начинания охраны в области разложения меньшевистских руководящих верхов,—удалось ли ей подойти ближе к намеченной цели, было ли достигнуто определенное желание начальника охраны растрогать Исидора Рамишвили своим признанием его, «редких достоинств» примиренческого характера и похвалой его лояльности,—до этих документов мы пока еще не добрались. Но, до чего подозрительно совпадение желаний и стремлений охраны с фактами дальнейших событий в Тифлисе, которые излагаются ниже, читатели увидят сами, а сотни рабочих участников этих событий и уцелевших до настоящего времени борцов,—пусть отзовутся на эту статью, и, скажут: правильно ли мною излагается ход этих событий.

Итак дальше.

Благодаря упорной борьбе руководящего партийного центра меньшевиков против боевой активности рабочих, неудержимо стремившихся к вооруженному восстанию, положение в пролетарской среде в эти дни было неопределенное. Настроение рабочих было вздернуто до последней возможности; революционный пыл их перемешивался с раздражением против руководителей движения, не желавших и слышать о боевых выступлениях. Возбужденная масса, не будучи в состоянии успокоиться, и, не видя подготовки к вооруженному восстанию, утрачивала почву под ногами.

Жизнь рабочих районов протекала в тревожном, походно-бивуачном порядке.

На работу не шли, хоть забастовка и считалась оконченной, а многие рабочие, не подпавшие под усыпляющее влияние меньшевиков (бравших своей многочисленностью в комитете партии), и, сознававшие, что положение дел не может долго оставаться таким мирным, каким его представляли себе лидеры интеллигенты,—все-таки готовились к столкновению, запасаясь оружием и высылая из Тифлиса свои семьи во избежание грозивших им опасностей.

Попытки правительства отправить в провинцию карательные отряды войска не удалось, потому что поездные бригады отказались сопровождать поезда. Правда, фабрики начали работать, но лишь частично, потому что сознательная часть рабочих не явилась на работу, хоть фабриканты и об'явили увольнение за неявку.

В то самое время, когда заправили сдавали Правительству оружие, не взирая на то, что повсеместно в стране пылал повстанческий пожар, трудовые массы лили кровь на баррикадах и тысячами гибли люди в неравной борьбе с самодержавием, в это самое время, рабочие всюду искали оружия, добывая его, где только могли. Так например, тот же самый Галактион Дзагнидзе, который подчиняясь приказу руководителей—меньшевиков, вместе с Георгием Марсаговым, собирал и сдавал казенные бер-

данки приехавшим казакам, вслед за этим, шел вместе с Васо Сухишвили, Элизбаром Гагнидзе и другими рабочими,—в нападение на кантору депо—Тифлис и забирая оттуда ружья прятали их у себя готовясь в ближайшее время действовать ими.

Одновременно с этим часть этих же товарищей совместно с другими—имена которых мною забыты, (кроме Ладо Сухишвили), — нападают на уездное полицейское управление, где захватывают до 25 винтовок.

Производство бомб ведется сразу в нескольких местах. Со всех сторон сыплется ропот на меньшевистских лидеров, занимавшихся в то время пустым спором о том, какой тактики следует держаться с казаками, с солдатами и с черносотенцами. Последних они предлагали быть, во время нападения на Нахаловки, а казаков остерегаться, во избежание разгрома Нахаловки, чего очень боялись сторонники Исидора Рамишвили. Странна была такая логика Рамишвили и кампании, при наличии опыта 22 октября, когда казаки, вообразившие, что революционеры напали на патриотов, зверски убивали целые толпы «инородцев» и разрушили целый квартал головинского проспекта.

Молодая, еще не окрепшая в Тифлисе, хоть и сидная в большей части провинций, большевистская фракция,—не переставала в своих воззваниях и во всей своей литературе призывать пролетариат к вооруженному восстанию, а матерые меньшевистские лидеры (за исключением немногих, вроде Сильв. Джибладзе) стаей слетевшиеся в тифлис,—упорно отесняли немногочисленных большевиков,—по преимуществу рабочих,—от влияния на массы трудящихся. Они не отступали от своей цели направленной в сторону попыток испробовать все средства к мирному исходу классовой борьбы. Они больше доверяли тому «парламенту», который обещало им самодержавие, и уже тогда они вели между собой борьбу за кандидатуру в него.

В таком напряженном состоянии заставали нас, сыпавшиеся отовсюду мрачные вести. Батум продолжавший после погрома находится во власти казацких банд, подвергался сплошным грабежам и убийствам. Всюду в России революционные вспышки гасились жестокими расправами; волна арестов катилась по всей стране; в столицах правительством закрывались газеты.

Из Баку, где свирепствовал черносотенный террор, привезли тело убитого «патриотами» влиятельного рабочего большевика Петра Монтана. Его погребение в Тифлисе превратилось в грандиозный митинг и демонстрации.

Возбуждение в массах достигло высших пределов. Наконец пришла весть о разгоне в Питере Совета рабочих депутатов, после чего телеграммы сообщили об объявлении Всероссийской забастовки.

На митинги, не прекращавшиеся в Нахаловке, теперь все больше стало приходиться солдат, ждавших твердого решения рабочих вождей, в зависимости от коего они могли бы определить линию своего поведения в общем ходе вещей.

Под влиянием решения меньшевистских центровиков не допустить до восстания, что противоречило большевистским возваниям, — не умевшая разобраться во фракционной борьбе солдатская масса, уходя с митинга, уносила в душе разочарование и уныние. Такой тактикой нельзя было организовать и взять под свое руководство солдатскую массу, и она впоследствии, стала действовать по приказу начальства против рабочих.

Числа 10-го декабря, на митинге состоялось постановление о забастовке в Тифлисе, и здесь же был избран центральный стачечный комитет, в который вошли и большевики. После этого была объявлена всеобщая забастовка и стачечный комитет взял на себя общее руководство ею.

Руководство забастовкой на Закавказских железных дорогах облегчалось тем, что вся администрация дороги попряталась, побросав свои посты. Станция Тифлис со всем ее штатом служащих (в том числе и жандармов) руководилась машинистом С. Долидзе, которого стачечное бюро назначило начальником Закавказской железной дороги. Движение поездов теперь допускалось лишь по мере надобности и только для революционных целей.

Между прочим, из этого кратковременного периода пролетарской диктатуры, вспоминается один характерный эпизод.

Однажды в Тифлис прибыл любопытный поезд, состоявший из одного вагона с паровозом, украшенный революционными знаменами. В нем приехал Кутаисский губернатор, либерал Старосельский. Явился он к Наместнику с докладом о событиях в провинции, где к этому времени, в некоторых местностях губернии власти были изгнаны населением, создавшим свои самоуправления. Он взял на себя задачу успокоения властей насчет благополучного исхода для них революционных выступлений и пытался убедить не применять карательных мер к революционной провинции, на чем настаивал Военный Совет при Наместнике.

Уезжал он отсюда полным победителем (потом, впрочем оказалось, и что победа эта была мимолетная). На Тифлисском вокзале, рабочие устроили ему торжественные проводы. Пустовавший до того времени вокзал, на который никто давно уже не показывался кроме пролетарских властей, — неожиданно огласился звуками оркестра деповских рабочих, игравших «Марсельезу» и наполнился сиятельной публикой в генеральских эполетах. Вся эта многочисленная заять, сверкавшая знаками военного отличия, живописной группой расположилась на пероне, против триумфального поезда, состоявшего на этот раз уже из трех пассажирских вагонов, тоже разукрашенных красными знаменами и зелеными ветвями... Вся эта сановная ватага выпученными глазами смотрела на оратора, говорившего из окна вагона речь. Говорил он «о терпимости в отношении трудящихся» о «доверии к обществу» и тому подобных вещах. Это говорил губернатор Старосельский.

Рабочие здесь были очень в небольшом количестве; даже зевак было не много.

После речи губернатора, призывавшего к благоразумию, — поезд тихонько двинулся с места и медленно поплыл вперед, сопровождаемый идущей за ним рабочей публики и оркестром игравшим революционный марш.

В целях безопасности, поезд Старосельского сопровождали социал-демократы делегированные для этой цели от рабочих организаций (от депо был послан машинист—Соломон Долидзе).

Кончилось однако тем, что Старосельскому пришлось спасать свой почетный пролетарский караул от расстрела, грозившего ему на ст. Карели, где в это время действовал воинский карательный отряд. Этим отрядом красный поезд был остановлен, и Старосельскому пришлось употребить много усилий, чтобы помешать казацкой расправе над рабочими.

Из деревень тем временем начали прибывать в Тифлис революционные отряды крестьян, которые были частью вытеснены карательными отрядами из селений, частью отряженными провинцией, которая в большинстве своем находилась тогда под руководством большевистских организации. Шли они на помощь тифлисским рабочим. Эта пришедшая большевистская масса, совместно с тифлисцами напирала на здешних лидеров, сталкивая их с мертвой точки.

Тревога все возрастала. Вместе с нею росла и революционная предприимчивость рабочих, вследствие чего деятельность их усиливалась, и, под влиянием чего, меньшевистским воротилам пришлось таки подать признаки жизни.... Но, как коварно действовали эти маниаки, зачарованные сомнительной перспективой мирно-парламентского обновления страны и к чему привело это их коварство,—увидим ниже.

Разоружение рабочих.

16-го декабря Тифлис был объявлен на осадном положении и вечером того же дня, вокзал заняли сборные войска, которые с места в карьер, принялись расправляться с рабочей администрацией. С. Долидзе удалось скрыться лишь благодаря предупреждению жел. дорожного жандарма Озерова сообщившего ему о грозящей опасности.

* На утро следующего дня, казачий патруль уже гарцовал в Нахаловке и разгонял митинг.

Тем временем, в ожидания нападения на Нахаловку красные дружины, начавши охрану своего района еще месяца два тому назад, продолжали дежурить, по ночам на улице.

Атмосфера постепенно сгущалась. Ввиду нависшей над центром революционной жизни города угрозы погрома,—казацкого и черносотенного,—рабочие не расставались с оружием. Преобладали бомбы. Они имелись почти у всякого, готового при первой надобности, встать на защиту рабочего освободительного движения.

Видя приближение войск к Нахаловке, рабочие сильнее сплотились, составили отряды, и, в ночь с 17-го на 18 декабря, красный резерв составлял не менее полтора человека, а в сменах—на часах и в патруле,—было больше 25 дружинников. Часовые дежурили в эту ночь у входов с города и на горе, в тылу Нахаловки. Все были на ногах, начиная

с большевиков,—которых тогда насчитывалось едва-ли больше 20 человек,—и, кончая меньшевиками. А между теми и другими стояла революционная масса, не разбиравшаяся во фракционных разногласиях. Вся она явилась на посты по собственному почину, составила в дружины сгруппировавшись по признаку личных взаимоотношений, и заявила центру: «распределяйте нас и время нашего дежурства по своему усмотрению». Здесь опять таки руководили делом меньшевистские лидеры, и, не дав определенных указаний и деректив, послали людей на дежурство. Утомительно много говорилось ими о том, как сигнализировать при появлении опасности, как держаться с «патриотами», как с казаками и как с солдатами; но определенных распоряжений никому не было дано. Один из участников той ночи, тогда меньшевик, а теперь беспартийный, Галактион Дзагнидзе, рассказывает, что в эту самую ночь, получая от руководителей меньшевиков патроны, для своей дружины, он заявлял Исидору Рамишвили и Георгию Марсагову, что если будет бой, то стрелять нечем, потому, что патроны выданы в черезчур в ограниченном количестве,—от 5 до 10 штук на бойца. Но выдававшие их, Георгии Марсагов, досадливо отмахнулся от вопроса заявив: «я ничего не знаю». А Исидор Рамишвили неопределенно пожал плечами и промолчал. Резервы стояли в одном месте; часовые и патрули, дежурили в других местах. Всю эту ночь, почему-то никто из них смены не получил, несмотря на зимний холод и снег. А когда перед утром, смешанные войска почти всего тифлисского гарнизона подкрались к рабочему району,—дружинники наружных постов, не знали, как им быть... Видя перед собой тысячи регулярных войск, нагрянувших с пушкой, и, зная что у дружинников патронов почти нет, а бомбами боялись нанести вред солдатам перемишанным с казаками,—дружинники сочли за лучшее сняться с постов и бежать в горы, не дав сигналов об опасности потому, что утомленные долгой ночью без сна, они не заметили как Нахаловка была занята войсками, сигналы же надо было давать взрывами бомб.

В штабе красных вооруженных сил, правда, были и большевики, но обязанности членов штаба распределялись так, что верховное руководство осталось за меньшевиками, а все наши товарищи, как например, Ефим Сартания, Георгий Чхеидзе, Аракек Окуашвили, Зах. Чодришвили, Камо, М. Бочоридзе и еще человека 2—3, имена которых трудно сейчас вспомнить,—эта горсточка большевиков была оттеснена к резервам. Другие-же, человек 6—7 большевиков, стали в ряды массы боевиков, не получивших определенных деректив. Так например, Ясону Джорбенадзе, пришлось сидеть в помещении в этой массе резерва; Георгий Элиава, Мина Каладзе, Петре Цинцадзе и Ипполит Нинидзе,—пошли в качестве бомбометателей. Они оставались на своих постах всю ночь бессменно и были убиты казаками. А юный мальчик Ладосухишвили служил связью между постами; он же и успел предупредить штаб революционеров о появлении войск, когда последние бесшумно занимали Нахаловку, захваченную врагплох и окруженную ими со всех сторон густою цепью.

В Нахаловке шли массовые обыски и избиения, захваченных с оружием дружинников; среди последних наиболее пострадал Камо, которого страшно изувечили, прежде чем отправить в тюрьму. (Через 4 месяца его освободили без суда).

Оцепивши центральные улицы, казаки рыскали по домам, ломали строения, рылись в земле, ворошили квартиры и находя мало оружия, тащили много домашних вещей, вплоть до узлов с грязным бельем. Одновременно с этим, шла лихорадочная работа по сокрытию оружия рабочи-

ми, которые бросали запас бомб даже в отхожие места, а казаки в это время искали их даже в вареньи...

Раз'езжавшие по улицам патрули, наводили «порядок», хватая задорных и не пугающихся Их стаскивали на Церковную площадь. Большинство из арестованных, скопившихся в центре Нахаловки, были изранены и обливаясь кровью, долго ждали отправки в тюрьму.

Вообще же Нахаловцы были настроены задорно и насмешливо по отношению к карателям, в то время, как один из офицеров грозился арестованным, что взорвет их ихней же бомбой, найденной в церкви,—кто-то привязал к хвосту собаки красный бантик и она увивалась вокруг охваченной толпы пленников. (В нее выстрелил казак и убил)...

Ворожили Нахаловку до полудня 18-го, после чего ушли, увозя с собою «трофеи победы» и толпу арестованных, среди которых были: две молоденькие фабричные работницы—(Нина Данельченко, Зина Мамацева) и одии дьякон... Оружия нашли мало, и нахаловцы радовались благополучному исходу «разоружения».

О судьбе бежавших в горы дружинников не знали, но думалось, что ничего особенного с ними не произошло, хотя ночью и слышалась перестрелка в горах за Нахаловкой. Часть этой дружины спаслась и находилась тут-же в толпе. Это были товарищи: Васо Сухишвили, Лука Элбакидзе, Элизбар Гагнидзе, М. Тетвенидзе и др. Им пришлось много пережить опасностей, прежде чем удалось найти убежище. Они так же не знали, что случилось с другими, ушедшими дальше в горы. Однако, к полудню, когда войска уже собрались уходить в город, Нахаловку ужаснула облетевшая всех весть о гибели всей дружины. Одновременно с этим, казаки, уходя, насмешливо кричали: «Заберите рубленную говядину на горе»...

Вся Нахаловка всколыхнулась и в жестокой тревоге бросилась на гору.

Вначале на холмах, ничто не указывало на кровавую расправу и дикое побоище, произведенное здесь ночью агентами самодержавия. С лихорадочною поспешностью, и вжесточайшей тревоге, молчаливые люди искали следов совершившейся здесь бойни. С глухим стоном встречала людская масса, большие пятна крови на пустых местах. Потом начали раздаваться отдельные душураздирающие вопли и все рвались вперед, опережая, друг друга, торопясь скорее увидеть погибших. Вскоре, горная долина огласилась криком, всей ужаснувшийся толпы, а гул всеобщего отчаяния и гнева, понесся по холмам отозвавшимся многократным эхом угрозы палачам, разбросавшим убитых революционеров по горным оврагам.

Глазам искавших представилась потрясающая картина.

Здесь лежали убитые. Тела были раздеты, ограблены, окровавлены и изуродованы до неузнаваемости.

Обезумевшие от горя и ужаса люди, безуспешно пытались определить личности и имена убитых.

У одного из них голова была почти совсем отсечена; в горле другого зияла громадная рана, наполненная черной запекшейся кровью... У некоторых были рассечены черепа, у иных проткнуты кинжалом щеки, у других отрублены челюсти; все тела усеяны колотыми и резанными ранами и прострелены пулями... А вокруг валялись разбросанные пустые патроны, самодельные патронташи, осколки разбитых ружей...

Как все это произошло,—осталось и доныне тайной, потому что уцелевший Галактион Дзагнидзе, будучи захвачен далеко от других, (вдвоем с Мина Каладзе, которого увели от него в сторону), ничего определенного не знал о других товарищах.

Оказавшийся со слабыми признаками жизни, Герман Двали, умер в тот же день, а Галактион Дзагнидзе, выздоровел и жив до настоящего времени.

Убитыми оказались: Мина Каладзе, Георгий Элиава, Петре Цинцадзе, Улико Чилидзе (он же Нинидзе), Георгий Джаши, Вано Тварадзе, Вано Хуцираули и Туха Лазаришвили¹).

Все убитые, были снесены в церковную школу, ставшую с этого дня местом паломничества всего революционного Тифлиса, стекавшегося сюда, к погибшим героям, покрытым венками и красными знаменами.

Великий гнев и неукротимое возмущение охватившее рабочих, неутолимая жажда мести, заргоревшаяся в революционных массах, — привели их на путь единичного террора.

Рабочие быстро сорганизовались в многочисленные партизанские группы, немедленно же приступили к активным действиям.

Итак, благодаря предательски—пассивной тактики меньшевистских верхов,—компактное выступление вооруженных рабочих масс, не состоялось, и организованное вооруженное восстание провалилось. Но так как, пассивно смотреть на уничтожение рабочих, нельзя было, то из чувства самосохранения этих масс, борьба завязалась в одиночку разрозненными силами, боевыми выступлениями отдельных лиц и мелких групп. Эта разрозненная борьба горсточкой революционеров, с легионами реакции, принесла рабочим,—и вообще трудовому населению,—неисчислимые, непоправимые жертвы, которые кровавыми призраками витают над кликой меньшевистских вождей, забрызгавших себя этой напрасной кровью преждевременно погибших борцов. За это предательство, рабочий класс Кавказа, давно уже требует предателей к отчету в их губительной тактики, но они бежали из своей страны и прячутся за пределами ответственности под крылышком иностранных капиталистов, и других врагов пролетарской революции.

Штаб сборных карательных отрядов Правительства обосновался по соседству с Нахаловкой, на вокзале и занялся вылавливанием революционеров. Волна ночных казачьих набегов с обысками и арестами неудержимо катилась по нашим кварталам и они быстро пустели; работа переносилась в Дидуцэ, где пока еще было свободнее.

А угроза черносотенного погрома не переставала висеть над Нахаловкой, и дружинники продолжали нести ночной караул, но посты их теперь находились на крышах и чердаках домов, куда теперь зачастую стала перебираться на ночь и часть населения, старавшаяся избежать арестов; случалось, что и оттуда их стаскивали казаки и волокли на убой, ставший в то время обычным явлением. До тюрьмы в те дни доводили далеко не всех арестованных. С каждым днем увеличивалось число убитых, подбиравшихся по утрам на улицах города. Уже 21-го декабря, т. е. через два дня после начала «решительных» действий власти,—в мертвецкую Михайловской больницы было доставлено 19 убитых за ночь казачьим конвоем. Это только по подсчетам охранки, в ее донесения в высшие инстанции. А мы знаем, что эти официальные донесения всегда преуменьшали на две трети число жертв реакции.

Наши партизаны отвечали на террор-террором, и, в тех же двадцатых числах декабря во враждебном лагере значилось не малое число скошен-

¹) Оба последние погибшие были крестьяне. Первый сидел в тюрьме до появления манифеста; второй был опытный черносотенец, давно уже борющийся в провинции с черносотенными отрядами, князей-помещиков, и накануне своей гибели прибыл в Тифлис, с просьбой, об оружии для лесных братьев Душетского уезда.

ных ими карателей. К этому времени были уже совершены нападения на председат. «Союза русского народа» Головачевского; на пристава 9-го участка полиции Синицина—обоих ранили; убит у вокзала жандармский ротмистр (фамилии которого не помню), но зато, террориста убившего его, знаю хорошо,—это был рабочий Иссак Лилашвили, который жив и сейчас. Затем был убит нач. службы жел. дороги; был выслежен и убит шпион охранного отделения; была брошена бомба в магазин офицерского общества, где всегда толпилось множество офицеров, велась слежка за генералами Рыльским и Грязновым, где действовали погибшие на этой слежке (попались с бомбами кем то выданные)—Геурк Марцвалов и Вассер. Здесь же действовали Коте Цинцадзе и Арсен Джорджашвили. То и дело поступало и сведения об убийстве того или другого вершителя судьбы революционеров.

Чуть ли не все рабочие соц.-демократы превратились тогда в террористов. К основному ядру давнишних боевиков так называемой «Верийской группы террористов», в которую входили все герои бомбометателей напавшие 25-го сентября 1905 г. одновременно на три казачьих казармы, стали присоединяться новые массы бойцов, которые не были в силах примириться с поражением рабочих, охваченных кольцом осады, и подвергающихся теперь поголовному уничтожению.

В этом историческом моменте особенно заслуживает внимания характерный факт, что многие рабочие, (особенно очень юная молодежь)—державшиеся пассивно до гибели девяти товарищей на Нахаловских холмах,—тепер расвирепели настолько, что не хотели знать ни конспирации, ни опасности, ни страха. Все рвались на террор. Для примера возьму хотя бы братьев Мамацевых, с котяюм я до декабрьских событий работала на одной фабрике. До ноября месяца 1905 г. эти ребята,—Гарсо и Гриша—были настолько пассивными, что даже прокламаций не приносили на фабрику; в октябрьско-ноябрьской забастовке они тоже оставались пассивными исполнителями коллективного решения. С декабря же месяца, они знать больше ничего не хотели, кроме проведения террористических актов и составили себя из этой деятельности профессию. Оба они впоследствии сложили свои отважные головы на терроре. Гриша, с одним тов.—фамилии которого не помню,—напал на конвойного офицера Темникова, особенно отличавшегося в зверствах и убивавшего на улицах арестованных, не доводя их до тюрьмы. Гриша выследил его у самого комендантского управления и выстрелил, ранив его, но попался в руки солдат. Когда вечером того же дня, обоих террористов повели из комендантского в тюрьму, то конвоировавший их офицер Имнадзе, застрелил их у самых ворот Метехского замка, после чего было объявлено о «попытке их к бегству».

Вскоре после этого, Гарсо убил обоих названных офицеров Темникова и Имнадзе, бросив в них бомбу на бывшей Воронцовской площади. (У вонорц. моста).

Сам Гарсо был повешен в 1908 г. за покушение на одного из вдохновителей погромной патриотической организации Перушкина,—это произошло 1907 г.

Множество других т.т. действовало в том же направлении, и, борьба не на живот, а на смерть, завязавшаяся в эти памятные декабрьские дни, длилась долго,—несколько лет, пока не было разгромлено у революции все до последней организации; после чего в тюрьмах началось поголовное уничтожение борцов-революционеров, длившееся до новой революции 1917 года.

Однако вернусь к декабрю 1905 г.

Из деревень начали прибывать в Тифлис крестьянские отряды, которые теперь концентрировались в Дидубэ, где теперь находился центр революционных сил. Там черносотенцы обнагдели настолько, что постоянно задирали дружинников и хулиганили, стараясь вызвать столкновения. По ночам происходили столкновения обеих враждебных сторон со стрельбой. От зоркости патриотов не укрылось затишье в Нахаловке и усиление активности в Дидубэ. К этому же времени начали действовать и провокаторы, об одном из коих упоминается в переписке тех дней начальн. охраны с властями¹⁾, в которой называют и фамилию провокатора (Иашвили). Из Нахаловки же переносилось сюда и вооружение, о чем тогда тоже была осведомлена охранка, нач. которой в двадцатых же числах, доносит по Начальству что: «из Нахаловки бомбы переносятся в Дидубэ, в железнодорожный жилой дом, третий по счету от моста.²⁾ Там жил Сергей Бурчуладзе, который вместе с т.т. Лежава и Тевзадзе сносили сюда снаряды. В ночь с 21-го на 22-ое декабря, их выследили и накрыли под Авчальским мостом с бомбами. В перестрелке был убит Лежава. Сергей Бурчуладзе смертельно ранен и вскоре умер, а Тевзадзе удалось скрыться.

В ту же ночь казачьи войска хлынули в Дидубэ, куда они явились в том же порядке, как и в Нахаловку,—с артиллерией. Но рабочие, наученные горским опытом 18-го декабря, встретили своих врагов иначе, чем в то роковое число. Во первых патруль красных дружинников встретил казаков у входа в район взрывом бомбы, брошенной Гарсо Мамацашвили, что произвело в рядах нападавших казаков значительное опустошение; во вторых, в виду того, что служивший и здесь связью, Ладо Сухишвили (тогда еще юный рабочий Яраловского завода),—успел заблаговременно предупредить штаб дружины о приближении опасности и революционные отряды, общей численностью до 200 чел. встретили казаков ураганным обстрелом, а затем задними ходами скрылись, произведя в стане врагов полный разгром с массой убитых и раненых. Казаки, смешавшиеся было вначале и отступившие,—вскоре оправались и ринулись на дом, в котором помещался штаб красной дружины, осыпав его залпами яростной ружейной пальбы, а затем подвезли к нему пушки и принялись громить здание снарядами, не обращая внимания на то, что его населяла масса, ни в чем не повинных людей, запертых в разрушающемся доме. Когда к рассвету все стихло, и, войска, уходя с места бойны увезли с собой пушки, оставив на местах караул, то утро осветило ужасающую картину разрушения. На замерзшем снегу двора и вокруг дома на улице, валялись раненные жильцы уничтоженных комнат; извивались в агонии умирающие дети; валялись безгласные трупы, под которыми замерзшая кровь рдела широкими кругами. Обглоданный пулями и расчепленный взрывчатыми снарядами двор, ацепленный казаками,—кишел залитыми кровью, обезумевшими от ужаса людьми, не знавшими, что с ними сделают караулившие их войска. Всем думалось, что с наступлением рассвета их станут выводить на расстрел, и, они в диком отчаянии металась от часового к часовому, тщетно моля выпустить их со двора.

Солнечный восход вносил не успокоение, а еще большую панику в среду осажденных безоружных людей, оставшихся среди зимы без крова и пристанища, и, кроме всего этого, потерявших в боине своих близких, А дом угрюмо зиял многочисленными дыр'ями, пробитых снарядами стен; пугала развороченная внутренность жилищ, превращенных в щепы, в об-

¹⁾ Архивный фонд № 34, папка № 2.

²⁾ Там же.

жомки обвалившиеся бедняцкие квартиры, в который застряли осколки разорванных снарядов, готовы были похоронить под собой все живое копошившееся вокруг.

А над всем этим, несется потрясающий гул плача и воплей, пронзительного крика брошенных и коченевших на морозе детей; визгливые выкрики отчаявшихся женщин, глухие стоны, истекавших кровью раненых... Трудно было не потерять рассудок глядя на все это в полной безпомощности. Из дружинников участвовавших в обстреле нападавших казаков, был ранен котельщик Тедо, которому удалось скрыться с места боя и лечь в жел. дор. лазарет, где он вскоре выздоровел; убит рабочий глав. мастерских Георгий Джанелидзе.

В тот же день Дидубийское население, охваченное паникой спешно выселялось.

Все улицы Тифлиса превратились в места партизанской войны и представляли одинаковую опасность, как для карателей, так и для революционеров. И те и другие взаимно подстерегали друг друга на каждом шагу, и не давали пощады ни те ни другие. Одни действовали револьверами и взрывами бомб, другие орудовали штыками, шашками, ружейными пулями, кулаками и каблуками сапог, которыми не редко они забывали до смерти арестованных революционеров. Безопасного уголка для рабочих Тифлиса нигде не оставалось в те дни. Торговля громилась, лавки разграблялись ночными патрулями; жилища обворовывались при обысках; карманы прохожих бирались до чиста, и обобранные, радовались еще, что им хоть жизнь оставлена,—(что не всегда случалось)... На улицах, казаками открыто велась дешевая торговля нагробленными вещами, после продажи которых, казаки иногда приходили отнимать их у своих покупателей... Мне самой довелось наблюдать любопытную бытовую картину того удивительного времени.

В самом начале тусклого зимнего дня, едва рассеялся холодный утренний туман, я возвращалась из Дидубэ, куда чуть свет побежала узнать что там произошло. Истерзанная и разбитая видом места, на котором произошло побоище, я бежала к знакомым на Молоканскую улицу, чтоб совместно с ними начать работу по устройству тех немногих, которым удавалось вырваться из разгромленного дома. Мороз хрустел под ногами, а они полураздетые, скорченные в три погибели, с позеленевшими лицами, металсь по улицам потерявши рассудок.

Надо было что то делать для них, и, я помчалась к семье фабричного рабочего Арутюна Казарова. Впереди меня шла группа казаков человек в 5 и повернула в тот же двор, куда шла и я. Выждав в подворотне, куда войдут казаки, я заметила, что они направились в квартиру «патриота» Гончарова, помощник машиниста железной дороги, помещавшегося рядом с Казаровыми.

Поняв, что эта кампания идет не с обысками, а видимо в гости к своему союзнику, я спокойно пошла к Арутюну.

Здесь через смежную дверь мы слышали перебранку на малороссийском наречии.

Гончаровы ссорились с пришедшими к ним казаками, выразившими намерение забрать обратно проданные ими Гончаровым вещи. Казаки настаивали, что вещи принадлежат им... «Вот же и часы наши, стоят как живенькие»...—говорил один грубым пропитым голосом.

— «А вот это мой будильник!»—воскликнул другой голос—«и сахарница тут как тут, так и стоит вместе с подстаканником, который я взял вчерась у одного кинтошки»...—добавлял третий.

— «И ковры наши туточко!»—сообщал четвертый.

А хозяйка квартиры, Гончарова, возражала: «Да вы же мне продали все это, не помните, что ли хлопцы?».

— «Тю на неел!»,—вскрикнул казак—«опупела баба. Когда же мы тебе продовали?»...

— «Это все наше, туточки, — берите хлопцы!» — командовал пропитой голос. И грубые сапоги с железными подковами поспешно затопали в комнате.

— «Ах ты, головушка мая, бедовая! Что же мне делать!».— закричала исполошенная баба.

— «А мужик лежит пьяный, как стелька и дрыхнет»...

— «Да вставай, чтоб ты провалился сатана, тут дом грабят, а он дрыхнет», и снова к казакам: — «Хлопцы, вы хоть моего то кровного не берите!».

— «А тебе бы помолчать, пока не бита!».

— «Как это не бита?! Да я соседей позову! думаете управы на вас нету?»—взбеленилась Гончарова.

— «Чего вы там с нею растабариваете, ребята! Пошла! не шевутись, тут под ногами, а то как давану!... одно мокрое место от тебя останется!».

— «Так ты еще драться! Караул! караул! Люди добрые!»—завопила баба истощенным голосом.

Движение множества ног усилилось, зашаркала сразу масса ног, зазвенела падающая на пол посуда, послышался звук опрокинутой мебели. брякнулась об пол что-то мягкое... Похоже было, что свалили с ног человека. Голосов больше не было слышно; из за двери неслось только напряженное сопение и кряхтение. Можно было подумать, что несколько человек отдирают от себя одного уцепившегося за них мертвой хваткой. Через несколько мгновений топот возобновился; множество грубых подковок вновь застучало, тишину прорезал женский визг; заревели испуганные дети, и дверь с грохотом распахнулась на балкон. Из комнаты полетели во двор ковры, подушки, одеяла... На крыльцо повysкочили, всклокоченные казаки с ошалелым видом; шапки у них сбились с длинных вихрей. Дверь захлопнули и нажимают ее с наружи, стараясь не выпустить кого то рвавшегося из комнаты. Одни из казаков связывают выброшенное барахло в узлы, другие суют по карманам мелочь, которой наполнены их руки: часы карманные, ложки чайные, портсигары серебряные. Но баба вырвалась-таки из двери—в ужасном виде—растрепанная, безобразная, и вцепившись в подушки она вопит неистово:

«Не дам! это мое кровное! Грабители! Душегубцы! караул!».

А у крыльца столпились исполошенные жильцы; из под воротни, выглядывают встревоженные прохожие. Из распахнувшейся двери, вслед за женщиной, выкатились двое сцепившихся мужчин. Каждый из них сопя, давил другого, стараясь отодрать его от себя, но оба только рычали, как звери и были не в силах одолеть друг друга. Растрезанный Гончаров впился в казака, и оба по очереди переваливаясь то вниз, то вверх, скатились с лесенки во двор. С новым пронзительным визгом, баба бросилась им вслед крича о помощи; трое детишек с перепуганным ревом скатились вслед за матерью. В один миг все смешались в гигантский ком, навалившись на мужчин, обнявшихся мертвой хваткой. Туда же кинулся домохозяин, молоканин «патриот». Свалку окружили тесным кольцом галдящие наблюдатели, беспокояно, метавшиеся вокруг дерущихся. Два казака бросив узлы, ринулись в общую кучу выручать своего товарища и этот громадный ком из рычащих и визжащих человеческих тел, покотился по дво-

ру. Два другие казака, оставшиеся на крыльце, не вмешивались в драку, действуя в брошенной без надзора комнате, и, продолжая связывать узлы. Вскоре они ушли со двора взваливши себе на плечи связанное добро Гончаровых. . .

Во втором часу дня, того же 22-го декабря, в городе раздался оглушительный грохот взрыва. Вслед затем, послышалась ожесточенная ружейная перепалка, перешедшая постепенно в залпы, которым казалось не было конца. Вскоре со стороны солдатского базара донесся грохот артиллерийской бомбардировки. Там были брошены бомбы в казачий разъезд, проезжавший мимо семинарии, на Пушкинской улице.

Взрывами бомбы было убито и ранено несколько казаков, которыми заранее было решено отвечать на террор беспощадной расправой с мирным населением. И вот к месту взрыва, моментально подоспели войска, прятаясь тогда на всех улицах в секретных местах, и, давши несколько залпов по зданию духовной семинарии, ворвались в трактир Джорджия, где застрелили и зарубили всех, кто случился там в этот момент. Тем временем на Пушкинской улице и прилегающим к ней кварталам, шла безудержная стрельба по людям, по домам, по всему, что попадалось в поле зрения озверелых казаков. Затем к месту взрыва подвели две пушки, и, принялись громить здание духовной семинарии, вместе с находившимся в нижнем его этаже, торговыми предприятиями, наполненными массой народа, оказавшегося в осаде. Громили артиллерийскими снарядами до тех пор, пока не начался пожар, охвативший и соседние здания, с жилыми помещениями. Вскоре запылало пол-квартала, а оцепившие его казаки не давали спастись бегущему из него населению. Убивали всех, кто показывался на улице, у ворот, в окнах... Ловили бегущих и швыряя их в ревущее пламя, пристреливали сзади.

Еще 23-го и 24-го декабря, расsvирепевшая дикая банда, поджигала дома в этой улице, била и убивала всех случайных прохожих, наступивших ею на улицах, прилегавших к месту погрома; пощады не давалось ни детям, ни старикам. Здесь была цель навести панику на население с нажимом на революционеров. В разгромленном здании сгорело много десятков людей. Не меньше их было убито вблизи этого дома. Много народу погибло и в соседних кварталах, которые громились в течении 3-х суток без передышки.

По официальным донесениям, в этой бойне числится убитыми 27 чел., ранеными — 32 чел., арестованных 200 чел.; но можно безошибочно сказать, что погибли там фактически сотни человеческих жизней.

В Нахаловке тем временем готовились к погребению девяти убитых дружинников, — жертв первой ночи разоружения рабочих, 18-го декабря.

Община усилиями всего населения рабочего поселка, готовилась братская могила на месте их убийства. Всякий старался принять посильное участие в работе. Подготовкой грандиозных похорон руководила специальная комиссия, выбранная рабочими, с Ефимом Сартания во главе.

Видя земляные работы населения, готовившего склеп для набальзамированных «девяти братьев», — как их стали называть тогда, — правительство вообразило, что роятся окопы, и, стало зорько следить за деятельностью рабочих, стараясь прекратить ее в самом начале.

Подозрения полиции были тем тревожнее, что в это самое время в Тифлисе вернулась из ссылки маленькая часть 1-го Саперного батальона, расположенного в Нахаловке и высланного отсюда в Елисаветполь, еще в ноябрьские дни, когда этих солдат, — самых революционных и единомышленников, — запирали в казарме под замок, а у ворот становились на часы офи-

церы, предохранявшие рядовых солдат от влияния революционной толпы. Не надежный батальон, в конце концов, расформировали и лишь незначительная часть его, теперь снова вернулась сюда. Но за время отсутствия из Тифлиса, саперы не утратили революционного духа, и, снова открыто появлялись в Нахаловке, где шла революционная работа.

Живя всегда по соседству с их казармой, я, с 1904 г. вела в их среде агитацию и снабжала их нелегальной литературой. По старой памяти у меня с ними сразу же установились тесные товарищеские отношения, и мы все вместе принялись строить планы защиты от погрома. Между прочим, решили проучить казаков за грабежи товарных грузов на железнодороге, вблизи моей квартиры, где они бесчинствовали каждую ночь, пользуясь тем, что население терроризировано и молчит. Надеюсь еще на победу революции, саперы решили защитить это народное достояние, для чего хотели использовать как свои ружья, так и имеющиеся у меня две бомбы.

В один из вечеров, часов в 11, когда под покровом темноты, начали раздаваться громыхания ружейных прикладов о двери разбиваемых товарных вагонов,—саперы открыли по громилам ружейный огонь. Всполашенные нападением, казаки ответили тоже стрельбой. Завязалась перестрелка. Это произошло в нескольких саженьях от моей квартиры, и я, зная, что следует приготовить бомбы для взрыва, метнулась в соседнюю квартиру к Антоше Нариманову за капсюлями для бомб. Но не успела я выйти от него, как во двор к нам ворвалась разъяренная ватага казаков, в перемежку с жандармами, юнкерами и солдатами; во главе их было 3 офицера, которые явились к домовладельцу,—(отцу упомянутого Антоши Нариманова)—с требованием указать им мою комнату. Отец Нариманова ответил не зная меня и отсутствием в его доме спрашиваемой комнаты. Хоть я и была поражена неожиданностью нашествия, но не могла и не изумиться такому «почету» и страху передомной, в силу которого, арестовать меня, явились целой полуротой сборных войск...

Впоследствии эта непонятность объяснилась: был донос об «имеющемся у меня складе бомб».

Обыскавши весь двор, и разгромивши некоторые комнаты, в коих встретили портреты Маркса, казаки добрались наконец и до моей комнаты в глубоком подвале, где наличие жилья трудно было предположить в темноте. Забравши две мои бомбы, взяли и меня; прихватили и домовладельца Петра Нариманова, старика 70 лет и сына его Антона.

Расправа надо мной, как над бомбисткой, началась немедленно же, во дворе, а затем всех нас повели на вокзал в штаб, безобразно избивая прикладами ружей. Надо мной лично особенно старался офицер Харитонов, усердно пробававший на моем черепе крепость ручки своего нагана (чем оставил мне на память о тех жутких днях, тяжелую травму). Всех нас затем терзали целую ночь, и лишь на рассвете привели в тюрьму. Не желая тащиться в Метех с 3-мя арестованными, казаки таскали нас по городу, производя в разных местах обыски и аресты; а мы, раздетые (у меня казаки для забавы, отобрали одну туфлю, и несли ее на штыке, а меня гнали босую по снегу). Мы ждали под конвоем на улице, пока ловили и расправлялись с новыми жертвами, прежде чем присоединить их к нам. По пути казаки захватывали всех встречных, и, обобрав их карманы, сгоняли в одну кучу, которую всю дорогу не переставали бить. В тюрьму нас привели уже большой толпой, окровавленными и изувеченными на всю жизнь.

На очереди этой ночи было убийство меня, как бомбистки, таких тогда в обычае было убивать по пути к тюрьме. Изнулив меня побоями до

последней степени, казаки приготовились прикончить меня, о чем серьезно говорилось в моем присутствии: «Если не перестанет падать,—бросьте ее приколовши штыком.» Я это слышала, но не падать уже не могла.

В последний момент, кому то из палачей пришла охота задать мне вопрос: «сколько тебя лет»—«17»—ответила я. В ответ послышался возглас изумления:—«я думал она маленькая, лет 14-ти.. жалко стало дитя»...

Разговор однако начался; посыпались новые вопросы. Из моих ответов оказалось что я казачка. Это обстоятельство произвело сильное впечатление, и было причиной того, что меня не только не приколотили на мостовой, но еще оказали заботливость,—нашли мою туфлю и вернули ее мне.. Отвлеченные этим казусом, казаки перестали бить и остальных... но поздно. В тюрьме, при свете лампы, нам страшно было смотреть друг на друга. Все мы были окровавлены, вывалены в мокром снегу, в уличной грязи, в которую валили нас ударами прикладов и втапывали ногами.

Это было 23-го декабря: Конец 1905 г. Но это не был конец кровавого колейдоскопа потрясающих картин великой борьбы. Гроза далеко еще не миновала. Долго еще в стране бушевал революционный вихрь, а одновременно с ним, неслись грозные раскаты бури, гасившей освободительной порыв великой эпохи, и сотнями тысяч гибли жизни самотверженных сынов восставшего народа. В тюрьме мы долго еще слышали грохот взрывающихся бомб и адских машин, а через железные решетки тюремных окон, видели пойманных террористов, которых нескончаемой вереницей, беспрестанно вели на смертную казнь.

Вечная память и слава погибшим борцам.

М. Суворова-Федорова

23-го декабря 1925 г.

1905 г. на Закавказских ж. д. *)

Начну свои воспоминания с первой забастовки машинистов депо Тифлис. Это было в апреле 1905 года, перед пасхальными праздниками.

Волна забастовочного движения уже давно охватила рабочих главных мастерских и депо, но машинисты все еще оставались в стороне, почему забастовки не носили цельного характера, не удавалось остановить движения поездов.

Экономически довольно хорошее положение машинистов не благоприятствовало привлечению их к забастовкам, за что организованные рабочие ругали машинистов, называя хулиганами. Но среди машинистов все же были и передовые элементы, которые всеми силами старались пробудить в своих товарищах сознательное отношение к окружающему и втянуть их в общую железнодорожную пролетарскую семью. В этом деле им невольно помогла сама высшая железно-дор. администрация.

Раньше машинисты получали в месяц по 200-300 и более рублей. Эти оклады показались тогдашнему начальнику Тяги слишком высокими, и он стал урезать по верстные и премию на топливо. Заработок машинистов упал до 100-150 рублей. Пробовали было уладить дело при помощи делегаций, но начальник Тяги Вартенбург или не принимал делегатов, или отпускал их ни с чем.

«Момент благоприятный», подумали делегаты, среди которых были сознательные, и, посоветовавшись с несколькими передовыми машинистами, решили агитировать за забастовку...

Сама служба машиниста не благоприятна для массовых собраний. Трудно собрать вместе 20-30 машинистов. Часть в раз'езде, часть отдыхает или готовится к от'езду. Да и собрания не разрешались. Но нашли выход: в депо имелась библиотека-читальня, и по делам библиотеки можно было устроить в помещении читальни собрание.

Решено и сделано. Назначили, если не ошибаюсь, в апреле собрание, под предлогом обсуждения библиотечных дел; специальные курьеры, сочувствующие забастовке товарищи, ходили по домам и сообщали машинистам

*) Автор статьи т. Долидзе (машинист депо Тифлис) был председателем Стачечного Бюро Закавк. жел. дорог и руководил забастовками на этих дорогах в 1905 г.

по секрету, что на этом собрании делегатами будет оглашен ответ от начальника Тяги.

Был весенний дождливый вечер; в пять часов в помещении библиотеки необычное оживление. Собралось более ста человек машинистов и их помощников... Товарищи, сочувствующие забастовке, смешались с массой и стали готовить почву. Заведывающий читальней, открыв собрание, начал говорить о делах читальни, но скоро он ловко перешел на тему о материальном безвыходном положении, о все убавляющемся жаловании и так далее и тому подобное... Ко всему этому он добавил, что начальник Тяги делегатов выпроводил с оскорблениями и закончил свою речь призывом ответить наглому администратору забастовкой, немедленно, сегодня же, сейчас же.

После некоторого обсуждения был поставлен на баллотировку вопрос о забастовке, но предупредительно заперли дверь, чтобы никто не удался с собрания. Около тридцати рук поднялось сразу...

«Товарищи! Покажем нашу силу. Присоединимся к товарищам революционерам... Давно на нас указывают пальцем... Если не постоим за себя, начальник Тяги еще больше сядет нам на шею... Надо всем присоединиться к забастовке»... — призывает председатель собрания.

«Бастуем! Бастуем!» раздаются голоса со всех сторон. Почти все за забастовку. Только еще несколько рук не поднято—это руки машинистов Головачевского, Урусова и других, принадлежащих к патриотическому обществу при миссионерской церкви...

«Кто за забастовку с сегодняшнего же вечера, пусть подпишут сей лист,» объявляет один товарищ.

Расписались все—даже члены патриотического союза.

Собрание закрыто. Стали расходиться. Остались только выборные, которые затем обошли все маневровые паровозы на станционных путях и охладили их на месте, затем остановили на стрелках входящие со стороны Навтлуга и Авчал поезда и там-же охладили паровозы, закрыв, таким образом, станцию с обеих сторон. Перевернув доску с «нарядом», написали на обратной стороне: «Забастовка. . . собраться завтра всем в депо», и разошлись по домам, оставив дежурного ревизора и сторожей.

Около 10 часов вечера должны были отходить пассажирские поезда в Батум, Баку и на Карс. На станции масса пассажиров. Стоит поезд, готовый к отходу. Билеты продаются. Администрация забавляется чаепитием у себя дома. [Ей и в голову не приходит, какой неприятный сюрприз готовят им забастовавшие машинисты. Но действительность скоро дает о себе знать. Паровозы не явились под поезда. Необыкновенное явление! Зашевелилось все и вся. Стала жандармерия на ноги. Появился и начальник Тяги Вартенбург и стал уговаривать пассажиров не беспокоиться, что он покажет забастовщикам, что у него найдутся машинисты свои, из патриотического союза, что поезда отойдут много-много через

час. Но он и не подозревает, что станция с обеих сторон закрыта, и что не так-то легко отправить поезд.

Проходит час, два... паровозов все нет. Мы тоже не зеваем: шныряем между пассажирами и уговариваем их оставить станцию. Вартенбург это замечает и вызывает усиленную охрану,—нас со станции изгоняют.

Два часа ночи... На вокзале необычайно тихо. Не слышно паровозных свистков. А недалеко от станции, на квартире пишущего эти строки, несколько товарищей вырабатывают те требования, которые на другой день необходимо будет выставить. Вдруг, как гром, поражает нас неожиданный паровозный свисток. Кто?! Какой негодяй изменил?!.. Все мы молча покидаем квартиру и направляемся к месту, откуда доносятся свистки паровоза. Перелезаем через железный забор—и что-же? Небезызвестный Головачевский влез на один маневровый паровоз и старается расчистить путь. Полетели камни, и изменник с окровавленной головой сбежал с паровоза.

После этого тишину ночи никто не нарушал.

На другой день мы предъявили администрации свои требования, в которых было следующее: улучшение материального положения паровозных бригад, восьмичасовой рабочий день, трехсменное дежурство на маневрах, устройство на паровозах скамеек для сидения и брезентов, защищающих от дождя и ветра, и много других мелких требований; но самое главное наше требование было—удаление начальника Тяги Вартенбурга.

На наши требования начальник Тяги ответил пулями, приказав вызванной роте солдат стрелять в забастовщиков. Мы, конечно, этого не ожидали и собрались на перроне со стороны депо. Офицер, правда, предложил нам разойтись, но мы все подвигались вперед к станции.

Тогда офицер скомандовал: «пли!»—и раздался залп... Спасибо товарищам-солдатам, которые стреляли вверх, а то не мало народу полегло бы тут. Пули, вместо забастовщиков, пробили стоящие тут-же котлы с керосином, и, вместо крови, полился керосин...

Совсем сошел сума Вартенбург. Начал кричать на офицера и роту эту тотчас-же заменил другой ротой, но и мы стали осторожнее.

Вартенбург прилагал все старания сорвать забастовку при помощи двух, трех изменников, но ему не удалось отправить ни одного поезда. Помню, прибыл с поездом в Тифлис из Акстафы застрявший было на линии машинист Урбанович. Вартенбург бросился к нему на паровоз и просил его ехать сейчас-же в сторону Михайлово. Тот согласился, но как только Вартенбург ушел на станцию распорядиться отправить хотя-бы этот один поезд, Урбанович сбежал с паровоза и присоединился к забастовщикам.

Забастовка шла дружно. На третий день подошли два пассажирских поезда из Хашури, с тамошними же машинистами. Один из них, Сторицын, бросил свой паровоз и присоединился к нам. Другой, Вальтер, по-

вел поезд обратно, несмотря на предупреждения. Но он пал мертвым на паровозе на ст. Каспи, сраженный меткой пулей следовавшего с этим-же поездом террориста. Поезд простоял тут двое суток.

Теперь уже и Головачевские изменили Вартенбургу. Забастовка перебросилась и в другие депо.

В дело вмешались городское самоуправление и высшая власть в Крае. Назначили комиссию под председательством генерала Михайлова. От забастовщиков туда входили: Бунтури, Первас и я—все трое машинисты.

Почти все наши требования были выполнены. За забастовку никого не наказали. Всех арестованных освободили. Выдали бастующим по 100 руб. пособия, и после дружной недельной забастовки мы сами прекратили ее. Остался не разрешенным главный вопрос об удалении начальника Тяги, но и тот был разрешен в 1907 году меткой пулей террориста...

Эта первая забастовка машинистов в апреле месяце имела большое значение для следующих политических выступлений.

Забастовки участились. Манифест и свободы, оглашенные 17-го октября, железнодорожников не удовлетворили. Стали требовать демократическую республику, учредительное собрание и т. д.

Правительство растерялось: спровоцировав на Кавказе армяно-татарскую резню, оно потом стало выдавать рабочим организациям ружья для прекращения этой резни.

Вскоре «дарованные» октябрьские свободы стали отбирать. Реакция подняла голову. Стали закрывать рабочие газеты и профессиональные союзы. В результате началась всеобщая политическая забастовка, и перед началом ее мы получили из Петрограда телеграмму от ж.-д. конференции и Центр. Бюро Всеросс. Ж.-Д. Союза, присоединившихся к постановлению Петербургского и Московского Советов рабочих депутатов.

В телеграмме говорилось, что правительство, давшее манифест о свободах, само же нарушило все обещания и стало на путь провокации, и т. д. и т. д. В заключение был призыв начать всеобщую забастовку с 7-го декабря 1905 г.

Эта телеграмма застала пишущего эти строки на конференции в Баку, где три большие дороги, Владикавказская, Закаспийская и Закавказская, объединились в один профессиональный союз...

Конференция, конечно, присоединилась к телеграмме из Петербурга и, объявив по своим дорогам всеобщую забастовку, прекратила занятия; делегаты разъехались для работы на местах.

В Тифлисе мы застали забастовку уже в полном разгаре.

Администрация попряталась, и вся власть на дорогах перешла в руки Стачечного Комитета. Но не долго продолжалось на этот раз господство пролетариата: 16-го декабря 1905 г. было объявлено осадное положение. Появились войска. Администрация вернулась на свои места, и пошли аресты забастовщиков, ужасы расстрелов, поджоги и опустошения.

Карательная экспедиция зверя Алиханова-Аварского, покорив Бакинский участок, направилась к Батуму, расстреливая, сжигая и уничтожая на своем пути не только революционеров, но и мирное население.

Квартира моя, где происходили заседания Закавказского Стачечного Комитета, была разгромлена... Мне вначале пришлось скрываться в Кхетии в сел. Хашми, а впоследствии эмигрировать за границу.

С. Долидзе.

Октябрь 1905 г.

Тифлис.

29 августа 1905 г. в Тифлисе.

Мирная манифестация 9-го января 1905 г. превратилась в грандиозное пламя величайшего пожара и огненными языками разнеслась по всей необъятной России. Зарево великой Российской Революции то здесь, то там давало о себе знать, и вооруженная до зубов пожарная дружина, в лице помещичье-бюрократического самодержавия, тщетно боролась со стихией. Отживающий строй изыскивал различные методы борьбы с революцией, начиная с усиленных охран и военно-полевой юстиции и кончая насаждением предательства внутри борющихся против него сил.

Министерство Внутренних Дел изобретало всевозможные способы надувательства рабочих и крестьян; одним из таких приемов было обещание ввести земство на Кавказе.

С этой целью при канцелярии наместника на Кавказе, под председательством кн. Абхазы, была образована комиссия для разработки проекта земства; одновременно местные политические партии тоже дебатировали этот вопрос и, с этой целью присутствуя на хорах думской залы, косвенно принимали участие в заседаниях Городской Думы, пользуясь тем, что буржуазные гласные-цензовики и либеральная Управа старались заигрывать с руководителями партий и, несмотря на запрещение, давали возможность высказываться публике, наполнявшей хоры.

Благодаря этому «попустительству», на заседаниях Думы 25-го, 26-го августа 1905 г. выступали товарищи «Чоти»—Арчил Джапаридзе ¹⁾, «Альфред»—Армайс Ерзинкян, ²⁾ «Хунхуз»—Ной Хомерики, Захарий Чичуа и ряд других товарищей.

27-го августа было созвано многолюдное собрание, на котором присутствовало около тысячи рабочих. На этом собрании был выработан проект земства, который считался с точки зрения партии РСДРП более приемлемым, чем проекты различных групп, вроде группы либералов Чемесоа, Черкезова и других.

¹⁾ Впоследствии депутат 2-ой Госуд. Думы.

²⁾ В настоящее время Наркомзем Армении.

28-го августа либералами был устроен банкет в зале артистического о-ва, на который пригласили заместника кавказского. На этом вечере были оглашены проекты различных направлений и выражены соответственные пожелания,—конечно, в строгих рамках «самодержавного приличия».

Указанный банкет прошел, конечно, без участия тех, которые больше всего были заинтересованы—крестьян и рабочих. Но «бесправные» не теряли времени и в своих нелегальных кружках всесторонне обсуждали данный вопрос, а для широкой агитации решили использовать легальную думскую трибуну. И вот на 29-ое августа Областной Комитет Закавказской орг. РСДРП назначил обсуждение этого вопроса в помещении Городской Думы и с этой целью к выше перечисленным ораторам были еще добавлены т-щи Седрак Банворян, Мушег Тирацян, Ковалев и др.

29-го к 6 часам возле Городской Управы (ныне Исполком) собрались с разных концов города рабочие, но вход в думский зал оказался запертым, а управские сторожа заявили, что, по распоряжению городского головы Х. А. Вермишева, приказано туда никого не пропускать (между прочим, тогда явными радикалами из числа гласных Думы считались Чрелаев, Аршак Бабов, Гуладзе, д-р Худадов и Евангулов, а из членов Управы—Ал. Мих. Аргутинский).

Собравшиеся решили отправить делегацию к городскому голове с требованием открыть думский зал; в числе делегатов, между прочими, были т.т. Унанян, Сумбат Малхазов, Иосиф Медзмаришвили и другие, фамилий которых я не помню. До возвращения делегации откуда-то появился Аршак Сер. Бабов, сообщив, что Вермишев только-что по телефону говорил с генерал-губернатором Яцкевичем, который круто оборвал разговор, посоветовал толпе разойтись, но народ оказался непоколебимым и настаивал на открытии думского зала. Тогда несколько молодых товарищей, в том числе и пишущий эти строки, совместно с Мишей Джапаридзе и друг.. прошли в Управу и при помощи перочинных ножей открыли двери в бухгалтерию, а из бухгалтерии проникли в думский зал и открыли входные двери. Народ заполнил помещение.

Митинг открыл товарищ Арчил Джапаридзе, который в кратких словах ознакомил собравшихся с порядком дня. Было дано слово для доклада Чичуа, но он не успел произнести и десяти слов, как в дверях показалась полицейская фигура,—это был помощник пристава 3-го участка чеченец Гагиев, который обратился к президиуму митинга с требованием мирно разойтись; на это послышались со всех сторон крики: «Долой шпиков! Долой палачей!» и т. д.; но часть присутствовавших все же потянулась к выходу; тогда Чичуа с трибуны обратился к присутствовавшим с горячей речью, призывая не расходиться и продолжать заседание; не прошло и пяти минут, как появился и полицеймейстер—бывший жандармский полковник Цысс—тоже с требованием разойтись, но на этот раз уже никто из толпы не сдвинулся с мест, и все, как один человек, крикнули: «Долой полицию! Долой жандармерию!» и т. д. Вслед за Цыссом появился

пьяный вдребезги казачий офицер в сопровождении двух казаков в одних архалухах, без черкесок и без поясов, с винтовками в руках и патрон-ташами на спине. Офицер именем ген.-губернатора приказал разойтись, но в это самое время в подезде, со стороны Вельяминовской улицы, раздался провокационный револьверный выстрел, после которого в зал ворвался взвод казаков и стал стрелять в безоружный народ; затем они разделились на две группы: одни поднялись на хоры и, стоя на лестнице, прикладами избивали бегущих с хор; другие же, загородив входные двери, обстреливали думский зал. В это время кто-то пытался потушить свет, но это не удалось сделать.

Паника поднялась ужасная. Те, которым удавалось выбежать во двор, расстреливались там сквозь решетчатые железные ворота, выходившие тогда на Вельяминовскую ул. (где в настоящее время последний раствор аптеки). При мне на хорах были убиты женщина-врач партработница Койранская-Зактрегер, Софья Бискова, модистка, и ряд товарищей; я же уцелел благодаря счастливой случайности: во дворе Гор. Управы тогда имелся небольшой деревянный сарайчик, а между стеною Думы и сараем был промежуток аршина в полтора. Я забежал туда и наткнулся на двух лежавших мужчин; мне показалось, что они прячутся, и я молча лег между ними. Когда стрельба немного притихла, я толкнул одного из них и шепнул: «Пора бежать», но никакого ответа я не получил—они оба оказались мертвыми. Весь выпачканный в их крови, я выбежал во двор, но в это время началась вновь стрельба, и я поспешил скрыться между стоявшими там же большими порожними ящиками, где нашел несколько прятавшихся товарищей; через несколько времени мы сделали вылазку и, найдя дворника или сторожа, добились открытия ворот. Выскочив из ворот, мы группой понеслись по Гановской улице, не чувствуя под собой ног; нам вдогонку раздались выстрелы, которыми ранили кого-то из бежавших, но остальные, не останавливаясь, бежали дальше.

Я добежал до квартиры д-ра Кучаряна, на Бебутовскую, где и упал, потеряв сознание. Только в 2 часа ночи я очнулся. Когда я открыл глаза, около себя увидел одну почтенную даму, которая меня успокоила, сказав, что я не ранен. Стрельба к этому времени окончательно была прекращена, и я по Бебутовской, через Майдан, по Песковской ул. направился домой (тогда я жил на Солдатском базаре в доме, где помещалась типография Хеладзе, который был впоследствии подожжен по распоряжению генерала Грязнова).

Добравшись домой, я узнал, что брат мой Николай, тоже бывший в Думе, не возвратился. В страшном беспокойстве вся наша семья провела эту ночь. На рассвете, через отверстие закрытых ставень мы видели, как на фургонах, как битый скот, везли трупы убитых товарищей; наконец, к 5 часам пришел и Николай, который рассказал о том, как спасся он с товарищами.

На второй день, по официальным данным газеты «Кавказ», убитых было указано около 36, а число раненых было не выяснено, но их надо было считать сотнями. Раненые, находившиеся в больницах, по выздоровлении были отправлены в Метехский замок, а те, которые не пользовались больничными услугами, спаслись от ареста. За этот вечер на улицах Сололакской, Фрейлинской и других, прилегающих к ним, была переранена масса случайных прохожих.

Теперь, когда прошло 20 лет после этого кровавого вечера, с проклятием и содраганием я вспоминаю эту кошмарную расправу царских опричников с безоружными людьми, и хотя в дальнейшем многое пришлось пережить в застенках царских тюрем и в Сибири, но все это несравнимо с тем ужасом, который я испытал 29 августа 1905 г.

В. Атоев.

Вооруженное восстание в гор. Сочи в 1905 году. „Сочинская Республика“.

(Воспоминания активного участника Прокофия Джанашия).

Для учета социальных группировок населения к моменту первой российской революции, остановлюсь, хотя бы кратко, на истории колонизации после «усмирения» российским самодержавием Черноморского побережья Кавказа.

В 1864 году, после окончательного подавления коренного населения Черноморского побережья—черкесов, часть которых была уничтожена при непрерывных войнах правительственными войсками—палачами самодержавия, а часть эмигрировала в Турцию, страна Адыге (вольных горцев) совершенно опустела, и царское правительство занялось основным вопросом для себя—созданием здесь прочной базы для устоев самодержавия, и с этой целью началась переброска через Кавказский хребет консервативного казачьего элемента для колонизации края, но попытка эта потерпела фиаско. Видя бесплодность этой меры, правительство обратило взоры в сторону своих естественных союзников—капиталистов. Стало их приглашать на побережье и отводить им самые лучшие прибрежные земли на самых льготных условиях.

Насколько сильна была тяга буржуазии к Черноморью, видно из признания одного из ее идеологов М. А. Краевского в его книге «Бюрократизм и Революция», из которой цитирую: «Природные богатства, мощная растительность, чарующие красоты местности, мягкий климат, безбрежное, дивное море, вечно переменчивое: порой ласкающее лазурью тихих вод, порой грозное—*вот что влечет к этим пустынным берегам.* (Курсив вой. П.Д.). Каждый, кто только побывал на побережье, не забудет этих

новых ощущений, и после того долго словно тянет в эту сказочную страну тепла и света».

К Кавказской Ривьере потянулись графы, князья, министры, помещики и разная буржуазная дрянь для захвата и эксплуатации края. Но для обслуживания барских имений и дач нужна была «рабочая скотина». Для этой цели стали заселять нагорную, неудобную и недоступную часть побережья безземельными и «безродными» крестьянами из Украины, греками и армянами с Анатолийского побережья Турции, эстонцами, немцами, грузинами и другими народностями. Надо здесь оговориться, что такой конгломерат народностей был допущен лишь в самом начале; впоследствии же самодержавная бюрократия запретила поселение всяких «инородцев» на Черноморском побережье.

В своей массе этот контингент переселенцев составлял бедняцкий элемент. Исключение представляли два-три крестьянских поселения на побережье, осевших на прибрежной полосе ранее и не вошедших «в плановую программу самодержавия». Но для устройства дач, для постройки вилл и дворцов буржуазии необходимы были рабочие руки, которые частью комплектовались из тех же крестьян-переселенцев, а в большинстве своем приходили извне.

И вот на пороге революции 1905 года в Сочинском округе имеются следующие две основные, резко разделенные социальные группы: рабочие и полупролетарская крестьянская масса в своем большинстве с одной стороны и буржуазия—с другой.

После моего первого «знакомства» в Зугдидях (Грузии) в 1904 году с жандармским полковником и товарищем прокурора, прибывшими из Кутаиса специально для расследования и предания меня военно-окружному суду (Архив Кутаисского жандармского отделения за 1904 г.), как крамольника, за чтение прокламаций среди моих школьных товарищей, учащихся городской школы: Климентия Бебурия (ныне учителя школы 1-й ступени в местечке Хоби, Сенакского уезда, в Грузии), Павла Джанашия, Рождена Антия, Павла Куталия, Петрова и Лолуа, я в январе 1905 г., еще до окончания суда, «эмигрировал» в Сочинский округ вместе с братом Иваном Джанашия, где в то время была маленькая подпольная ячейка из двух лиц: Гамсахурдия и фармацевта Авксентия Гватуа.

В марте месяце 1905 года была выпущена первая прокламация на тему о русско-японской войне. В ней говорилось, что на полях Дальнего Востока льется солдатская кровь в интересах самодержавия и помещиков, и все призывались отказываться от солдатчины и не платить налогов, податей и т. д.

Прокламация была составлена на русском и грузинском языках Авксентием Гватуа. К 1-му мая также была выпущена листовка к рабочим с призывом прекратить работы на многих предприятиях подрядчиков на Новороссийско-Сухумском шоссе и в близлежащих дачах.

Первое выступление имело место в апреле месяце на кладбище в день похорон рабочего (фамилии не помню), убитого по неосторожности пьяным городовым. Убийство это было совершено на Базарной улице.

Выступавший с проклятием самодержавию и его агентам над свежей могилой рабочего (дело было вечером) заgrimированный т. А. Гватуа никем из присутствующих не был узнан, за исключением одного или двух товарищей, знавших заранее о его выступлении. Узнавая об этом полиция ночью-же ретиво принялась за розыски крамольника для примерного наказания, но обыски и облавы не привели ни к каким результатам.

С начала июня месяца под влиянием, с одной стороны, общего хода развития революции в России, а с другой,—той небольшой работы, которую вел маленький подпольный коллектив, рабочие стали пред'являть дачевладельцам и подрядчикам требования об уменьшении рабочего времени, которое до того момента регулировалось солнцем—от восхода до заката,—до 10 часов и увеличения зарплаты с 50—60 к. в день до 1 р. 20 коп. и 1 р. 80 к. Экономической борьбой рабочих руководили легально т. т. Сальников, Поярко и Коняев, которые еще не входили в подпольный коллектив. Нужно сказать, что какой-либо оформившейся политической партии еще не было вплоть до октября-ноября месяцев. Были общие революционные требования без разбора программ.

В середине июня была проведена забастовка, которая закончилась полной победой рабочих. Это, естественно, воодушевило рабочих, и они стали охотно собираться в народном доме, в этом единственном легальном месте, не считая трактиров и кофеен, где как тогда, так и после происходили, главным образом, «экономические состязания» между рабочими и буржуа.

С момента приезда из Грузии агитатора-пропагандиста т. Михако Ормоцадзе подпольная работа еще более оживилась. Началась пропаганда в кружках, в которых избирались десятские и сотские для проведения директив революционного коллектива в определенном коллективе (среди артилов рабочих) и в определенном районе (в селе среди крестьян). В Хосте представителем коллектива был народный учитель Одинцов, в сел. Пластунке—Иосиф Ахвледяни и т. д. В работе подпольного коллектива как в этот период, так и после деятельное участие принимал т. Владимир Каландаришвили.

Несколько слов о методе подпольной пропаганды того периода.

Так как далеко не безопасно было вести не только митинговую, но и кружковую работу открыто, из-за наличия полицейских шпииков и предателей, которые могли найтись среди аудитории, то кружковую работу приходилось вести исключительно ночью, где-нибудь на окраине города, а если в селах, то в лесу, в овраге и т. д., где обычно выступал замаскированный агитатор. Мало этого: практиковалось также при выступлениях класть в рот какой-нибудь твердый предмет для изменения голоса выступавшего, чтобы присутствовавшие не могли его узнать. При таком

способе ведения нелегальной работы масса не знала своего агитатора, иногда ежедневно вращающегося среди них.

Пожалуй, не безынтересно будет коснуться здесь и метода ведения внутриколлективной работы. Обычно в коллективе принимали участие два-три или максимум—пять товарищей, знающих друг друга, более или менее испытанных и преданных идеям революционного движения. Когда для решения того или иного вопроса необходимо было собраться всему коллективу где-нибудь в конспиративной квартире, то один из товарищей, чаще всего хозяин квартиры, «делался больным». Прежде, чем приступить к решению или разбору того или иного вопроса, он раздевался, ложился на кровать с перевязанной головой, а у изголовья ставилось какое-нибудь лекарство. В случае налета полиции—ответ был готов: «Товарищи пришли навестить больного друга». Для неискушенной еще в политической борьбе провинциальной полиции того периода такой ответ был удовлетворительным, конечно, при условии отсутствия других «вещественных» доказательств, к чему всегда принимались необходимые меры предосторожности.

Теперь о лозунгах.

Основными лозунгами первой Российской Революции как при устных выступлениях, так и для прокламаций и листовок были: 8-ми часовой рабочий день, свобода слова, собраний, союзов, стачек, печати, земля крестьянину, равноправие женщине, долой самодержавие, да здравствует демократическая республика, учредительное собрание и т. д.

Урок 9-го января 1905 года с шествием на поклон кровавому царю Николаю, встретившему безоружную массу свинцовым градом, знаменитый приказ генерала Трепова «патронов не жалеть», зубатовщина, гаповщина, а главным образом, неудачи японской войны, вскрывшие все язвы бюрократического режима, окончательно подорвавшие авторитет правящей власти, и, в связи с этим,—общий гигантский подъем революционной волны во всей России, конечно, не могли не отразиться и на жизни Черноморского побережья Кавказа. И тот небольшой революционный коллектив, который работал в то время в Сочи без определенной системы, без связи не только с такими рабочими центрами, как Москва, Ленинград, Ростов, Тифлис, Баку, но и с ближайшими—как Новороссийск, Краснодар, Екатеринодар, Батум, и о существовании которого, конечно, догадывалась местная полицейско-жандармская сатрапия хотя бы по тем «пилюлям», которыми время от времени «дезинфицировались» полицейско-бюрократические желудки, пользовался громадным моральным авторитетом и сочувствием большинства рабоче-крестьянского населения края.

О материальных (финансовых) и «технических» возможностях коллектива много не приходится говорить. Поступлений ниоткуда и никаких. Из всех членов коллектива имел возможность поддерживать организацию т. Гватуа, имевший службу в аптекарском магазине, где он также доставал желатин, глицерин и химические чернила для гектографа.

Таким образом, при наличии небольшого революционного коллектива, проводившего иногда забастовки среди строительных и шоссейных рабочих (фабрик и заводов в Сочинском округе не было), при ненависти к самодержавию со стороны большинства крестьянского населения округа и либеральной интеллигенции, мы подошли к историческому 17-му октября 1905 года.

Обыкновенно все сведения опаздывают на окраину, и «царская милость» была получена тоже с опозданием (конечно, была задержана), и только числа 22 октября состоялся первый открытый митинг в народном доме, где был зачитан манифест, а также принято предложение на следующий день устроить всеобщий митинг на площади.

23-го числа собрался большой митинг на площади, где ныне памятник К. Либкнехта и Розы Люксембург, на котором со свойственным ему энтузиазмом выступал Авксентий Гватуа, Гловачук, Павелко и друг. По окончании речей было предложено — почтить память павших борцов за свободу. Все стали на колени и несколько раз пропели: «Вы жертвою пали в борьбе роковой»... Седобородый старик Трувеллер, много перенесший преследований от царского правительства, плакал, как ребенок.

Как на курьез укажу, что кем-то было предложено пригласить на панихиду по павшим борцам священника Ильинского, и предложение это *не встретило ни одного возражения*, но, к счастью, сам «батя» отказался, заявив, что при красных знаменах он этого сделать не может.

Для характеристики психологии перепуганной буржуазии можно указать на случай, имевший место на одном из последующих митингов, где крупный помещик и типичный представитель буржуазии Василий Иванович Сутугин, поднявшись на трибуну и произнеся речь о его любви и преданности идеям рабочего движения, поцеловал революционное знамя, а впоследствии, по наступлении реакции, числился кандидатом в губернаторы.

Митинги, собрания и демонстрации стали обыкновенным явлением. К этому времени уже обозначились две революционные линии: с.-д. и с.-р.; первая из которых пользовалась особенным влиянием и авторитетом среди масс.

Буржуазия и полиция тоже не хотели «отставать от времени» и, в противовес революционным демонстрациям, устраивали черносотенные, одна из которых чуть не кончилась открытым столкновением в конце Московской улицы, где встретились, с одной стороны, революционная демонстрация с красными знаменами с.-д. и с.-р. с пением марсельезы, а с другой — черносотенная, с хоругвями, иконами, портретом Николая и пением «боже, царя храни!».

Так как с обеих сторон была довольно внушительная сила, и демонстранты друг другу не хотели уступить дорогу, то дело чуть не дошло до булыжников, палок и револьверов, пока черная рать не очистила полотна шоссе, расстроив свои ряды, перейдя на канавы и тротуар. Мрак уступил свету, и мы стройно продолжали свой путь.

Из деятелей махровой контр-революции с особой рельефностью вспоминаю: полковника Кушлянского, Герсеванова, Еремеева, Шевазущого (террорист Квашилава в 1907 г. в городском парке произвел в него три выстрела из револьвера, к сожалению, безрезультатно), Разовского, Анисимова (председатель «союза Михаила-архангела», убит в 1908 г. в Сочи на Пластунской улице) и их ближайшего помощника и соратника, ныне благополучно здравствующего в Сочи, «почетного, потомственного» газетчика Прохора Ганькова.

После неудачной попытки организации черной сотни (особенно деморализующе подействовал на полицейско-буржуазную сволочь указанный мною эпизод «встречи»), в ноябре месяце со стороны «попечительного начальства» предпринимаются попытки к созданию партии «правового порядка», сиречь, черная сотня, только под другим названием. Созываются все «порядочные люди» округа, устраивается организационное собрание в городском парке, где выступает лидер и вдохновитель этой идеи, бывший начальник Сочинского участка гр. Жано.

Затея эта с еще большим успехом проваливается нами. С этого момента особенно усиливается авторитет революционного движения. Была организована городская милиция, народный суд и биржа труда; во главе последней стал т. Поярко. Между прочим, был привлечен к суду городской, обвинявшийся в погромной агитации, который был приговорен народным судом, в составе Льва Александрова, Х. А. Мелия и А. Я. Будкина, к высылке в Гурию (самую революционную часть Грузии в 1905 г.).

Во время этого судебного процесса, происходившего в народном доме на Дагомысской улице, начальник округа Розалион-Сошальский угрожал вызвать военные силы из казарм пехотного гарнизона, но угроза не возымела действия, и постановление суда было приведено в исполнение: городской был выслан, но по дороге в Батум убит.

Сейчас перейду хотя бы к простой переключке активных деятелей революционного движения в 1905 г. в Сочинском округе, т. к. дать точную характеристику каждого из них, тем более по прошествии 20 лет, считаю невыполнимой задачей.

Вот революционная галерея деятелей того периода: Авксентий Гватуа, Поярко, Георгий Худишвили, Коняев, Михако Ормоцадзе, Сальников, Сулема, Гречкин, Розен, Трувеллер, Павел Костарев, Фронштейн, Семенов (агент страхового Об-ва), Лев Александров, из села Разбитый Котел, Одинцов, народный учитель из Хосты, Сергеев, Квасовка, учителя: Гловачук и Павелко, фельдшер Болотников и др. Перечислить же других участников борьбы с самодержавием, исполнявших в то время ту или иную полезную роль, я даже не берусь, тем более, что материалы, относящиеся к этому периоду борьбы (за 1905 г.), закопанные мною в селе Пластунке, в лесу, и извлеченные мною после февральского переворота 1917 года, в момент разгрома моей квартиры в Сочи в конце 1918 года, на Приреченской улице, дом № 43, уничтожены добровольческой бандой Деникина. А при восстановлении

на основании только памяти большого числа работников, я полагаю, что можно впасть в ошибку, а потому и ограничиваюсь указанием наиболее заметных работников, которые особенно четко сохранились в памяти.

Из официальных мест, где тогда особенно бурлила революционная жизнь, это народный дом и отчасти городское управление, на одном из заседаний которого, под сильным давлением революционной волны, было даже решено отменить прежние выборы «отцов города» и произвести новые, на основании прямой, общей, равной и тайной подачи голосов, для чего было предложено произвести перепись населения, каковая была поручена особо выделенной комиссии.

Окружное начальство, видя, что революция принимает серьезный характер и что революционная масса, по созданию народного суда, биржи труда и милиции, идет еще дальше по пути практического осуществления революционных завоеваний, стало угрожать военной силой.

Наступил решительный момент, когда от слов надо было переходить к делу. Первый практический вопрос, ставший перед всей революционной массой, был вопрос о создании естественной нашей опоры в лице боевых дружин красной сотни, ибо наличие маленькой кучки милиционеров, вдобавок еще зависимых от цензовой Думы, конечно, не могло гарантировать дальнейшую революционную деятельность от естественных посягательств полиции.

Был выброшен лозунг «смерть или свобода» и приступлено к организации красной сотни, в которую тогда вошли: т.т. Иван Богдатурия, Хурцилава Андрей, Киладзе, Хурцилава Порфирий, Владимир Каландаришвили, братья Минасян, Тарас Кутелия, Юлиан и Андрей Читая, Степан Джанашия, Роман Куция, Андрей Хорава, Тарас Курашвили, Роман Гигашвили, Ломинадзе, Фомченко, Мухран Дзигуа, Илья и Игнат Цхадая, Ракитянский, Чагу Бахия, Букия, Козловский, Константин Бения, Вартанес Кискинян, Гоциридзе, Мартиросян, Вл. Адамия, Ахведиани, Касрашвили, Вл. Норакидзе, Ис. Дадиани, Учадзе, Осидзе и др.

Это время совпало с моментом выгрузки в районе Гагр части доставленных из-за границы контрабандным путем швейцарских винтовок, за получением и для перевозки коих были посланы два товарища, которые глухой ночью доставили транспорт оружия на судне, благополучно минуя пограничников. Оружие это немедленно было роздано нашим красносотенцам.

26-го декабря, по просьбе т. Гватуа и других, прибыл из Гагр также отряд бойцов, около 50 человек, под командой унтер-офицера японской войны Ал. Джаяни. Числа 28 декабря из Хосты выехала к нам подвода с патронами и небольшим количеством ружей, тщательно запакованными, в сопровождении т. Бобрицкого.

По дороге, близ Сочи, несмотря на большие предосторожности, зоркое око «архангела» обнаружило их и дало знать «куда следует». Ментально кавалерийским офицером Поповым, командиром конно-полицей-

ской стражи, была устроена погоня. Подвода на взмыленных лошадях не успела еще въехать на базар (ниже аптеки бывшей Лорткипанидзе), как стражники карьером, с шашками на-голо, догнали ее и потребовали отдачи ружей, что было, конечно, отвергнуто. Тогда стражники открыли огонь. После нескольких залпов они спешились и укрылись в нынешнем городском корпусе, тогда еще недостроенном (не было дверей и окон) и правильными залпами начали обстреливать место, где стояла подвода.

В это время я был на углу Пластунской и Базарной улиц, где увидел выбежавших со двора аптекарского магазина А. Гватуа, с большим ящиком винтовочных патронов, и Фронштейна, с револьвером в руке. Подбежавший т. Гогия передал мне винтовку и патроны. Несмотря на то, что мы в этот момент не ждали и не были достаточно подготовленными к нападению, нападавшие встретили достаточно сильный отпор огнем с нашей стороны; подоспели на подмогу и другие товарищи, и огонь был открыт почти со всех углов. Бой, начавшийся в 3 часа дня 28 декабря, прекратился темной ночью, под покровом которой палачи самодержавия отступили.

Результаты первого боя: с их стороны убит один, ранено двое, убито несколько лошадей и ранен в ногу случайный прохожий Николай Жарковский, который во время боя на Пластунской улице бросился на помощь к упавшему с лошади раненому стражнику; с нашей стороны убито трое: т. Бобрицкий, сопровождавший подводу из Хосты, т. Антия, на углу Базарной улицы и Ремесленного переулка (там до сих пор сохранилась простреленная тумбочка для объявлений, за которой укрывался убитый товарищ) и один рабочий (фамилии не помню), и ранен один, у моста через реку Сочи, второй группой стражников, засевшей на Дагомьской ул. В эту же ночь, по окончании перестрелки, было решено продолжать дальнейшие военные действия, для чего немедленно известить рабочих и крестьян с призывом к борьбе, поручив выезд в округ для организации отрядов т.т. Константину Метакса, Прокофию Джанашия и Иосифу Ахвледяни. Мне были поручены северные села: Мамайка, Дагомьс и Волковка, т. Метакса — Адлерский и Хостинский районы и т. Ахвледяни — Навагинский и Пластунский.

На следующий день к 11 часам утра я уже успел вернуться обратно с отрядом вооруженных крестьян, которые с большим энтузиазмом шли в бой, и одной подводой оружия, взятого мною в этом районе у крестьян и на дачах. При этом я выдавал каждому владельцу оружия расписку в получении его (впоследствии, при наступлении реакции, как я узнал, эти написанные мною карандашом на ладони руки расписки, фигурировали на допросах и следствии, но расшифровать неразборчиво написанную фамилию им не удалось).

Ночь на 28-ое и утро 29-го декабря ушли на подготовительные работы с обеих сторон: баррикадировались улицы, рылись окопы, подтягивались вооруженные силы, которые прибывали с дач (рабочие), с сел и

деревень (крестьяне), расставлялись цепи и т. д. Пошли в ход бревна, бетонные кирпичи, камни, бочки, ящики и мешки, которые наполнялись песком, и вообще все то,—чем революция, по выражению Виктора Гюго, может швырнуть в голову старому порядку.

Почти на всех перекрестках улиц выросли баррикады, но особенно укреплялась Базарная ул., где был наш штаб и столовая (снабжением нашим ведал Максим Хорава), а также дом Бахия на Приреченской улице, где был у нас склад оружия. Главные наши позиции с несколькими рядами окопов были намечены нами на Батарейке (название собственное, оставшееся после русско-турецкой войны)—возвышенной местности против казарм пехотного гарнизона, куда со всеми вооруженными силами—стражниками городскими, приставами и т. д., в первую же ночь боя, захватив всю наличность казначейства, укрылся начальник округа Розалион-Сошальский, соединившись, таким образом, с пехотным гарнизоном города для общей борьбы против нас.

Мы отчетливо наблюдали рытье окопов вокруг казарм, которые занимают доминирующие высоты над городом, откуда и им не плохо было наблюдать за нами.

Обыватели, увидя такую серьезную «работу» с обеих сторон, стали быстро разбегаться, кто куда, бросая все на произвол судьбы. Город почти опустел. Остались одни бойцы.

За время боев не было ни одного случая грабежа в городе, только одно убийство имело место на сельско-хозяйственной и садовой опытной станции, где гражд. Роман Куция убил заведывающего станцией гр. Ляховецкого, не то из-за отказа выдать оружие, не то на личной почве.

По окончании всех подготовительных работ с главной нашей позиции, Батарейки, нами был открыт сильный огонь по казармам и окопам, расположенным возле них. Одновременно со всех наших цепей и постов, расположенных в разных частях города, последовало то же самое, о чем было заранее условлено.

Противник ответил не менее сильным огнем. Началась позиционная война: бой не прекращался ни на одну минуту. Мы научились применять пароль, смену на позициях, хотя не только определенного главкома, но и спецов среди нас не было, если не считать рядовых солдат, прошедших военную службу.

В этот день я с товарищами, в количестве 10—15 человек, в числе коих помню Григория Куценко, К. Бения и Кохия, был на позициях в районе городских боев, а в следующие дни, т. е. 30 и 31-го декабря, в окопах на Батарейке, где со мной были также товарищи—Ракитянский, Гогия, Куриленко, Шартава, Букия, в общем человек около 20, для которых, в виду холода и особой слякоти в ложементах, мною были взяты бурки из магазина Канкава.

В виду концентрации всех правительственных войск в казармах, было решено с наступлением темноты стянуть все наши части, располо-

женные в различных местах города, ближе к казармам, с'узив, таким образом, кольцо, но и эта мера не считалась достаточной. Многие стали настаивать на штурме казарм, но это было пока отвергнуто, во избежание естественных при этом жертв. Тогда товарищами Коняевым и Георгием Хуцишвили было предложено для целей осады использовать старинную чугунную пушку (как утверждали тогда, отливки царя Петра I-го), закопанную в церковном парке близ маяка, с чем все согласились.

Для налаживания нашей «артиллерии» был приглашен артиллерийский офицер в отставке старик Лавров, слесарь Зарецкий и другие. Выкопали из земли пушку, уцелевшую после Кавказской войны, пристроили на лафете, втащили на главную нашу позицию, на Батарейку, и старинными ядрами, выкапываемыми также из земли, уцелевшими от Русско-турецкой войны, и гирями от весов из магазинов, с утра 31-го декабря бомбардировали казармы. Необходимые взрывчатые вещества изготовлялись в аптеке Лорткипанидзе фармацевтами К. Лорткипанидзе и Н. Немсадзе, а также на Ореховой улице в мастерской Дмитрия Аркадьева, где у нас была также ремонтная мастерская для оружия.

Наша «артиллерия» заработала, предрешив исход боя. После первых двух неудачных выстрелов (недолета и перелета) стали гвоздить по стенам казарм, пробив их в нескольких местах (заделанные следы этих пробоин заметны даже в настоящее время).

Все время систематические и стройные залпы со стороны врагов по нашим окопам и лежемятам к утру 1-го января превратились в беспорядочную и бессистемную стрельбу, которая к трем часам дня совершенно прекратилась, и ими был выброшен белый флаг. Мы послали двух парламентариев в лице доктора Гордона и инженера Константинова с предложением выдать все имеющееся оружие и вернуть увезенные казначейские суммы. На наши условия согласились, состоялась полная капитуляция. Таким образом, после трехдневной правильной осады, не считая первый день боя, они сдались на милость победителя.

Отделив и оставив в казармах только обезоруженных солдат, вся остальная часть сдавшихся пленных, количеством более 100 человек, во главе с главкомом их, кавалерийским офицером Поповым, начальником округа Розалион-Сошальским, приставом Залесским и другими была посажена нами в надежном здании (за железными дверьми) гр. Метакса, в конце Пластунской улицы, к морю.

Как выяснилось тогда, как с нашей стороны, так и с их за все время позиционной войны не было ни одного убитого. Были только легко раненые с обеих сторон.

Т. Хуцишвили и другие предложили мне взять на себя охрану пленных с выделением для этой цели около 30 красносотенцев; в числе охраны, помню, был Владимир Зимин.

При подсчете мною всех полицейских чинов не оказалось среди них жандарма Федоренко, скрывшегося с первых дней боя, и начальника уча-

стка Яникова, отставшего от своих по хитрости или трусости и приславшего нам по «джентльменски» свою шпагу в первые дни боя с предложением своих услуг, от которых мы отказались, но зато были «лишние» — черносотенцы из частных граждан, как, например, Шевазутский и другие, которые находились вместе с ними в окопах.

Началось паломничество в лагерь военнопленных (комендатуру) массы товарищей, просящих разрешения посмотреть на «вчерашних богов», поверженных во прах, любопытство коих мною охотно удовлетворялось. Они приходили в восторг, видя все «начальство» без знаков отличия, с сорванными погонами, загрязненными и весьма смиренными, для которых тов. Джанашия уже был начальством.

На второй день по окончании боевых действий, т.е. 2-го января, по случаю победы была назначена военная демонстрация с участием почти исключительно одних бойцов — красносотенцев, которые с пением марсельезы и с погонами, нанизанными на штыки, прошли по главным улицам города, не обращая никакого внимания на уже стоящие к тому моменту на горизонте военные суда, которые прибыли накануне вечером, но еще не решались близко подойти к городу.

По инициативе отдельных товарищей, в этот день были сожжены архивы начальника округа и мирового судьи.

Миноносцы целый день стояли на горизонте и только с наступлением темноты приблизились к рейду и стали освещать город и близлежащие районы прожекторами. На другой день на берег высадился морской офицер, вступивший с нами в переговоры через уполномоченных нами товарищей Александра и Гречкина и просивший отдать ему только военнопленных, на что ему было дано согласие. Вследствие этих переговоров было решено отправить под усиленной охраной всех военнопленных из лагеря на Пластунской улице на Хлудовскую сторону, для посадки на пароход.

Когда красносотенцев шпалерами выстроили на Пластунской улице, стали выводить бледных, дрожащих пленных на улицу, устанавливая по два в ряд. Тут разыгралась трагическая сцена. Почти все пленные подняли рев, стали плакать, как дети. Из-за красносотенских цепей стали к ним бросаться поджидавшие их жены, вторя им. Поднялся солидный «концёрт», который длился 5—10 минут. Животный страх заговорил в них: они боялись расстрела. Даже их главком-офицер Попов^{не} особенно выгодно отличался от остальных и все время со дня пленения умолял меня спасти его жизнь.

Под хныканье мы отправили их к пристани, находящейся на другой стороне города, где и посадили на пароход.

Числа 4-го командир судов предъявил новое ультимативное требование о передаче ему всего наличия казначейства, отобранного нами при пленении, под угрозой бомбардировки города. Этот вызов совпал с получением нами печальных вестей о том, что Московское вооруженное вос-

стание подавлено, и что в России революция сломлена. Многие товарищи считали дальнейшее сопротивление бессмысленным при далеко не равных силах и средствах. Кроме того, стало известно, что город уже был отрезан от шоссе в обе стороны отрядами войск. Пришлось капитулировать.

Так как вся отобранная нами сумма денег, в количестве около 150 тыс. руб., по стратегическим соображениям была отправлена в село Пластунку (10—12 верст от города в горах), то были туда командированы товарищи, которые к вечеру на подводе доставили деньги в Сочи. Вечером же состоялась передача казначейства командиру судов.

По окончании этих «дипломатических переговоров» никакого определенного плана по вопросу о дальнейших действиях у революционной власти не было. Не ставился даже вопрос ни об обороне, ни об отступлении. Все ясно сознавали, что наступила черная полоса, и что над нами навис тяжелый пресс реакции.

Ночью с 4-го на 5-е января стал высаживаться десант Кубанского казачьего войска. Город был объявлен на осадном положении. Еще утром 5-го января я последний раз виделся возле нашего штаба, на Бульварной улице, с тов. Хуцишвили, который попрощавшись со мной, бросил фразу: «Надо превратиться в псевдоним».

Отойдя от него на два квартала, к своему удивлению, я наткнулся на стражника—пленника, раненого в руку во время боя, по фамилии Полищук (список военнопленных мною велся), который вместе со всеми пленными был посажен на пароход, но, повидимому, высажен обратно ночью для сыскных целей, который, заметя меня, громко бросил фразу: «Где Ваши пленные, господин комендант?» Увидя его с перевязанной рукой и, к счастью, без оружия, я моментально запустил руку в карман, якобы за револьвером (в кармане у меня ничего не было), а в этот момент он сделал несколько шагов в сторону от меня и остановился. Пользуясь его замешательством, я поспешил ретироваться и ближайшими переулками и дворами «доскакал» до сенного сарая у речки против дома Быстрова (на Приреченской ул.), где и «квартировал» до наступления темноты.

В этот же день были арестованы два наших товарища: Иван Богатурия и Афанасий Куция, которых в городском парке расстреляли и сбросили на морской пляж.

Таким образом, около трех суток существовала диктатура пролетариата и его временное правительство, закончившее свое существование 4-го января 1906 года.

Начались поголовные аресты, обыски и избиения. Наступила самая темная реакция; пути отступления были отрезаны не только по морю, но и по шоссе, где были расставлены сильные пикеты, не пропускавшие без разрешения коменданта никого. Оставались снеговые горы (дело было в январе), куда как я, так и многие мои товарищи направили свои стопы.

Сначала я, К. Бения и брат мой Степан Джанашия отправились в горы к пастуху С. Сохадзе, где при его поддержке скрывались некоторое

время, а потом, покинув их, я один ушел в Кичмайский район, где около двух недель жил в лесу, питаюсь «подножным кормом»: из под снега доставал каштаны, иногда и кислицу, которыми и питался. Потом скрывался в Туапсинском округе, в Кубанской области и, наконец, в Грузии, вплоть до окончательного составления обвинительного акта по делу о «Сочинской Республике», когда и легализовался по получении сведений о том, что я не включен в обвинительный акт.

В период подполья и полицейского переплета, в 1906 году, благодаря содействию Виктора Кешилава (ныне живущего в городе Потти), Ананова, Апакидзе и брата моего Гавриила Джанашия (приехавшего из Грузии), оказавших мне одновременно и в разных местах Кубано-Черноморья существенную помощь, мне удалось избежать «фараоновых» рук и царского «правосудия».

По делу о вооруженном восстании в Сочи до окончания предварительного следствия было арестовано около 400 человек, которых не могла вместить Сочинская тюрьма, и для «сверхкомплектной» части подсудимых «заботливое начальство» стало приспособлять частные помещения.

Летом 1908 г. в гор. Новороссийске перед военным судом предстало из общего числа арестованных меньше ста человек (остальные были освобождены до суда); часть обвиняемых, т. т. Гречкин, Сальников, Поярко и Роман Куция, были приговорены судом к каторге на разные сроки, часть — на вечное поселение в Сибирь, а остальные к тюремному заключению на разные сроки и только небольшое количество оправдано.

Особенно большой процент сосланных в Сибирь приходилось на село Пластунку, как на наиболее «крамольное» и «инородческое», где в начале проектировали даже поголовное выселение крестьян, но ограничились выселением 40—50 человек из общего числа около 100 дворов, часть которых только после февральского переворота 1917 г. вернулась, а часть погибла в Сибири.

Из активных революционных деятелей многие успели скрыться от «царского правосудия», как, например, т. т. Коняев, Хуцишвили, Гватуа, Сергеев ¹⁾ и другие.

Вспоминая героическую борьбу рабочих и крестьян Черноморья в декабре 1905 г. и впоследствии, в 1917, 1918, 1919 и в 1920 годах, с контрреволюционерами разных мастей и калибров, посылая им привет, не сомневаюсь, что они в будущей великой схватке по зову мирового пролетарского революционного штаба, Коминтерна, выйдут на баррикады с таким же энтузиазмом, героизмом и отвагой, как и в предыдущие революционные годы.

П. Джанашия.

¹⁾ Т. Павел Сергеев бежал 1-го января 1908 г. из Тифлисской губернской тюрьмы, вынесенный на волю в корзине.

„Сочинская Республика“¹⁾.

Сквозь призму деятелей из союза русского народа.

«На съезде уполномоченных отделов союза русского народа представи-тели Кавказа Анисимов и Акулов, докладывая о состоянии Кавказа до и после издания манифеста 17 октября, не коснулись событий, происшедших за время до 1906 г., происшедших в Черноморской губернии вообще и в Сочинском округе в особенности, а потому для большего освещения этих событий я, как переживший ужасы, «освободительного» (разбойничьего) движения в Сочи, считаю не лишним поделиться с почтенными читателями газеты «За царя и родину», описав подробно всю ту мерзость, какую мне пришлось видеть, дав полную характеристику Кавказа в то время. Живя в настоящее время вне Сочи, я без омерзения и одновременно без ужаса не могу вспомнить о действиях этой разбойничьей шайки, назвавшейся «освободителями», и начальства, которому были вверены спокойствие и жизнь русских людей на этой благодатной окраине Русского государства, называемой, по справедливости, «Русской Ривьерой».

В апреле и мае 1905 года в Сочи появились неведомо откуда и никому неизвестные Сальников, Поярков и Плаксин, а за ними Худишвили, Михако и Матенс, которые, сидя то в одном, то в другом духане или кофейне, тихонько начали проповедывать идеи социал-демократов и социал-революционеров, выражая соболезнование о положении рабочего класса и доказывая преимущества республиканского образа правления в государстве перед монархическим-самодержавным, каковой существует в России. В названных кабачках и кофейнях обыкновенно ютились рабочие, которые, слушая их, поддакивали частью, а частью молчали, удивляясь откуда появились такие «благодетели» в многоспасаемый град Сочи.

Через месяц или меньше около этих лиц сгруппировалась уже порядочная кучка из русских, имеретин и армян под руководством владельца аптекарского магазина «Гигиена» Авксентия Гватуа, которая не замедлила окрестить себя «Сочинской рабочей партией», взявшей устроить благосостояние «пролетариата» в Черноморской губернии вообще и в Сочинском округе в особенности. На помощь этой преступной организации не замедлило явиться существовавшее в Сочи сочинское сельско-хозяйственное общество, где дух «освободительный» наблюдался еще раньше. На сцену выдвинулись В. В. Трувеллер, присужденный за продажу секретных бумаг иностранцам к смертной казни, и милостью государя императора

¹⁾ Данная статья, являющаяся перепечаткой из черносотенной газ. „За царя и родину“ (№№ 266 и 284. 1908 г. Одесса); описывает события Сочинского восстания 1905 года в том виде, как воспринимались они во враждебном революции стане, а потому представляет несомненный интерес, давая материал для более полной характеристики боровшихся на Черноморьи сил.

помилованный с заменой каторгой, а затем поселением и полным прощением, Л. А. Александров, бывший в то время председателем Общества, П. Каракаш и как неперменный член жид доктор Гордон, городской староста Бонкер, все члены сельско-хозяйственного общества, жид-выкрест Фронштейн с сыном—недоучкой, кандидат еще тогда в тюрьму Семенов В., Андрей Читая, городской архитектор Будкин и появившийся также неведомо откуда в форме студента жид Сулема. Вся эта милая кампания—в большинстве отребье общества, начала устраивать, с разрешения начальника округа В. Розалион-Сошальского, в Народном доме Сочинского благотворительного общества, спектакли любителей-рабочих, на репетициях которых, кроме изучения ролей, проповедывалось и учение социал-демократов, социал-революционеров и других социал-разбойников.

Лица, не потерявшие благоразумия из жителей Сочи и его округа, видя, что «любители-рабочие» занимаются не сценической деятельностью, обратились к начальнику округа Розалион-Сошальскому с прошением, за подписью 75—100 человек, об удалении из Сочи Сальникова, Пояркова, Авксентия Гватуа, Плаксина, Хуцишвили, как людей, возмущающих темный рабочий люд, но несмотря на подтверждение правдивости всего изложенного в прошении приставом Залевским, по этому прошению ничего не было сделано начальником округа, а, напротив, им всей кампании предоставлено было право вырабатывать в открытом публичном собрании в народном доме, которое сочинское благотворительное общество с председателем В. Константиновым (выборгский крендельщик) предоставило с большой охотой «радетелям» рабочих. На этих преступных собраниях при участии прощенного каторжника В. Трувеллера, Пояркова и Плаксина, была установлена цена рабочим разных наименований и профессий, при восьми-часовом рабочем дне, начиная от 1 р. 20 к. чернорабочему и до 3-х рублей по другим специальностям, каковые цены были опубликованы в печатных экземплярах, с разрешения все того же начальника округа Розалиона-Сошальского, как по гор. Сочи, так и по окрестным деревням. При народном доме, уже совершенно сданном благотворительным обществом в распоряжение «организации» учредилось Бюро Труда, во главе которого стали Сальников, Поярков, Плаксин, которые установили взимание денег с рабочих, на разные нужды «организации». Деньги брались не только с рабочих, вступивших под начало организации, но и с тех, которые находили эту «организацию» преступной, но должны были давать деньги (до 20 проц.) под угрозою забастовок, снятия с работ и лишения жизни.

С этого момента в Сочи началось открытое брожение, при попустительстве администрации и участии членов благотворительного и сельско-хозяйственного общества.

Когда разные социалы устроили сборище на Ново-Базарной площади и жид доктор А. Л. Гордон с «трибуны» начал предавать анафеме всех несочувствующих лиц, в том числе великих князей, министра Дурново, и

администрацию, то в конце его «анафимы» Сальников, как петух, вскочив на возвышенность, крикнул собравшимся слушателям, что предается «анафеме» и митрополит Антоний.

Эта выходка переполнила терпение русских людей, не забывших ни церкви, ни царской фамилии, и многие ушли от этого сборища, собравшись в другом конце улицы, в помещении гребной флотилии; здесь вновь начались толки о манифестации с портретом государя императора, с национальными флагами. Некто Авдеев обратился к управляющему Мурavyева А. И. Розовскому дать имеющиеся у него национальные флаги, а П. Ганьков принес картину, изображающую семью государя императора, достали тут же икону, и сравнительно небольшая кучка людей во главе с Авдеевым, Ганьковым, Круподеровым и еще другим приказчиком из магазина местного купца Р. З. Савенко двинулась под страхом быть расстрелянной революционерами и в особенности туземцами, с робким пением «спаси господи, люди твоя» и «боже, царя храни!», по направлению к квартире сочинского начальника округа, где в то время были собраны для охраны канцелярии чины конно-полицейской стражи. Когда манифестанты прошли церковь, то навстречу им выносили флаги, а из квартиры Н. Залесского, кроме того, был вынесен и большой портрет государя императора. Все это ободряло лиц, участвовавших в шествии, и пение гимна и тропаря из робкого в начале становилось громче и увереннее.

Когда манифестанты подошли к квартире начальника округа, то их было уже более сотни человек.

На манифестацию тотчас же обратили внимание революционеры и, чтобы воспрепятствовать дальнейшему приливу к ней народа, они со сборища на старом базаре с красными флагами, с разными непозволительными надписями, также пошли по направлению к квартире начальника округа, по дороге, параллельно манифестации. Обогнав манифестацию, революционеры при толпе зевак до 1000 человек повертели по дороге навстречу к манифестантам.

Встреча произошла как раз у квартиры начальника округа. Момент был роковой. . .

Люди, находившиеся при портрете государя, приготовились к нападению со стороны революционеров и были готовы умереть, но отстоять портрет государя императора и не опустить национального русского флага.

Нужно было видеть эту озверелую толпу имеретин, мингрельцев, армян и жидов с русскими изменниками, предводительствуемую В. Трувеллером, Гватуа, Гловачуком, Сальниковым, Хуцишвили, Каракашем и Михако, чтобы иметь понятие, насколько были храбры и самоотвержены русские, преданные царю и отечеству.

Град насмешек посыпался на этих достойных похвалы людей, при чем не обошлось без оскорбления государя со стороны предводителей. Чтобы сдержать справедливое негодование манифестантов, начальник округа начал спрашивать их войти во двор и переждать, пока толпа бесную-

щихся социалов пройдет мимо, и уже потом итти по городу с флагами и портретами. Манifestанты на это заявили, что они ни в коем случае не подадут повода к нападению и, с своей стороны, не будут нападать на беснующихся, но заходить во двор считают унижением для себя, а потому, оставаясь на тротуаре, пропустят революционеров мимо себя.

Когда шайка социалов прошла мимо, то манифестанты, увеличившиеся количеством из оставших революционеров... «боже, царя храни» и «спаси, господи, люди твоя» все время ¹⁾ до самой церкви держивала импровизированным хором. Социалы же, неистовствуя побрели вновь на базарную площадь с оранием марсельезы.

Когда манифестанты подошли к церкви, то ни священник, никто другой из церковного причта не нашли нужным выйти к ним, и тому же Авдееву пришлось итти в апартаменты сочинского священника с просьбой отслужить молебен. В это время с церковной колокольни раздался трезвон, и многие, еще боявшиеся и колеблющиеся до того, хлынули к церковной площади, оставляя революционные трибуны и самих революционеров.

«Товарищи», — кричит Сальников убегающим — «воротитесь, там ведь провокаторы-монархисты, Вам не место среди черносотенцев!» Но «товарищи» не слушают ни увещаний, ни угроз и торопятся на церковную площадь молиться о здравии государя императора и всего царствующего дома.

Молебен состоялся при нескольких тысячах народа, певшего почти все молитвы, под управлением все той же достойной уважения и похвалы В. После окончания молебна все молящиеся под трезвон колоколов, с пением «боже, царя храни», при сотне национальных флагов, отправились к жившему в то время в Сочи местному дачевладельцу Н. Гарсеванову, где и порешили, в противовес революционному «бюро труда», образовать союз мирных тружеников, в котором могли бы найти себе рекомендацию и предложение труда все лица, не сочувствующие революционным наускиваниям и произволу «организации», приютившейся в стенах народного дома сочинского благотворительного общества.

Когда социал-разбойники увидели движущуюся через базарную площадь тысячную толпу с портретом государя императора и национальными флагами, поющую «боже, царя храни!», то, забравши на плечи свои красные тряпки, пустились на утек и спрятались в народном доме. Осталась их ничтожная кучка, и если бы местная администрация пожелала, воспользовавшись моментом, арестовать главарей, то история сочинской революции на этом бы и кончилась.

Но, как видно, не то было в голове администрации в Сочи; благодаря возмутительной бездеятельности начальства, пришлось пережить много нехорошего.

М. Телятников.

¹⁾ Пропущена строка в подлиннике. *Прим. Ред.*

არსენ ჯორჯიანი
(1882—1906)

Арсен Джорджиашвили.

(К стр. 42).

Портреты десяти рабочих, убитых в Нахаловце
и ночь на 18-ое декабря 1905 г.

1. В. Тварадзе, 2. Г. Элиаше, 3. М. Калдэг, 4. И. Дзашг.
5. Т. Лазарашвили, 6. Г. Двали, 7. П. Цинцадзе, 8. В. Хуцираули, 9. И. Нинидае (И. Челидае).

Мои первые шаги подпольной революционной работы в Батуме в 1901—1902 г.г.

По профессии я наборщик и работал в различных типографиях гор. Батума.

В 1900—1901 г.г. в Батуме только намечались зачатки революционного движения. Среди всех типографских рабочих Батума революционно настроенных было 3—4 человека: Максим Цуладзе, Сильвестр Тодрия, Илеко Сихарулидзе и я.

Наиболее подготовленным из нас был Максим Цуладзе и он же связывал нас с легальными марксистами того времени—с Карлом Чхеидзе и Исидором Рамишвили (они в то время учительствовали в груз. школе). Вся «революционная» работа их состояла в том, что время от времени они передавали нам через М. Цуладзе немного нелегальной литературы, но передача эта была порой так фантастически обставлена, что мало способствовала революционному развитию.

Помню, однажды М. Цуладзе спрашивает меня—знаю ли я, что печатаются запрещенные книги, которые распространяются среди народа. «Знать то знаю,—отвечаю я,—но не видал и не читал их».—Не хочешь ли получить?— «Конечно, хочу».—Ну, ладно,—говорит,—такая книга и в твоей комнате появится. Есть люди и средства, при помощи которых такая книга и в закрытой комнате появляется. Когда она появится у тебя—никому не говори, читай с осторожностью, никому не показывай, а по прочтении положи под подушку, и она исчезнет таким же путем, каким она появилась у тебя.—

На самом деле так и случилось несколько раз, но самый факт «чуждого» появления книги произвел на меня более сильное впечатление, нежели ее содержание. Впоследствии я, конечно, убедился, что ничего удивительного в этом не было, т. к. тов. Максим жил со мной в одной комнате....

В первой половине 1901 года приехал из Тифлиса Власа Мгеладзе и привез порядочную связку первых номеров нелегальной «Борьбы». Тюк он притащил к нам—ко мне и Силие—и бросил со следующими словами: «Вот вам, с. с., читайте и сделайте социалистами. Узнайте, как борются тифлисские товарищи и следуйте их примеру».

Номера «Борьбы» мы прочли с большим увлечением, дали прочитать и другим, но наша революционная «работа» в то время дальше этого не пошла.

Власа Мгеладзе на некоторое время остался в Батуме. В одно воскресенье целая группа типографских рабочих отправилась вместе обедать и пригласила с собой и Власа Мгеладзе. Как и следовало ожидать,

пили вино. Первую же опорожненную бутылку Власа попросил подарить ему. Тамадой был Илико Сихарулидзе и он от имени всей компании преподнес Власа просимое.

Получив бутылку, Влас объявил «торги» на нее. Бутылка была оценена в 50 к., а продана за 9 р. 75 к., и после «торгов» она осталась за Илико Сихарулидзе. Таким образом, по инициативе Власа был создан фонд для будущей революционной борьбы и было заложено основание первой нелегальной профессиональной организации. Тут же, по его настоянию, был избран казначеем старый наборщик Бегляр (фамилии его не помню), которому и были переданы 9 р. 75 к.

В то время в Батуме, под редакцией известного черносотенца Пальмова, издавалась реакционная газета «Черноморский вестник». Газета печаталась в типографии Гурского на Михайловской улице. В этой же типографии работали я и С. Тодрия. Не помню наверное, что послужило причиной забастовки, но, насколько помнится, наборщики требовали прибавки рабочих и, получив отказ от управл. Аршака (фамилии не припомню) бросили работу. Хотя я и Силия не имели отношения к газете, но и мы примкнули к забастовавшим. Начало было совершенно незначительное, но дальше нами был предъявлен целый ряд экономических требований. Бастовали целую неделю, пока не привезли из Тифлиса штрейкбрехеров, в результате некоторые из нас потеряли работу, а я и С. полдня просидели еще в участке. Таково было мое первое «крещение» в экономической борьбе.

В 1901 г. из Тифлиса приехал т. Сосо (Джугашвили-Сталин). По его предложению, была устроена встреча нового (1902) года в Барцхане. На встрече собралось человек пятнадцать, в том числе тов. Сосо, Тодрия и я. Тут и зародилась Батумская группа Соц.-Д.Р. партии, но из всех выбранных тогда в группу я припоминаю только одного тов. Сосо.

Мне и С. Тодрия было поручено выносить из типографии и накапливать шрифт для будущей нелегальной типографии, к чему мы приступили немедленно и, с помощью т. Чичико Каландадзе, быстро набрали достаточное количество шрифта. Вместе с этим мы были озабочены подысканием других необходимых материалов и помещения для нелегальной типографии, но на этот раз осуществить план не удалось, т. к. к этому времени было арестовано тридцать передовых товарищей, и в ответ на это забастовали почти все фабрики и заводы Батума.

Бастующие выставили одно единственное требование—освобождение арестованных.

Тысячи рабочих стройными рядами с пением направились с разных концов города по главным улицам и подошли к губерн. тюрьме с требованием или освободить арестованных, или арестовать всех собравшихся тут. Администрация приняла все устрашающие меры—выставила перед тюрьмой войско, грозила расстрелом. Видя, что угрозы не действуют, стала усовещивать демонстрантов, но и на этот раз в ответ получила то же

требование. После долгого колебания и раздумья объявили рабочим, что освободить никого не могут, но, т. к. рабочие сами этого требуют,—заарестуют всех.

Тюрьма, конечно, не могла вместить такое количество народа и потому администрация предложила рабочим самим отправиться в пересыльные казармы (за вокзалом имелось много казарм для новобранцев) и там заарестоваться. Рабочие согласились на это при том условии, если с ними отправят также и 30 арестованных товарищей. Администрация сначала отказала, но потом была вынуждена выполнить выставленное требование, и демонстранты выстроившись все вместе, снова прошли с пением по городу и направились к казармам, с той разницей, что на этот раз шли под охраной солдат. Таким образом было арестовано несколько тысяч человек.

Это случилось 7 марта 1902 года. В тот же день вечером тов. Сосо предложил мне и Тодрия напечатать воззвание-прокламацию, хотя, кроме шрифта, у нас ничего не было заготовлено. Вместо кассы, мы разложили шрифт на листе картона, разобрали буквы, набрали прокламацию, а роль печатного пресса выполняла простая щетка. Так была отпечатана первая нелегальная прокламация, которая в ту же ночь, частью на следующее утро была пущена в народ. В чьем доме или помещении мы печатали это воззвание не помню, но знаю, что дом помещался недалеко от казарм, за полотном жел. дороги.

Следствием распространения прокламации было то, что к протесту примкнули и остальные заводы Батума, и рабочие, по примеру товарищей, направились также к казармам, чтоб выразить свою солидарность и разделить участь арестованных.

Защитники самодержавия приготовились к встрече и выставили около казарм войско. Как только рабочие подошли к казармам, командующий—палач Антадзе, приказал стрелять. Солдаты дали залп без предупреждения—и более десяти рабочих пали жертвой в этой неравной борьбе.

Это была первая жертва батумских рабочих, пролитая кровь которых вела к пожару Октябрьской революции.

В этой неравной схватке батумские рабочие оказались физически побежденными, но они отступили лишь с тем, чтоб подготовиться, укрепить революционную работу и лучше вооружиться для будущей борьбы.

После этого стало ясно, что необходимо систематически выпускать прокламации, но, с другой стороны, ясно было и то, что надо было перейти от простого, кустарного способа печатания к более усовершенствованному. Поэтому было решено устроить нелегальную типографию.

По Ардаганской дороге жил старик Гасан (фамилии его, к сожалению, не помню), который согласился построить у себя во дворе специальный домик и там заниматься таким делом, которое «будет направлено против приставов, околодочников и городских», которых от души ненавидел старик. Во дворе Гасана при его помощи мы построили домик в две ком-

наты. Пока строился домик, в разных типографиях Батума был собран станок. Шрифт, кассы для шрифта и все необходимое для типографии было перевезено в домик стариком, на своей арбе. Когда все свезли туда ночью, чтоб не обратить на себя внимания, отправились туда я и тов. Тодрия, устроили и привели в порядок нелегальную типографию, которая вполне могла удовлетворить нужды Батума.

Семья старика Гасана состояла из жены, дочери, маленького сына и зятя. Все, без исключения, перечисленные лица, несмотря на то, что в политике совершенно не разбирались, с большой симпатией относились к нам и помогали по мере сил и возможности.

В типографии никто из нас не жил. Ночью отправлялись туда, набирали, печатали и ночью же возвращались обратно в город с готовыми прокламациями. Часто приходили к нам и помогали тов. Сосо (Джугашвили-Сталин), Котия Канделаки (впоследствии Член Государств. Думы), Миша Давидов и Датико Гамбашидзе.

Я и тов. Тодрия работали в легальной типографии Папамоскича. Если бывало мы чувствовали себя усталыми или лень было итти ночью в Аджару, то ухитрялись печатать прокламации тут же в типографии. Сделать это было немудрено, но нам мешал машинист Оганез, от которого хозяин типографии требовал представлять ему первый оттиск каждого набора и только после пред'явления приступать к печатанию. Набрать прокламацию было дело пустяковое, так как в типографии, кроме нас троих, никого не было, а Оганез не умел читать, а потому и контролировать нас не мог, но как только приступали к печатанию он в точности выполнял приказ хозяина. Поэтому и мы старались, когда необходимо было, усылать его из типографии на 15—20 минут. И с этим затруднением впоследствии легко справились. Для этого я и Тодрия часто спорили на-пари и кто проигрывал, должен был купить фунт какихнибудь-фрукт. Оганез очень благосклонно относился к пари, т. к. знал, что кто-либо из нас обязательно проиграет, и он в обоих случаях получит угощение. Когда прокламация бывала набрана—и машина свободна, приглашали тов. Илико Сихарулидзе, ставили его в дверях сторожить, чтобы неожиданно не объявился хозяин или полиция, после чего обязательно кто-либо из нас проигрывал пари, и Оганез весело бежал за фруктами. За фруктами он неизменно отправлялся далеко, на Татарский базар, где, по его мнению, фрукты были дешевле. Пока Оганез ходил на базар и обратно, мы успевали отпечатать 400—500 шт. прокламаций и таким образом избавляли себя от хождения в Аджару.

Домик наш был не совсем готов—оставалась недоделанной плотничья работа, на что требовалось еще по крайней мере недели две. Но выполнить это было невозможно, пока типография помещалась тут.

За содействием пришлось обратиться все к тому же Гасану, который без затруднения разрешил нам задачу. Оказалось, что Гасан был полевым сторожем, и летом, когда жители уходили в горы со скотом, об-

щее наблюдение за избами и полями поручали Гасану. На время плотничьих работ он нам предложил перенести наши «машины» в одну из свободных изб. Мы, конечно, согласились, и он со своим зятем перенесли типографию в одну из отдаленных изб.

На достройку нашего домика понадобилось около месяца, а в это время мы работали в избушке, но, т. к. изба стояла в кукурузном поле, и без помощи Гасана мы не могли ее отыскать, то нам приходилось из Батума заходить за ним и с ним вместе отправляться дальше. Путешествие это было очень утомительно и для нас и для старика. Однажды мы с С. решили обойтись без Гасана и идти напрямик полем. Нам это представилось очень легко осуществимым, но на деле оказалось совершенно иначе. Направились кукурузным полем, шли очень долго в том направлении, в каком, по нашему мнению, должна была находиться избушка, но не сумели отыскать ни избушки, ни шоссеиной дороги. За это время и луна зашла, и мы очутились в безрадостном положении. Усталые до-нельзя, полакомились чужими огурцами и тут же заснули. На рассвете кое-как добрались и принялись за работу. Вокруг избушки много было великолепной тыквы, кукурузы, и мы решили испечь и то и другое. Развели огонь в каком то невероятном сооружении вроде камина. Увлеченные кукурузой и тыквой, мы и не заметили, что в нечищенной трубе появился огонь и такой дым повалил, что его заметили из соседней деревни. Наконец, и мы заметили и принялись тушить. Изба была до того низка, что на крышу нечего было лезть. Стали засыпать дымоход чем попало: землей, свежими тыквенными листьями, но потушить огонь все же не могли. Тогда я схватил пустой кувшин и побежал наобум за водой. Нашел я воду очень быстро—и кое-как потушили пожар. Надо заметить, что перед пожаром мы все обшарили вокруг и не могли найти воды для питья, а тут я инстинктивно отыскал ее без всякого труда. Тов. С. стал издеваться надо мной и говорил, что если бы он знал, что я так быстро отыщу источник, то обязательно поджег бы избушку раньше, чтоб утолить жажду. Так закончилось наше путешествие без Гасана.

Однажды, это было в субботу, тов. Ладо Кецховели передал мне и С. Тодрия рукопись прокламации, которую мы должны были сдать ему в готовом виде обязательно в воскресенье вечером. На следующий день он сам должен был встретиться с нами на дороге в Барцхана и забрать готовые прокламации.

Работать по поручению тов. Ладо было для нас и обязательно и приятно. Поэтому в тот же вечер отправились в Аджару для выполнения. Прокламация касалась новопризывников и была написана на груз. языке. Когда набор был уже готов и собирались приступить к печатанию, т. Силия говорит мне:

«Послушай-ка, ведь прокламация обращается к новобранцам, а среди новобранцев не только грузины, поэтому надо что-либо включить и на русском языке, чтоб понятно было и другим».

Это предложение показалось мне умным, и я тотчас же согласился с ним и обрадованные такой «находчивостью» мы тотчас же приступили к составлению текста. Текст скоро был готов, он заключался в четырех коротких строках, набранных в виде стихов; в них говорилось:

«Товарищи-солдаты,
Не стреляйте в народ.
Долой самодержавие!
Да здравствует Демократич. республика!»

Эти четыре строчки мы вставили в середине грузинск. текста и отпечатали.

В воскресенье вечером тов. Кецховели встретил нас на дороге недалеко от Соуксу и спросил: готово-ли. Мы, конечно, с гордостью ответили, что все готово, и в ответ на это он нас обоих обнял и расцеловал.

Радость никогда не бывает длительна, но особенно быстро прошла она для нас в тот вечер. Как только дошли до первого уличного фонаря, т. Ладо развернул сверток, но едва взглянул на нашу работу, принялся хохотать, потом повернулся к нам со словами: «ну и комики же вы, с.с., для чего вы испортили прокламацию и вставили русские стишки?» Мы попробовали доказывать, что так и нужно было сделать, т. к. среди солдат русских больше, нежели грузин и т.д., но он продолжал хохотать и со смехом же отправил нас обратно, чтобы сызнова отпечатать прокламацию без русского добавления. Стало ясно, что наше «изобретение» было не умно, и нам ничего не оставалось делать, как отправляться обратно и напечатать снова.

В понедельник утром сдали готовые прокламации, но мы то сами были порядком измучены, поработавши две ночи подряд без сна и прогулявшись вместо одного, два раза.

Раз я и С. решили укоротить дорогу в типографию и после Соуксу отправились прямо через крепость. Мы решили, что ночью стража нас не заметит. Шли с осторожностью, но нас все-таки заметили, и когда на окрик не откликнулись, стали стрелять; перепуганные, оставив дорогу, кинулись в сторону. Дорога наша стала много длиннее—и пришли к месту оборванные и утомленные.

В 1902 г. т. Силия был отправлен в Баку для работы в типографии Ц.К.-та РСДРП, и я один остался работать над печатанием нелегальной литературы. Ходить и работать одному в Аджару не было никакой возможности и поэтому перенесли нашу типографию в Барцхану в дом Ивана Мгеладзе. В работе мне помогал сам тов. Мгеладзе, а временами и т. Максим Цуладзе. Тут не пришлось нам работать долго—принуждены были отыскать новое помещение, каковое мы нашли за вокзалом, рядом с IV полиц. участком. Чей это был дом и чья квартира, не помню, но приставом этого участка был известный своим зверством Чхиквадзе. Несмотря на это, в этом помещении я и Ной Хомерики («Хунхуз») работали непрерывно пол-

Трупы девяти рабочих, убитых в Нахаловке в ночь на 18-е декабря 1905 г. (К стр. 42).

тора месяца и за это время выпустили 18 листовок большого формата с программным содержанием.

В начале 1903 года я получил через т. Евгению Согорашвили предложение от партии изучить армянский язык. При помощи той же Согорашвили нашли учителя, и я стал заниматься. Для чего я это должен был сделать, никто ничего не сказал, но догадаться было нетрудно, т. к. в то время невозможно было отыскать армянина-наборщика.

Очень охотно я взялся за армянский язык и в один месяц так наловчился, что свободно набирал армянскую нелегальную газету «Банвор Крив» (Борьба) и др. нелегальные издания.

Но надо добавить, что плохо написанную рукопись я набирал с трудом, делал много ошибок, а исправлять было очень трудно. Поэтому приходилось переписывать рукопись печатными буквами. Писать печатными буквами было поручено тов. Серго Ханояну.

Когда я достаточно изучил армянский язык, был переведен в Баку в ту же типографию ЦК РСДРП, и этим окончилась моя революционная работа в Батуме.

Ладо Думбадзе.

Гурийское крестьянство в революционные 1901—1905 годы.

Ни в одной части бывшей Российской империи революционное движение не захватывало так глубоко и сильно крестьянские массы, как это имело место в Грузии и, в частности, в Гурии.

Подробное изложение революционного движения в Гурии является в высшей степени интересной темой, и будущий историк много глав посветит ему. Мы же в данной статье ограничимся лишь основными периодами этого движения, его более или менее важными моментами.

*
*
*

Прежде всего необходимо несколько остановиться на экономическом положении гурийского крестьянства в 1901—1905 г.г.

Довольно значительная часть территории Гурии представляет гористую местность, мало или вовсе непригодную для занятия земледелием. Большая часть земель являлась собственностью помещиков—князей, дворян и пр. На крестьянскую же семью, в среднем, приходилось не более 2—3 кцеви¹⁾. Разумеется, такое количество земли не могло удовлетворить нужды крестьянина, тем более, что за неимением у него достаточного количества скота, земля не удобрялась, и вообще культура сельского хозяйства сильно хромала.

Чтобы как-нибудь свести концы с концами и прокормить себя и свою семью, малоземельное гурийское крестьянство должно было или ис-

¹⁾. Кцеви—

кать побочный заработок на стороне, или итти в батраки к помещикам, или же работать на заарендованных за неизмеримо высокую плату землях князей и дворян.

Крестьяне использовали все три возможности. Они устремлялись на отхожий промысел в различные города Грузии, но главным образом в Батум, Поти, Чиатуры, Тквибули, и т. д.

Они батрачили у помещиков, арендовывали у них земли, но все это не только не спасало их, но даже существенно не облегчало их тяжелого материального положения.

Особенно сильно эксплуатировались крестьяне, арендовавшие земли у помещиков. При этом обычно им приходилось иметь дело с управляющими имениями (моурави), которые драли с них взятки за предоставление хороших участков земли, а, принимая от арендаторов долю урожая (обычно $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$ всего урожая), употребляли мерку гораздо большую, чем полагалось. Излишек же, конечно, шел в их пользу и, таким образом, сплошь и рядом крестьянин отдавал не четвертую или пятую урожая, а половину и даже больше. Моурави были для крестьян настоящим бедствием и серьезной причиной озлобления их против помещиков.

В памяти живо и ярко всплывает картина прошлого, точно это было не четверть века тому назад, а вчера.

Отец мой, один из беднейших крестьян, крайне нуждался в пахотной земле. Однажды он набил свой большой «хурджин» пирогами-хачапури, гогочущими гусями и индейками (кажется, последними, имевшимися в доме, и, захватив меня с собою, отправился к князю Гуриели, который жил в Супсах.

— «Батоно», ¹⁾ — обратился отец к старику, подобно римскому папе восседавшему в своем кресле и перебирившему четки:—«я хочу просить вас дать мне в аренду несколько кцев пахотной земли, но только за небольшую плату»...

— Это твой сын?—прошамкал Гуриели, как будто не слыхавший о чем его просили, но потом рассеянно добавил:—Ты говоришь, землю? Хорошо, я скажу своему моурави...

Но моурави прекрасно знал свое дело: предложил отцу почти непригодную для обработки землю, а за более сносную потребовал и добился крупной для себя взятки...

В 1901—1902 г.г. Гурию постиг неурожай. Вместо обычных 80—100 пудов, десятина земли давала 20—30 пуд. кукурузы. Однако, это положение вовсе не трогало помещиков, которые требовали, во что бы то ни стало, уплаты «положенного». Если к этому прибавить все увеличивающиеся правительственные налоги, в особенности акцизные, различные подати в пользу местной власти и священников и отбирание скудного имущества для удовлетворения помещиков и царского правительства—то не-

¹⁾ Батоно—господин.

трудно себе представить, каково было тогдашнее экономическое положение и психологическое настроение крестьянских масс.

Гурийское крестьянство, во всех отношениях зажатое в тиски и лишённое возможности удовлетворить свои самые необходимые жизненные потребности, еще упорнее стало искать выхода из создавшегося положения.

Гурийское крестьянство зашевелилось и зашевелилось серьезно и надолго...

* * *

Мы уже отмечали, что малоземелье и вообще тяжелое экономическое положение заставили крестьян искать заработок на стороне. Такой стороной в первую очередь являлся Батум, где на известных заводах Манташева, Ротшильда и Нобеля было занято до 10.000 рабочих, преимущественно из Гурии и прилегающих к ней окрестностей.

И вот события, происшедшие в Батуме к концу февраля 1902 г., оказали большое влияние на революционное движение в Гурии.

Дело началось с того, что вспыхнула на Батумских заводах забастовка. Причиной забастовки послужило увольнение около 400 рабочих — как «неблагонадежных элементов».

Требования бастовавших рабочих не были удовлетворены. В дело вмешалась полиция, в одну ночь арестовавшая 60 забастовщиков.

8-го марта рабочие решили напасть на тюрьму и освободить арестованных товарищей, но попытка не удалась. Повторили ее и на второй день, в результате чего последовало крупное столкновение между рабочими и войсками, при чем было убито 13 рабочих и много ранено. Многие рабочих арестовали и предали суду.

Однако, правительство этим не ограничилось и в течение целого месяца непрерывно арестовывало рабочих и этапным порядком высылало в Гурию, по месту жительства.

Эти-то события и послужили сильным толчком для усиления революционного движения в Гурии.

Через высланных рабочих крестьяне познакомились с социалистическими идеями. Они с большой жадностью слушали рабочих, рассказывавших о новых справедливых началах жизни, и с огромным интересом читали и распространяли доставляемые из Батума прокламации и другую нелегальную литературу. Чисто экономическая борьба крестьян с помещиками теперь стала принимать политическую окраску.

Первоначально крестьянским движением организовано никто не руководил, но вскоре руководство это принял на себя Батумский Комитет соц.-демокр. партии, а затем уже, в начале 1903 г., был выделен специальный Гурийский Комитет.

«Ахалтаоба» (освободительное движение) с невероятной быстротой и силой захватило деревню за деревней, село за селом, и в какие-нибудь 2—3 года в Гурии почти не было такого места, крестьяне которого и во

сне и на яву не грезили бы об «ахалтаоба», не готовились бы к борьбе за новый мир и не были бы готовы умереть за него.

* *

На первых порах крестьянское недовольство, его волнения мало кого беспокоили. Из стана черной сотни—помещиков, священников, кулаков и вообще приверженцев старого строя—раздавались насмешки, скептические замечания о несерьезности этого движения. Даже многие из друзей народа думали, что у крестьянства не на долго хватит пыла, что оно не сумеет выйти из оболочки «мелкого собственника» и стать на передовые позиции революционной борьбы, и т. д.

Что и те и другие ошибались—сейчас не приходится доказывать, ибо это значило бы ломиться в открытую дверь. Скажем только, что когда враги трудового народа увидали, что крестьянство совсем не намерено шутить, они изменили фронт и запели совсем на иной лад.

На глазах, открыто, помещики и священники ни в чем не только не перечили, но даже шли на уступки. В то же время тайно обо всем доносили властям, прося о помощи и спасении.

Вести о волнениях в Гурии были не новы, но чем дальше, тем сильнее они стали обращать на себя внимание. И вот «для выяснения положения дела» в Гурию выезжает сам кутаисский губернатор Смагин.

Он повсеместно созывает сходы крестьян, домогается узнать, чего они хотят, но как только ему выкладывают сущую правду—он топчет ногами, кричит, записывает фамилии крестьян и грозит всех загнать туда, где Макар телят не гонял.

Однако, угрозы не особенно то действовали на крестьян, и когда в одном из селений (Чочхати) за будто бы оскорбительные слова Смагин приказал арестовать одного из крестьян, то очень скоро вынужден был уступить грозному требованию народа и освободить арестованного.

Почти на всех сходах крестьяне выставляли ряд требований как экономического, так и политического характера.

Губернатор воочию убедился, что положение серьезно, но ни одного шага не сделал для удовлетворения требований крестьян. Весьма недовольный своим путешествием, он укатил обратно, прося у Голицына совета: «Как поступить с восставшей Гурией?»

От самообороны, от партизанских налетов крестьянство, наконец, перешло к правильной атаке.

Помещикам, священникам, полицейской власти и всем, кто становился поперек дороги, был объявлен бойкот.

С ними была порвана всякая связь, в особенности с помещиками, земли которых крестьяне решили не обрабатывать.

Народ ни под каким видом не обращался к царскому суду и даже к старшинам, которые, кстати сказать, не выбирались, а назначались правительством, и содержание которых ложилось тяжелым камнем на крестьянские шеи.

Для разбора как мелких, так и крупных жалоб в Гурии повсеместно были организованы комиссии (комитеты) из честнейших, уважаемых и авторитетных сельчан.

Решения и постановления этих комиссий выполнялись так быстро и строго, что этому могла бы позавидовать любая «твердая» власть.

В зависимости от того или иного проступка определялось и наказание, но большею частью провинившемуся объявляли строгое порицание, предупреждение, привлекали на общественную работу (проводка дорог, постройка моста, работа в пользу сирот, арестованных или преследуемых правительством товарищей и пр.) и, наконец, объявлялся бойкот, или виновный изгонялся из общества на время или навсегда.

Общеизвестный факт, что в этот период, т.-е. в 1902—1905 г.г., почти не наблюдалось преступлений. А если кто и отважился на это, то общество не успокаивалось до тех пор, пока не обнаруживало виновного.

В памяти невольно всплывает такой случай. В одном из селений (Силаури) кто-то обокрал кооператив, сеть которых была покрыта вся Гурия. Долго билась избранная народом комиссия, но все старания остались тщетны. Тогда созывается собрание не только всех жителей названного селения, но и прилегающих к нему других селений. На собрание были приглашены все, за исключением детей и стариков

Огромная, несколькотысячная толпа колыхалась и волновалась до тех пор, пока вдруг из толпы не выделился человек и, став перед народом на колени, закричал громко, во всеуслышание:

— Дзэмебо! Ес ме чавидине... мапатьет! ¹⁾

От зоркого глаза комиссий—избранников крестьян—не могло укрыться ни одно черное пятно, ни один мельчайший проступок, и потому комиссии эти пользовались огромным авторитетом и уважением.

Таким образом, вся внутренняя жизнь Гурии протекала совершенно самостоятельно, ни в какой связи не находясь с правительственным аппаратом. Не даром Гурию 1904-1905 г. правительство называло „самостоятельной республикой“.

Вскоре после посещения Гурии губернатором Смагиным, в Озургеты была прислана (в 1903 г.) сотня казаков, с которыми приехал вице-губернатор Калачов, жандармский полковник и тов. прокурора.

В Гурии началась вакханалия «усмирения». Казаки и солдаты арестовывали всех, на кого указывал палец шпиона. Арестованных избивали безжалостно, топтали копытами лошадей. Верные царские слуги вторгались в бедные жилища гурийцев и тащили оттуда последнее их достояние. Тюрьма уездного города переполнилась арестованными, и последних направляли в Батум, подвергая истязаниям в дороге.

В восставшие районы были назначены для экзекуции по 50-60 чел. в каждое село. Прибегали ко всем мерам, чтобы воздействовать на кре-

¹⁾ „Братцы! Это сделал я . . . прости!“..

стьян и заставить их выдать главарей. Так, например, Смагин приказывал арестовывать крестьян маленькими группами по 3-5 человек, держать их по несколько дней в сельских канцеляриях, рассчитывая найти среди них малодушных, чтобы выпытать революционные тайны. Старшины и шпики сновали по деревням, обещая золотые горы тому, кто назовет главарей революционного движения, но увы—гурийские крестьяне были непсдукпны, угрозы и мучения не сломили их твердый дух...

Напуганные помещики и «честные» служители церкви ожили, подняли голову и каждый из них старался внести свою лепту в удушение народа.

Отыскались и такие ловкачи из обанкротившихся дворян, которые нарочно поджигали свои курятники, пред'являя затем иск крестьянству. Некий помещик Потклезин заявляет губернатору, что его ограбили на 5.000 рублей. Ему верят—и деньги взыскивают с населения.

Словом, царское правительство, помещики и священники еще лишний раз доказали, что до тех пор, покуда они существуют, покуда иго их не будет сброшено,—трудовому народу не вздохнуть свободно, не видеть свободы и воли, мирной жизни.

* * *

Когда борьба идет между двумя, по существу непримиримыми лагерями, когда борьба идет не на жизнь, а на смерть, тогда тем более могут иметь место малодушие, вольная или невольная измена, сознательное предательство.

Но в периоды острой борьбы перед лицом до зубов вооруженного врага эти явления чувствуются, и на них реагируется особенно сильно.

Так было и в революционном движении Гурии.

Когда гурийское крестьянство об'явило войну помещикам, отказалось обрабатывать их землю вне выставленных условий, среди крестьянства так же, как и среди рабочих, находились штрейкбрехеры, срывавшие бойкот, а также прямые предатели и изменники.

Организовавшиеся уже помещики, пользуясь этими случаями, хотели прорвать фронт об'явлению бойкота, сломить твердость решения крестьянства, но увы—безуспешно!..

Если в отношении штрейкбрехеров крестьянство принимало сравнительно мягкие меры (обычно уничтожались их посевы), то в отношении ярых реакционеров и предателей революционного дела гурийское крестьянство не знало никакой жалости, никакой пощады.

«Джашуши» (шпион, предатель)—вот самое позорное, самое ужасное слово, которое влекло за собою неминуемый приговор к смерти того, кто изблчался в предательстве.

Беспощадное мщение домоколовым мечом висело над головой «джашуши» и заставляло его кусаться еще сильнее, но в то же время не находить покоя ни днем, ни ночью.

Покой и безопасность их совершенно исчезли тогда, когда в знаменитой прокламации Комитета Гурии был объявлен длинный список шпионов из 82-х лиц...

Мы не будем перечислять даже крупных «деятелей», отправленных на тот свет, но для иллюстрации того, как гурийское крестьянство умело «ценить» своих врагов, приведем лишь пару фактов.

Давид Гуриели, с царской кровью в жилах, не раз обращался с просьбой к губернатору:

«Дай мне, как бывшему офицеру милиции, войско—и мужики так запоют у меня, что о крепостном праве молить будут».

Гуриели был убит около ст. Супсы, при чем на похоронах его не присутствовал ни один крестьянин.

Еще более крупной реакционной фигурой был однофамилец Давида Гуриели—Леван.

Этот дегенерат и форменный зверь оставил о себе слишком огромную славу своими подвигами по избиению батумских рабочих, в особенности гурийцев, к которым он питал исключительную ненависть. После неоднократных покушений Гуриели был убит в Батуме террористами Дзидзигури и Меладзе.

Потомка гурийских царей, «отважного» умирителя «бунтующих» рабочих и крестьян, про которого сложили песню, полную сарказма ¹⁾, правительству с трудом удалось похоронить в Гурии в фамильном склепе, так как никто из крестьян не соглашался дать для его «святых» останков подводу или арбу.

Вот дань, которую отдавало гурийское крестьянство всем тем, кто открыто или тайно наносил удары освободительному движению.

* * *

Если еще до начала революционного движения каждый гуриец считал своим долгом иметь оружие и хорошо им владеть, то после, когда выяснилась необходимость жестокой и длительной борьбы с вековыми врагами,—вопрос о серьезном вооружении стал в центре внимания гурийского крестьянства.

Помимо сбора денег, производимого Комитетом Гурии для приобретения оружия, крестьяне сами старались раздобыть винтовки, револьверы и патроны.

Не редки были случаи, когда крестьяне продавали свои незатейливые «сахли» ²⁾ и сами ютились в лачужках, лишь бы осуществить намеченную цель. Оружие приобреталось не только путем покупки, но и путем разоружения чинов полиции, казаков и солдат.

¹⁾ „Аმ ღვენ ლევან გურიელსა თავი უკვდავი ეგონა, ცხელი თქვია რამ გულს მოხვდა—თხილს კაკალი ეგონა! (Наш Леван Гуриели бессмертным себя считал, но в грудь горячая пуля вонзилась—он жить перестал...).

²⁾ Сахли—крестьянское жилище.

В этот период острого желания вооружиться поскорее и быть готовым к борьбе в любой момент Комитет Гурии задумал весьма важное и не легкое дело, которому хотя и не суждено было широко развиваться, благодаря отсутствию нужных лиц и средств, но которое тем не менее было осуществлено: в окрестностях Суребы был организован небольшой завод по изготовлению ружей и патронов.

Одновременно с напряжением всех сил по приобретению оружия шло усиленное военное обучение «красных дружинников» (цители разми), куда записывались лица, готовые, не задумываясь, жертвовать собою за «ахалтаоба», за дело освобождения народа.

Красная дружина была той грозной силой гурийского крестьянства, которая наводила панику и связывала крылья черной реакции.

Помимо уничтожения наиболее злостных представителей царской власти, разоружения стражников, частей войск, похищения в плен выдающихся по своим жестокостям служителей старого режима, — красная дружина стяжала себе славу знаменитым столкновением в Насакирали с казаками.

Столкновению этому послужило следующее обстоятельство. В октябре 1905 г. в сел. Чохатаури совершено было нападение на пристава со стражниками, отказавшихся сдаться.

После непродолжительной борьбы несколько стражников было убито и ранено, а остальные, вместе с приставом, забраны в плен.

Тогдашний начальник Озургетского уезда Лазаренко, как только узнал о происшедшем, сейчас-же снарядил сотню казаков и двинулся на выручку пленных, одновременно прося у кого следовало помощи для расправы с «обнаглевшим» гурийским крестьянством.

В Чохатаурах Лазаренко проторчал несколько дней и, не добившись никаких результатов, повернул обратно в Озургеты. К несчастью для него, на пути его ждала неудача, да еще какая.

По дороге в Озургеты, в ущельи Насакирали, он подвергся нападению со стороны части красной дружины и крестьян, заранее оповещенных о намерении Лазаренко жестоко отомстить за событие в Чохатаурах.

Из нападавших лишь несколько десятков лиц было хорошо вооружено, остальные же — чем попало.

Жестокая схватка длилась долго, но, несмотря на малочисленность вооруженных сил со стороны гурийцев, отряд Лазаренко понес крупный урон...

Событие в Насакирали с молниеносною быстротою облетело всю Грузию, воодушевляя крестьянские массы и еще сильнее разжигая в них огонь борьбы.

В то время в Гурии буквально нельзя было найти человека, который с трепетом в душе и волнением в голосе не произносил слово Насакирали.

Для гурийского крестьянства «Насакирали» и по сей день является символом борьбы и победы над темными силами реакции...

* * *

Революционное движение рабочих и крестьян основательно расшатало самодержавный правопорядок. Правительство не могло не понять, наконец, что повсеместные восстания рабочих и крестьян грозят окончательно снести устои самодержавия, и, чтобы выиграть время для лучшего подавления революции,—издало манифест 17 октября 1905 г.

Так как освободительное движение в Грузии теснейшим образом было связано с героической борьбой русских трудящихся за свое освобождение, то естественно, что взоры борющегося грузинского крестьянства вообще и, в частности, гурийского были направлены в сторону Севера.

Всеобщая железнодорожная забастовка, объявленная в крупных центрах России, послужила сигналом—и всю Грузию и, в первую очередь, Гурию об'яло яркое пламя революции...

Была объявлена всеобщая забастовка, и сразу, точно по мановению волшебного жезла, замер главный нерв—железнодорожное сообщение. Погасли трубы фабрик и заводов, наглухо закрылись магазины, лавки, учреждения...

Улицы городов представляли невиданное зрелище: всюду толпы рабочих и служащих валили телеграфные столбы, выкатывали бочки, тащили ящики, доски, мешки, набитые землей,—строили баррикады.

На улицах ни одного представителя царской власти, точно все передохло, как осенние мухи, попрятались, как совы при сиянии дня...

Из одного города в другой никто не пускали без разрешения Комитета...

В Гурии шло лихорадочное вооружение всех и вся, хватали все, что попадало в руки. Мужчины и женщины, старики и молодые—все пошли в революцию по мере своих сил и способностей...

Связь между Батумом и Тифлисом поддерживалась так-называвшимся „делегатским поездом“, который на всех станциях встречали с красными знаменами многотысячные толпы вооруженного крестьянства.

Короткие, зажигательные речи ораторов из делегатского поезда:

«Долой самодержавие!»

«Да здравствует Революция, победа рабочих и крестьян!»...—возбуждали необычайный энтузиазм, и вслед уходящему дальше поезду раздавалось громовое: «Долой Николая, да здравствует Революция!»...

* * *

Но силы оказались неравные, и революция 1905 г. была побеждена.

Черная реакция ликовала и праздновала свою победу. Она всюду и везде собирала богатую жатву, но жатва эта особенно велика была в Гурии.

- Называйте главарей и зачинщиков!
- Сдавайте оружие!
- Падите ниц перед властью священного монарха!

Вот основные требования, с которыми реакция вошла в Гурию, а когда гурийское крестьянство отказалось выполнить эти требования,— если не принимать во внимание сдачу охотничьих, вообще негодных ружей, вместо 3-4 тыс. винтовок,—то карательная экспедиция Алиханова, Крылова и Толмачова предала Гурию огню и мечу. Войска безжалостно грабили население, насильовали женщин, арестовывали, избивали и расстреливали молодежь, стариков и детей—всех, кто имел несчастье попасть в когти расшвирипевшей черной реакции...

Но, однако, несмотря на все эти жестокости, царское правительство не сумело покорить гурийское крестьянство, убить в нем революционный дух, жажду свободы.

Нет-нет, но даже и в дни черной реакции, а затем уже вплоть до падения самодержавной власти гурийское крестьянство наносило последней жесточайшие удары, ибо Гурия была и осталась Гурией!

И вот теперь, когда миновало 20 лет, когда жизнь течет на новых началах, когда мы, оставшиеся в живых и в той или иной степени принимавшие участие в прошлой борьбе, оглядываемся назад, на пройденный кровавый путь, мы должны склонить головы и сказать:

«Слава всем борцам, павшим за дело освобождения народа!»

С. Киладзе.

Арсен Джорджиашвили.

«16 января 1906 года, около 11 часов утра, на Бярятинской улице, в г. Тифлисе, неизвестным злоумышленником брошена бомба под фаятон начальника штаба Кавказского военного округа, генерала Грязнова, коей он был смертельно ранен в висок и по дороге в Михайловскую больницу скончался. Ранены были кучер и сопровождавший генерала казак.

Бросивший бомбу пустился бежать через Александровский сад, но был остановлен и задержан шедшим навстречу писарем Самурского полка и подоспевшим часовым. Задержанный в бессознательном состоянии был отправлен в комендантское управление».—Так гласило об этом событии краткое официальное сообщение.

Вся жандармерия и охранка были поставлены на ноги, чтоб установить личность задержанного, который несколько дней лежал без сознания, зверски избитый сбежавшимися солдатами инженерного управления.

Личность «преступника» очень быстро установили—это был Арсен Джорджиашвили.

Арсен Павлович Джорджиашвили родился 7-го апреля 1881 года в бедной семье «казенного» крестьянина (по выражению метрической вы-

писки) Павла Симонова Джорджиашвили (Джойшвили). Кроме отца и матери Дарьи Ивановны, он имел 3-х братьев: Михаила, Александра и Илью и двух сестер—Марию и Елену. Арсен был в семье самый старший. Недостаток средств лишил Арсена возможности получить даже низшее образование. Уже с 14 лет он принужден был поддерживать семью своим скудным заработком.

Будучи членом соц.-демокр. партии, Арсен входил в боевую дружину жел.-дор. рабочих. В середине 1905 года он был арестован за распространение прокламаций, но за недостатком улик его вскоре освободили из тюрьмы.

Революция 1905 года застала двадцатитрехлетнего Арсена чернорабочим литейного цеха железнодорожных мастерских г. Тифлиса. Получал он всего 20 руб. в месяц, но и этого нищенского заработка лишили его, выкинув после жел.-дор. забастовки на улицу. С этого момента он всецело уходит в революцию и отдает ей свою молодую жизнь.

По постановлению боевой рабочей дружины 3-го района (соц.-демокр. партии), он 16 января в лице генерала Грязнова уничтожает одного из главных руководителей и свирепых вдохновителей всех тех ужасов разгрома военщины, которыми сопровождалось удушение революции 1905 г. в Закавказьи.

Радостным эхом отозвался сознательный Тифлис на взрыв бомбы, брошенной рукой Арсена,—и еще вчера никому неизвестный чернорабочий сегодня стал народным героем. Имя его с любовью передавалось из уст в уста, о нем слагались легенды и песни. Вот одна из народных песен, грустная мелодия которой в те годы раздавалась повсюду.

Арсен Джорджиашвили ¹⁾.

Не плачь мать и не ропщи отец,
 Ведь он освободил мир от чумы;
 Он радостно держал в руках красное яблоко,
 Он видел его полет и слышал его гром,
 Он, ликующий, смотрел, как взорвало Грязнова.

Родился он и рос в мученьях,
 Жизнь терзала его своими острыми когтями;
 Он видел по одну сторону замученный народ,
 А по другую—безмятежное счастье.
 И слышал он с одной стороны—плачь и рыданье,
 С другой—смех и ликование.

Арсен, твое сердце возмущалось адской несправедливостью,
 Ты искренне любил трудовой народ

¹⁾ Вольный перевод с грузинского.

И презирал гордых и надменных.
Ты ушел из мира, в котором так много печального.

Ты был сын народа—
И народ от тебя требовал счастья.
На твоём святом знамени было написано:
«Беспощадная война палачам!»

Ты в руки взял страшное оружие,
Которому нет равного.
Судьба тебя не пощадила:
Ты пал жертвой героической борьбы...

Когда наступит желанный миг,
Разверзнется грозное небо,
И дождь кровавый затопит на земле жилища палачей,
На эшафот взойдут те, кто удушил тебя.

Когда воспрянет угнетенный мир,
Когда наступит общее ликование,—
Тогда красными буквами трудящиеся
Впишут в историю твоё славное имя.

Не плачь мать и не ропщи отец,
Ведь он освободил мир от чумы,
Он радостно держал в руках красное яблоко,
Он видел его полет и слышал его гром,
Он, ликующий, смотрел, как взорвало Грязнова...

* * *

Суд и расправа совершились быстро. Петербург в нетерпеливом волнении посылал в Тифлис телеграмму за телеграммой, торопя с казнью.

Накануне казни тифлиссские жандармы послали в ответ зашифрованную телеграмму. Вот её дословный текст:

«Департаменту Полиции

Повешение Джойяшвили убийцы генерала Грязнова назначено на первое марта семь часов утра за городом в Губернской тюрьме. Полковник Безгин».

А несколько позже сообщили о том, что Арсен был казнен, но что «преступные его сообщники» дознанием не установлены. Это означало, что никакие пытки и истязания не заставили Арсена выдать своих товарищей.

Очевидцы рассказывают, что палачи стащили больного Арсена с тюремной койки и поволокли к виселице на руках, так как он был ещё так слаб, что сам итти не мог.

Так погиб Арсен Джорджишвили.

Прошло двадцать лет. Волны великих событий прокатились над страной. Красное знамя гордо развивается над Тифлисским дворцом, бывшим когда-то оплотом царизма и реакции...

А там... далеко за городом, у развалин старой губернской тюрьмы, прильнув к подножью высокой горы, приютилась одинокая могила. Лежит на ней каменная плита, положенная тут родною рукою.

Тихо и безмолвно кругом. Звуки шумного города не долетают сюда. Высокой стеной стоят над могилой пустынные горы, безмолвные свидетели минувшего. Они затаили в себе последний стон умиравшего и, как верные стражи, охраняют вечный сон Арсена.

В. Светлова.

Воспоминания о тюрьме и каторге.

После покушения на наместника Кавказа кн. Голицина следующим террористическим актом в Закавказьи было убийство елисаветпольского вице-губернатора Андреева, выполненное по постановлению боевой организации партии дашнакцутюн 4 июля 1904 г., не далеко от гор. Елисаветполя, на урочище Аджикент.

Благодаря неосторожности товарища, арестованного в первую же ночь после убийства, в кармане у которого нашли мои письма, на следующий день около полудня меня с братом арестовали и доставили в уездный полицейский участок.

В ожидании первого допроса нас раз'единили. Товарища поместили в одну камеру, а меня с братом в другую. Тут мы подверглись невероятным истязаниям: поставили нас с братом спина к спине и привязали друг к другу по рукам и ногам; в таком положении мы не могли ни лечь, ни сесть и принуждены были простаивать целые дни.

Нашим спасителем оказался один из стражников-черкесов, окарауливавший нас. Каждую ночь он убеждал дежурного стражника развязать нас и приносил в камеру охапку сена, заменявшего нам постель. Рано утром сено это выносилось из камеры, и нас опять привязывали друг к другу. Эта пытка длилась целых 12 дней, пока тянулись допросы. На допрос вызывали по очереди через день, а по ночам нам удавалось через тех же стражников сообщать друг другу о данных показаниях. Держали нас на допросах по 12 ч. в сутки, при чем мы все время были на ногах и без еды.

Все 12 суток нас держали на хлебе и воде. Уездный начальник Реут и пристав Бадасов всячески изощрялись в издевательствах над нами, как будто стараясь перещеголять друг друга. Они били нас связанных кончиками своих сапог куда попало, ударяли плетью по лицу, показывали нас, как зверей, разным высокопоставленным особам и офицерам, которые, в свою очередь, ругали и плевали на нас.

Когда предварительное следствие окончилось, нас под усиленным конвоем перевезли из Аджикента в Елисаветпольскую тюрьму.

Возможно, что власти были осведомлены о том, что Воля готовилась отбить нас у конвоя, и потому нас окружили железным кольцом стражников и казаков. При таких условиях всякая попытка освободить нас была обречена на неудачу и могла бы иметь для нас роковые последствия, так как мы узнали о распоряжении властей прикончить нас при малейшей попытке к бегству.

16 июля мы уже находились в Елисаветпольской тюрьме. Судили нас военно-окружным судом; суд длился 13 дней. Я присужден был к бессрочной каторге, замененной по постановлению самого суда — 20-ти летней каторгой.

Мне было в то время 20 лет. Просидел я в Елисаветпольской тюрьме около 8-9 месяцев. В начале ко мне был применен самый суровый тюремный режим, так как начальник тюрьмы оказался родственником Андреева и всячески старался отомстить мне за убитого. Не довольствуясь тем, что меня, по распоряжению прокурора Елисаветпольского окружного суда Скульского, переодели в первый же день в арестантскую одежду и заковали в ножные кандалы, он распорядился не принимать для меня передачу — естественного, запретил курить, лишил постели и приказал обыскивать по несколько раз в день. Все мои протесты ни к чему не проводили.

Помню такой случай. Как-то посетил меня товарищ прокурора Антонов в сопровождении какого-то жандармского ротмистра, и на мое заявление о притеснениях, чинимых начальником тюрьмы, ехидно ответил: «К чему Вам все это, уж скоро... скоро», — при чем рукою дотронулся до своего горла и, указав на потолок, дал мне понять, что меня скоро повесят. От таких зверей ожидать чего-либо хорошего было наивно, и я через уголовных сообщил на Волю о режиме. Вскоре Воля ответила, что начальник уже «предупрежден», и, действительно, спустя 3—4 дня, начальник тюрьмы зашел ко мне в одиночку в сопровождении городского врача Топуридзе и тут же было все требуемое разрешено мне.

Однажды ночью, 22 марта 1905 г., меня внезапно разбудили, вывели в тюремную ограду и тут только коротко объявили: «Готовься к отправке». В ограде тюрьмы шла лихорадочная работа по отправке партии в этап. Присутствовали при этом начальник тюрьмы, полицеймейстер и жандармский ротмистр. Конвой принял от тюрьмы 16 каторжников; из них только я с товарищем были политические.

После проверки кандалов раздалась команда: «Становись по два!». Меня с товарищем поместили в самой середине, а спереди и сзади — уголовных. В ручные кандалы мы были закованы по-парно: моя левая рука с правой рукой товарища, и т. д.

Когда вся церемония была окончена, и подвода погружена, притащили длинную, массивную цепь и, протянув ее через все наручники, замкнули на замки с обоих концов; таким образом, вся тяжесть этой цепи

осталась у нас на руках до самой станции (около 4—5 верст от города).

Когда нас вывели из каторжного двора во двор срочных, какая-то важная персона из военных остановила нас и приказала конвою быть в боевой готовности. После краткой речи, обращенной к конвою о царе и отечестве, о верности присяге и пр. и пр., он указал на нас двоих и патетически возгласил: «Знайте же, мои молодцы, что они враги нашего батюшки-царя и отечества. При малейшей попытке освободить их извне, первым делом застрелите их, как собак, а потом, и т. д., и т. д.

Окруженные усиленным конвоем, мы вышли из ворот тюрьмы на улицу, где нас окружили еще новым кольцом конных казаков. Три основательных приклада получил я за эту дорогу до станции: один за то, что немного выступил из шеренги (хотя и закованный общей цепью), другой—за разговор с товарищем (удар и ругань—прекрати разговор на собачьем языке) и третий—за попытку курить.

Вышеупомянутая тройка (нач. тюрьмы, полицеймейстер и жандармский ротмистр) нас сопровождали на извозчике.

Наконец, мы на станции. Несмотря на внезапность отправки, все же публика нахлынула на станцию, но никого не подпускали к нам, и как только подали состав, всех арестованных освободили от наручников, за исключением нас двоих, и посадили в вагон.

23-е марта нас застало уже в Тифлисском Метехском замке, где нас приветливо встретили заключенные.

Впервые за 10 месяцев я почувствовал себя довольно свободно и курил сколько душе угодно. Эта была единственная тюрьма на Кавказе, где легально разрешалось курить, даже имелась тюремная лавочка.

Не успел я познакомиться с тюрьмой и ее обитателями, как меня перевели в губернскую тюрьму, где и продержали до отправки дальше.

5-го мая того же 1905 г. утром нам вновь объявили: «Готовьтесь в партию».

6-го к вечеру мы уже были в Батуме. Батумская администрация приняла нас весьма торжественно, усилив конвой в несколько раз... Объяснялось это тем, что Батум, как портовый и пограничный город, всегда кишмя-кишел всякими хмбапетами и зинворами (предводители и рядовые из дружин партии «дашнакцютюн»), и администрация не без основания опасалась отбития нас от конвоя.

В Батумской тюрьме (если можно так выразиться, ибо жилось нам тут слишком вольготно) я сразу попал в незнакомую обстановку и, не зная языка, не мог ориентироваться и разобраться, кто уголовный, кто политик: все они говорили на непонятном мне языке, все в своих национальных костюмах и черкесках, открытые камеры, ежедневные свидания, пение, пляска и т. п. Помню только, что, узнав, кто мы, заключенные оказали нам теплый прием и устроили обед, на котором произносили речи, утешая нас скорой свободой и победой. Дашнаки, узнав о мо-

ем пребывании в Батуме, пришли ко мне на свидание и начали усиленно проектировать побег.

Не суждено было осуществиться всем этим планам, ибо меня через неделю отправили с первым же пароходом дальше, в Новороссийск, в Ростов, Козлов и, наконец, в Московскую Центральную каторжную тюрьму (Бутырки).

Кажется, это было в начале июня, когда наша партия вошла в ограду этой тюрьмы. Встретила нас целая орава надзирателей всех рангов; был тут же и арестант—цирюльник с машинкою в руках. Раздалась команда: «Шапки долой!»—и началась стрижка голов.

После стрижки, обысков и всех других прелестей приемки, я со своей компанией уголовных попал в корпус, и нас поместили в 3-й камере 2-го коридора, где находилось 90 человек уголовных. Все мои расспросы о том, есть-ли политики и где, они, ни к чему не привели, а старожилы «доброжелатели» из уголовных даже советовали не спрашивать, что, мол, тогда возьмут в одиночку и пр. и пр., что гораздо лучше остаться в общей камере.

Впоследствии я убедился в том, что советы моих «доброжелателей» исходили из других побуждений: узнав, что у меня с товарищем есть деньги, они стащили у нас 29 руб.

Камеры в Бутырках тогда были огромные, с железными койками, на 60 человек каждая, но обыкновенно они бывали переполнены, и число заключенных доходило до 80 и даже до 100 человек. (Впоследствии, как я узнал, камеры эти поделили на двадцатки). Корридоры отделялись друг от друга железными дверьми. В «мирное» время двери почти всегда бывали открыты и запирались только при проверке и в случаях столкновений обитателей одного корридора с другим, или одной камеры с другой.

Жилось в Москве сравнительно сносно, тюремная администрация забыла о моем «политическом происхождении» и, если не считать Дружининские «мать премать», могу сказать, что Москва обошлась мне дешево, и всего того, что перенесли и видели товарищи в последующие годы, я не видел и не испытал.

Но вот наступила октябрьская комедия (так называемая амнистия), вскоре превратившаяся в трагедию. Помню, как однажды, перед октябрём, московский присяжный поверенный Н. К. Муравьев, чрезвычайно милый человек, мой защитник, узнав о моем пребывании в Московской тюрьме, пришел на свидание, и от него я узнал о том, что творится на Воле и что не за горами наша свобода.

Наступило 17-е октября — и попавшая к нам газета возвещала об амнистии и свободе. Газета быстро-быстро переходила из рук в руки. Подлетели к единственному окну, откуда было видно, как бесконечные и бесчисленные толпы народа, море голов и целый лес красных знамен, переходя с улицы на улицу, наконец, повернули к тюрьме. Что там происходило, что там говорилось, так и осталось для нас тайной; знаю толь-

ко, что вся эта процедура тянулась целых три дня. Освободили около 200 с лишним административных и в том числе только двух каторжников. Наступил четвертый день после 17-го октября, и, к нашему удивлению, в городе началась стрельба. В этот день почему-то корридоры были заперты и к излюбленному окну могли подойти только счастливые обитатели того корридора.

Корридоры нервничают в ожидании новостей от счастливых.

Вдруг летит один уголовный к нашим дверям и сообщает: «Толпа подходила к тюрьме, и часовой из башни стрелял в толпу»...

Нужно заметить, что за эти дни уголовные также возлагали большие надежды на амнистию, настроение было повышенное и радостное и, при каждом подходе новой толпы к тюрьме, они допускали, что очередь теперь за ними, что скоро освободят и их... Этим и можно объяснить, что они осмелились предъявить администрации тюрьмы «требование» прекратить стрельбу в народ, и пр., и пр.

В ответ на это требование в тюремный корпус ворвался старший помощник начальника тюрьмы, капитан Егоров, с отрядом конвойных в полной боевой готовности, с «наганом» в руках.

Пошла беспорядочная стрельба по корридорам, иконы посыпались со стен, разбивались стекла, а напуганные каторжане, дрожа, прятались в своих камерах.

Особенно пострадала предъявившая «требование» камера, из окна которой была видна Воля. В эту камеру выпустили более 300 пуль. Сколько было убитых и сколько раненых не знаю, знаю только, что вынесли из той камеры порядочное количество людей, с коими мы никогда больше не встречались...

Таким образом тюрьма была «усмирена», и после этого начальник тюрьмы, сопровождаемый усиленным конвоем, начал обход камер. В каждой камере, после краткой речи, он требовал не вмешиваться по внутренние дела и распоряжения администрации.

С этой ночи стрельба в городе с каждым днем усиливалась, и в продолжении нескольких дней (трудно восстановить в памяти—сколько именно) тюрьма буквально дрожала от пушечных выстрелов. За один день я насчитал 160 орудийных выстрелов, а потом уж и счет потерял. В продолжении двух недель все представители высшей власти, с губернатором Джунковским во главе, ютились в застенках Центральной каторжной тюрьмы, охраняемые усиленными нарядами надежных войсковых частей, и только после окончательного усмирения Москвы наши сановники освободились от добровольного заточения.

Дальнейшие вести приходили к нам одни печальнее других, а вновь устроенные одиночки все больше и больше наполнялись новыми узниками.

После усмирения как Воли, так и тюрьмы начинается новая полоса во взаимоотношениях уголовных и политических. Дело в том, что образовавшаяся на Воле в дни восстания рабочая милиция успешно и бес-

пощадно боролась со всеми уголовными преступлениями. Сидевшие в тюрьме уголовные очень быстро об этом узнали и резко изменили отношение к политикам, на каждом перекрестке кричали: «Бей политиков, они бьют наших на Воле»... и самая циничная ругань сопровождала эти возгласы.

Мне, как политическому, досталось бы от них изрядно, если-бы не уголовные, прибывшие со мною с Кавказа: татары, грузины, армяне, которые охраняли меня вплоть до самой отправки в Сибирь.

Такое заступничество вызвало вражду русских уголовных к кавказцам. На этой почве однажды разгорелась большая драка с русскими уголовными—и в результате 5-6 окровавленных драчунов.

Характерно, что надзиратели стояли при этом в сторонке и ехидно посмеивались. Только после драки появилась администрация и по несколько человек из каждой группы посадила в карцер на 3 суток.

После этой истории для нас стало ясно, что две враждующие стороны не смогут ужиться в одной камере. Особенно возмущены были татары, над которыми русские уголовные издевались во время совершения теми религиозных обрядов (намаз). Они потребовали выделения их на особый корридор ; к ним присоединились и мы, остальные кавказцы, после чего уж никаких инцидентов не происходило вплоть до отправки нас в Сибирь.

В конце декабря 1905 г., когда после всеобщей забастовки возобновилось движение по жел. дорогам, я был отправлен в Сибирь с большой партией каторжан, числом в 100 человек, среди коих я был единственный политический.

С. Фарамян.

Архивные материалы по истории революционного движения в Закавказье.

(Сообщила В. Светлова).

Смерть террористов Марцвалова и Вассера.

(Выписка из дневника „агентурных сведений“ за подписью начальника тифлисского охранного отделения ¹⁾).

Марцвалов.

В а с с е р.

.... В воскресенье, 1-го января (1906 г.), на Цициановском под'еме стояли на дежурстве два члена террористической организации: Георгий Марцвалов и Вассер. Оба были вооружены бомбами и револьверами. Есть предположение, что они сторожили проезд Рыльского, которого хотели убить, но, как полагают, их выдал какой-то духанчик, которого убили через 15 минут после ареста полицией вышеназванных двух лиц. Сперва арестованные были отправлены в 7-й полицейский участок, а затем в Тифлиссский полк. В Тифлисском полку задержанных лиц стали якобы пытаться инквизиционными пытками, чтобы от них узнать, где сохраняются бомбы и где они взяли их. По рассказам яко бы солдат-очевидцев и по следам, оставшимся на трупах, вполне совпадающим с их показаниями, пытали их так. Вывели раньше Вассера и задали ему вопрос: «Где бомбы?»— тот

¹⁾ Музей Революции ССРГ. Архивный фонд 34, папка № 4.

отказался. Тогда подошел пьяный солдат и большими клещами стал выворачивать куски мяса на теле и оторвал два пальца; затем стали забивать иголки под ногти пальцев, после чего Вассер ответил: «Мне дал бомбу неизвестный человек, которого я знаю только в лицо, в Александровском саду, чтобы отвезти в Авчалы, где он должен был появиться и взять у меня». Этому не поверил офицер и солдаты и продолжали пытать. Одевали обручи, кололи иголками, клали доски и на них топтались и проч. и проч. Вывели потом Марцвалова, который категорически отказался от всяких показаний. Подвергнув его ужасным пыткам, отправили обоих в губернскую тюрьму. По дороге, благодаря якобы раздавшемуся выстрелу со стороны по патрулю (от которого все отказываются), — были убиты Вассер и Марцвалов. После того они были отправлены в Михайловскую больницу, откуда Марцвалова родные взяли домой, а Вассера 6 января в пятницу, днем — на Навтлугское кладбище. Оба они входили в террористическую шестерку, членами которой считались Мотель Горштейн с братом и еще двое неизвестные. Вассер жил летом 1904 г. в квартире Микадзе — Авчальская, № 141, будучи здесь под надзором. Несколько раз сидел в тюрьме и в последний раз прибыл из Карсской тюрьмы в числе освобожденных бакинцев и здесь остался жить. По профессии он был шапочник, имеет родных в Баку. Был передовым рабочим, преданным делу освобождения пролетариата.

Помещаемые ниже архивные материалы, извлеченные из дел Особого Отдела канцелярии наместника, — представляют опыт жандармских обзоров революционного движения в главных центрах Закавказья.

Хотя материалы эти и страдают существенными недостатками, являясь односторонними в освещении фактов, и по вполне понятной причине часто искажают эти факты и не дают картины сложной подпольной жизни революционных партий Закавказья, но обилие в них фактического материала, наличие точнейших дат событий и меткость характеристик некоторых исторических моментов делают их ценными и интересными не только для историка, но и для массового читателя.

В. С.

Записка о революционном движении в Закавказье *).

(Жандармский обзор).

За последнее время Кавказ стал объектом всяких разговоров. О нем говорят везде и всюду: в обществе и в печати, как в России, так и в Западной Европе. Говорят с особенным вниманием, прислушиваются чутко к его жизни.

Что случилось? Что приковало к нему внимание всех мыслящих людей и в частности русского правительства?

Это пробуждение общественно-политического сознания кавказского населения, вылившееся в событиях последних лет на Кавказе.

«На Кавказе революция»,—кричит западная европейская пресса и русская нелегальная печать.

«Мы далеко ушли вперед от Москвы и Петербурга»,—заявил А. М. Аргутинский-Долгоруков, приехав из России в начале весны.

«Если в центрах России было-бы такое движение, такой запас революционной энергии, как у вас на Кавказе»,—сказали приехавшие русские либералы-освобожденцы,—«то уже давно были-бы мы свидетелями грандиозного переворота в России».

«Мы готовы к восстанию»,—говорят комитеты революционных партий на Кавказе,—«но центры России молчат».

Мысль о начавшейся на Кавказе революции как бы подтверждается политическими банкетам, собраниями и грандиозными митингами, всеобщими политическими и экономическими стачками в Баку, Тифлисе, Батуме и друг. городах; наконец, крестьянским движением вполне осмысленным и сознательно-политическим; почти массовым террором и проч.

Временное затишье в настоящее время как бы поясняет, что революционные партии оставили всякую мысль о революции без центров России.

Стало быть, все говорит за то, что положение дел на Кавказе действительно серьезное.

Понятно, поэтому, что пройти мимо нельзя. Необходимо выяснить, насколько движение на Кавказе серьезно и заслуживает внимания, строго оценивая каждое явление.

Для этого, придерживаясь строгой действительности,—понятно, настолько, насколько излагаемые ниже факты нам известны,—постараемся разобраться в этом движении, касаясь экономического состояния населения лишь постольку, поскольку это будет необходимо, отводя больше места политическим революционным партиям на Кавказе.

Пока на Кавказе не развилась промышленность и фабрично-заводская деятельность, пока кавказская интеллигенция воспитывалась в рус-

* По материалам Музея Революции ССР Грузии (Архивный фонд № 63, п. 6116).

ских университетах в духе народников, до тех пор на Кавказе не было никакого революционного движения. В 80 г.г. были отдельные представители умиравшей тогда «Народной Воли», находившиеся здесь в ссылке. Кругом же была такая же тьма, как и в России. Интеллигенция, воспитавшаяся в России под влиянием Писарева, Добролюбова, Чернышевского и народников-беллетристов, занялась культуртрегерством и мечтаниями об освобождении Гурии и Кавказа от владычества России.

Так продолжалось очень долго. Прошло несколько десятилетий. Старые поколения сменялись новыми, вместе с ними старые идеи заменялись новыми. Подошли 90-ые года. Кавказская молодежь уже возвращалась на родину с новым знаменем—марксизма, а к этому времени и общественная физиономия Кавказа сильно изменилась, предоставив богатую почву и полный простор для деятельности марксистов социал-демократов.

Расцвет нефтяной промышленности и рыбных промыслов в Баку привлекает массу крестьян: армян, татар и грузин, а также и горцев-кочевников—все преимущественно из населения восточного Кавказа, где сначала их труд оплачивается очень хорошо, так как заработная плата по многим причинам стоит выше естественной нормы.

В это время на противоположном конце—в Западном Закавказьи, в Батуме, спешно были выстроены заводы Ротшильда, Нобеля, Манташева для экспорта керосина за границу. И так как по сложившимся историческим и экономическим условиям, рабочий материал был под рукою, то мобилизация потребного количества рабочих рук до 10.000 чел. была совершена преимущественно в Гурии и ее окрестностях.

Покрытие Закавказья сетью железных дорог; депо и мастерскими при них, открытие в Тифлисе фабрик и заводов стянуло сюда голодное население среднего Закавказья, а сближение расстояния и дешевый проезд дали возможность всякому из всех углов Закавказья приехать в Тифлис и тем самым увеличить армию безработных как пролетариата, так и полупролетариата.

Таким образом, три центра: Баку, Тифлис и Батум стягивают к себе постепенно разбросанный по всему Кавказу полупролетариат, сплачивают его, проделывают над ним процесс пролетаризации, становятся его под одну крышу лицом к лицу с хозяином-капиталистом и раскрывают пред ним классовые противоречия.

В это время появляются сначала в малом числе рабочие, интеллигенты-марксисты социал-демократы и начинают вести среди рабочих Баку, Батума и Тифлиса агитацию и пропаганду.

Результаты были поразительные. Стоило одному рабочему-агитатору появиться на завод, как через некоторое время уже все были сагитированы и принимались бастовать. Все объясняется тем, что была почва, находился горючий материал—и оставалось только приходить со спичками и зажигать. На Кавказе пролетариата по переп. 1897 г. насчитывалось 450.000 (4,92%).

Вся деятельность первых соц.-дем. 90-х годов на Кавказе была обращена на крупные предприятия, преимущественно на фабрично-заводский пролетариат. Он легче поддавался агитации, нежели кустари, которые вошли в движение уже в последние 2—3 года.

Но до 1900 года соц.-дем. организации ничем особым не проявили себя. Лишь с 1900 г. началась крупная забастовка в Тифлиских мастерских Закавказских жел. дор. Затем пошли демонстрации в 1901, 1903, 1904 и 1905 г.г., сначала единичные, а потом всеобщие забастовки, сначала исключительно на экономической почве, а потом, как, например, январская в Тифлисе, Баку и Батуме, политического характера.

В начале 1903 года на 1-м съезде трех комитетов Баку, Тифлиса и Батума возник Кавказский Союз Росс. Соц.-Дем. Раб. партии. Союзный комитет должен находиться в Тифлисе и издавать центральный орган на трех языках: армянском, грузинском—«Брдзола» (борьба), а на русском—«Листок пролетариата». Первым результатом союза была однодневная демонстрация 27 апреля во всех трех городах. Особенно грандиозная она была в Баку, где до 15.000 демонстрантов с 7-ю знаменами прошли всю центральную улицу города с пением революционных песен и возгласами.

После этого началась подготовительная работа ко 2-му съезду. Были выбраны три представителя: от Баку Богдан Кнунянц (Русов), от Тифлиса Топуридзе (Карский) и от Батума Аршак Зурабов (Беков). Все они выехали в Женеву в июле 1903 года и вернулись в начале сентября.

После съезда вся осень 1903 г. и начало зимы 1904 г. ознаменовались большими провалами в Баку, Тифлисе и Батуме. Вся организация на Кавказе почти была разбита и сведена на нет. Удар был так силен, что ни в одном из городов не могли собраться с силами, чтобы отпраздновать праздник 1-е Мая. Лишь в мае—июне 1904 г. стали собираться и опять создавать организацию. Исключение, правда, с самого начала составлял Батум, пополнявший убыль в Тифлисе и Баку.

Лето 1904 года в Тифлисе прошло в деятельности восстановления организации, но уже осенью, в октябре, она была настолько ослаблена арестами, что не осталось следа от вложенного труда.

В это время Союзными Комитетом была созвана конференция в Тифлисе представителей всех комитетов. Цель конференции была высказаться о «большинстве» и «меньшинстве», вместе с тем упрочить связи и союз. (О съезде было в свое время сообщено, так же, как и многое другое).

Но скоро гармония действий в союзе была нарушена. Причиной этому послужили два фактора: личные несимпатии и неприязнь между главарями и приезд новых деятелей из России: представителей «меньшинства».

17 января 1905 г. Тифлиссский Комитет вышел из состава Кавказского союза, оставив за собою весь тифлиссский пролетариат. А в Баку не-

много еще раньше по времени отделились от комитета 2 района: Балаханский ¹⁾ и Биби-Эйбатский, образовав группу «меньшинства».

С этого времени внутренние распри отнимают время, силы от общей работы и продуктивность организации падает на 50 %, несмотря на то, что с этим временем совпали всеобщие почти забастовки в Тифлисе, Баку и Батуме.

Благодаря этим распрям и исключительно им, кавказский пролетариат не сумел отпраздновать день 1-го Мая 905 г., хотя силы и люди были ²⁾.

Много раз собирались меньшевики и большевики во всех городах, чтобы придти к соглашению и работать совместно, но всегда ни к чему они не приходили.

14 апреля была созвана в Тифлисе конференция всех меньшевистских групп Кавказа для объединения и противопоставления союза «меньшинства» К. С. «большинства».

На этой конференции было принято и много других резолюций, но интересно, что со дня этой конференции Батумский комитет, бывший до того в К. С., становится комитетом «меньшинства» и примыкает к конференции.

«Большевики» в лице С. К. тем временем посылают своих делегатов на 3-й съезд большевистских комитетов.

В настоящее время на Кавказе существуют две совершенно обособленных организации. Одна «большевистская», другая «меньшевистская». В первую входят: Бакинский комитет (за исключением 2-х районов ³⁾: Балаханского и Биби-Эйбатского), Кутаисский и группы: в Батуме, Елисаветполе, Карсе и др. ⁴⁾ местах, во вторую входят: Т. К., Б. К., Г. К. ⁵⁾ и группы в Баку, Терской области, Владикавказе и др. местах. В Баку как у одной, так и у другой насчитывается рабочих почти одинаковое количество. Кроме того, в руках второй находится все крестьянское движение Закавказья, преимущественно западной стороны: Гурии, Карталинии ⁶⁾,—деревни Тифлисской губ. и проч.

Во главе первой стоит С. К., во главе второй Бюро. Органом 1-ой пока еще «Брдзола»; органом 2-й «Социал-демократ», пока на грузинском

¹⁾ После раскола Балаханский район остался за большевиками, где был организован Союз Нефтепромышленных рабочих. За меньшевиками остались кустари Завакзального и Черногогородского районов *Прим. Ред. Колл.*

²⁾ Сведения эти не точны, так как, несмотря на войска, находившиеся в боевой готовности в некоторых районах Тифлиса, рабочим частично удалось отпраздновать 1-е Мая. *Прим. Ред. Колл.*

³⁾ Смотри прим. ¹⁾ *Ред. Колл.*

⁴⁾ Еще в Чиатврах. *Ред. Колл.*

⁵⁾ Т. К.—Тифлиссский Комитет; Б. К.—Батумский Комитет и Г. К.,—по всей вероятности, Гурийский Комитет. *Ред. Колл.*

⁶⁾ В Горийском уезде была сильна большев. организация. *Ред. Колл.*

языке за неимением в органе армянина-переводчика; на русском, вместо органа, выходят бюллетени. Типографий как у одной, так и другой есть много. В Тифлисе у 1-ой должно быть 2 тип.; у 2-й—тоже; в Батуме 1 у 2-й, а теперь, вероятно,—1 и у 1-й.

Заграничные транспорты приходят преимущественно из Батума. Российские—из Баку.

Недавно приехал делегат со съезда, а в скором будущем придет член ЦК., задача которого на месте расспросить все группы и комитеты, не согласятся ли они присоединиться к резолюции III съезда. По уставу каждый комитет должен представить в ЦК двухнедельный отчет своей деятельности со списками имен и фамилий всех деятелей, конечно, по особо установленному шифру. Если С. К. останется, то все отчеты из кавказских городов будут направляться в Тифлис, а отсюда уже, вероятно, в Петербург. По словам К. Соколовского, здесь в С. К. также известные деятели, которых знает вся Россия. Деятели можно назвать: Вульфовича, жену А. Зурабова, К. Соколовского, супругов Чодришвили¹⁾. Между прочим, все они вращаются вокруг самых главных главарей. Напрягают они всю силу на то, чтобы найти почву среди тифлиского пролетариата.

У 2-й в Тифлисе в настоящий день во главе стоит комитет из 6 лиц: Ноя Рамишвили, Ноя Жордания, «Хунхуза» (интелл.-пропагандист) и 3 рабочих из 3-х районов. Кроме них, на особых поручениях состоит «Александра» (она же Шура, Оксана). Бывший в комитете Андроников (он же Вахтанг) вышел из него и вступил в Бюро пропагандистов. Кроме комитета, есть еще несколько подкомитетов, вполне самостоятельных в своей деятельности в своем районе, но ответственных пред комитетом и ему подчиняющихся.

Эти подкомитеты следующие: мелко-буржуазный, солдатский и содействия. В 1-й входил: «Григорий», «Рудольф», во 2-й: «Марья Григорьевна» (Оля), а теперь Нина Руссия, в 3-й: Ева Лорис-Меликова, Ширман, супруги Семенченко и, вероятно, пятая сестра Мельницкого—Ольга. Кроме того, есть еще Бюро пропагандистов, председателем которого состоит и теперь Андроников, а входит еще Н. Руссия.

Задача 1-го вести агитацию и пропаганду среди мелкой пролетаризирующей буржуазии, собирать деньги и пр. В район его деятельности ходят почему-то приказчики, затем духанщики, торговцы и пр.

Задача 2-го та же самая, только среди солдат.

Задача группы содействия—выколачивать и доставлять средства. Это, главным образом, а затем делать все, что необходимо. В эту группу входят все, кто по тем или по иным причинам не может принимать активного участия в движении и обречен на пассивную роль.

Бюро пропагандистов—урегулировать кружки, доставляя потребное количество пропагандистов; контролировать, некоторым образом, действия

¹⁾ Мелания и Михо. *Ред. Колл.*

комитета, а также деятельность пропаганды и пр. Бюро имеет не одну квартиру, но на известных районным представителям квартирах дежурят по очереди от 11 ч. до 10 ч. вечера два члена; при себе они имеют списки пропагандистов, их адреса, и когда нужен пропагандист, то приходит районный представитель и заявляет; тогда ему дается адрес, и он направляется к пропагандисту и берет его в кружок; затем каждый пропагандист обязан заявить в Бюро: какие вечера у него свободные, какие дни и пр. Бюро созывает раз в неделю всех пропагандистов для дискуссий по текущим вопросам.

Дальше идет рабочая организация. Высшая инстанция: собрание районных и цеховых представителей, которые, между прочим, вправе низвергать и назначать комитет. Затем — цеховое собрание 1 района, представителей кружков.

За единицу организац. считается кружок, хотя не везде и не всегда.

В Тифлисе 4 района. Представителем 1-го района долгое время был Николай Сулханов, потом его сместили, дав специальное дело: заведывать нелегальной библиотекой; представителем 2-го долгое время был Амирян¹⁾; потом он уехал во Мцхет и его должность была предоставлена «Васо»²⁾. В цеховое собрание 2-го района входят теперь: «Васо»³⁾, Мотель Горштейн, «Давид»⁴⁾ и др. новые. Бывшие же «Миша», Михаил Кузнецов, и Дубов уехали; первый в Астрахань, второй в Баку, где он работает в типографии комитета, а третий — в Гомель. Собирается оно в квартире Доры Асс, на Минквицевской ул. № 8, в д. Нацвалова или Мрцвалова.

Пропагандистов есть много (см. сведения), но с районными собраниями занимаются лучшие силы: например, во 2-м районе занимается Андроник(ов) (Вахтанг), на квартире Асс.

В последнее время, начиная с апреля, в типографии появился татарский шрифт, и уже издано 4 прокламации на татарском языке. Причиной этому послужил молодой интеллигентный татарин, приехавший в феврале из Баку. Он занялся здесь переводом на татарский язык нелегальной литературы, повел агитацию среди татар как местных, так и вне Тифлиса и имеет громаднейший успех. Комитет ему платит 20 руб. в месяц.

Кроме всего этого, есть организованная боевая дружина, во главе которой стоит комиссия на правах подкомитета.

А деятельностью всех как в городе, так и в ближайших деревнях руководит комитет.

В Баку меньшевистская организация, благодаря арестам, сведена на нет. Лишь только недавно, когда освободили Илью, Глеба и 3-х Шендриковых, — этих 3-х братьев, то работа опять началась.

¹⁾ Амирян—Никогосов. *Ред. Колл.*

²⁾ „Васо“—Цобадзе. *Ред. Колл.*

³⁾ „Васо“—Цобадзе. *Ред. Колл.*

⁴⁾ „Давид“—по всей вероятности, Карп или Двачи, или Едитов. *Ред. Колл.*

В Батуме с закрытием заводов ядро рабочих раз'ехалось,—в руках комитета остались кустари, так как не с кем работать.

В Гурии работа удовлетворительна, но чувствуется недостаток в пропагандистах.

Вот пока все, что можно сказать о социал-демократической партии на Кавказе, придерживаясь точных данных.

Но деятельность социал-демократической партии на Кавказе не ограничивается одним фабрично-заводским и ремесленным пролетариатом в городах, а обхватывает и деревни.

Во главе крестьянского гурийского движения стоит Гурийский комитет, остальных—Тифлисский комитет и отдельные группы. Крестьянское движение на Кавказе имеет весьма важное и серьезное значение, поэтому следует немного подробнее остановиться на нем.

Есть крестьянское движение в Гурии и такое же в Карталинии и друг. местах. Между первым и остальными громадная разница, несмотря на то, что все они грузины и населяют одну территорию бывшей самостоятельной Грузии. В то время, когда гурийцы проснулись—карталинцы спали; когда гурийцы начали действовать вполне сознательно и революционно, карталинцы тоже поднялись, но стихийно, бессознательно, натворив много бед себе и другим. Наконец, гурийцы более свободолюбивы. Объясняется это, вероятно, тем, что гурийцы живут ближе к морю, издавна занимаются отхожими промыслами, между тем карталинцы и др. живут в центре Закавказья и дальше своих насиженных мест не выходили.

Крестьянское движение на Кавказе началось из Гурии, расширяясь постепенно все дальше и дальше, обхватывая все больше и больше крестьян.

Движение это явилось как результат безземелья и нищенства крестьян, с одной стороны, и эксплуатации их разными князьями, полицией и духовенством—с другой.

Подготавливалось оно уже очень давно, начиная с 70-х годов, когда появились первые народники со знаменем культуртрегерства. В каждой деревне были созданы школы, библиотеки, народные чтения и проч. В 80-х годах здесь скрывались революционеры и под разными видами проникали в народные учителя. Они то первые внесли сознание в крестьянскую среду, осмыслили их любовь к свободе и подняли вообще культурность масс. В первое время их появления крестьянам жилось сносно, так как наделы, данные им, удовлетворяли их потребности настолько, что им не приходилось быть в кабале у своих старых князей—помещиков, хотя обойтись совсем без того, чтобы не работать на них они не могли, ибо наделы уж не так были велики.

Но с течением времени, когда семьи крестьян увеличились, ртов стало больше, старые наделы их больше не могли удовлетворять. Чтобы удовлетворить свои насущные потребности, они принуждены были пойти на княжеские земли и закабалить себя. Свои наделы уже почти-что ничего не приносили, а помещичьи земли не давались даром. Пользуясь без-

выходным положением крестьян, князья—помещики—их совершенно забалили. Отныне крестьяне обрабатывали земли и за пользование ими отдавали пол'-урожая и рабочие дни для обработки пол'-урожая и доставки его уже готовым помещикам. Затем за пользование лесом и пастбищами на помещ. земле должны были платить особо. За неисполнение условий подвергались насилию, как-то: заарестованию скота и проч.

Итак, надел, данный крестьянину в эпоху его освобождения, сделав его мелким частн. собственником, уже в 90-х годах оказывается для него ничем и бросает его в ряды деревенского пролетариата.

Несчастный крестьянин, отделавшись от своего эксплуататора-помещика, отдав ему пол'-урожая и рабочую силу, не может еще свободно распоряжаться пол'-урожаем, уже, казалось, его собственностью. Тут является священник и взыскивает поборы, полиция—в виду подвод, ремонта дорог и проч.

Выматывают из него всю душу и отнимают и время и силу. В конце-концов измученный, усталый, когда он хочет посмотреть на результаты своего труда,—он видит, что он работал не для себя, что для него ничего не осталось и день за днем, год за годом он живет в нищете, голодный, напрягая все силы на то, чтобы хотя иметь кукурузный хлеб. Большинство крестьян одним таким хлебом питается круглый год. Вино для грузина то же, что и хлеб. Это его необходимая потребность. И вот, голод уже до того их обнял, что не только остаются без вина, но продают иногда вино будущего урожая. У многих крестьян, чтобы не умереть с голоду, продан урожай за будущие годы.

Экономическое положение гурийцев страшно печальное.

Революционное движение в Баку со времени об'явления высочайшего манифеста 17 октября 1905 года.

Д о к л а д.

Революционное движение в Баку по своему существу двойится, т.-е. имеет двоякий характер: обще-революционный и специфически-рабочий. Этим я хочу сказать, что движение это отличается от движений других местностей России тем, что Баку, как крупный промышленный центр, имеет огромный пролетариат, который организован сравнительно недурно, и тем, что, помимо этого, здесь, в виду имевших место событий, сильно развито обще-революционное движение. Это последнее находит себе место, главным образом, среди интеллигенции, учащейся молодежи и армянской интеллигенции вообще.

Для того, чтобы дать более или менее приблизительную картину обоих форм этого движения, чтобы выяснить степень серьезности его те-

перь, необходимо сделать краткий обзор движения до 17 октября; не касаясь фактической стороны дела, а рассматривая его в общем, я хочу установить те условия, в которых находилось местное «двухликое» движение до манифеста, дабы рассматривать дальнейшее его развитие.

1. Ужасные условия, в которых находился и продолжает находиться бакинский пролетариат, являются главным двигателем к развитию самосознания рабочих масс, толкающих их на революционный путь.

Длинный рабочий день и малая заработная плата, которая при страшной дороговизне продуктов первой необходимости не хватает на более чем скромное существование, а также прочие прелести рабочей жизни дали возможность революционной пропаганде охватить широкие слои местных рабочих, а агитаторам пользоваться самой широкой популярностью и влиянием. Эта популярность и влияние над многотысячными бакинскими рабочими массами, даже над самыми отсталыми и тупыми из них—татарами и персами, нескольких выдающихся талантливых агитаторов социал-демократов—обнаружились в знаменитой декабрьской стачке 1904 года. Успех этой стачки, полное торжество требований рабочих увеличило силу и моральное влияние социал-демократов в глазах рабочих и, можно сказать с уверенностью, что с декабря 1904 года мы видим сильное рабочее движение под руководством социал-демократии, которое теперь лишь принимает массовый характер.

Декабрьская забастовка заслуживает серьезного внимания потому, что местная социал-демократия придает ей огромное значение в отношении привлечения и воспитания масс и еще потому, что в этой забастовке выдвинулись люди, которым суждено играть весьма важную роль в местном рабочем движении. Я говорю о трех братьях Шендриковых, Льве, Илье и Глебе. Трехдневная политическая забастовка, объявленная местными социал-демократическими организациями, удастся вполне. Рабочие, которые раньше и слушать не хотели о «политике», теперь откликнулись на призыв к политической забастовке.

Дальше идет целый ряд частных забастовок под руководством социал-демократии.

Августовские события ¹⁾ сразу лишают многотысячную армию рабочих заработка, имущество их предается огню и грабежу, и является опять почва для острых столкновений между трудом и капиталом.

Рабочие сознательно выбирают на совещания нефтепромышленников в Петербург социал-демократа Льва Шендрикова, рабочих Лазарева и Зайцева. Движение идет широкое, но не интенсивное.

Манифест 17 октября застаёт бакинское рабочее движение при некотором ослаблении, в виду острого положения, созданного Августовскими событиями, из-за которых масса рабочих покинула Баку. Много пе-

¹⁾ Августовские события—вторая арм.-татарская резня; первая была в феврале.
Ред. Колл.

редовых рабочих и интеллигентов было арестовано незадолго перед 17-м октября, так что замечается некоторый упадок настроения.

Общее революционное движение, которое выражается, главным образом, в настроении, было враждебно правительству, хотя это дальше слова не уходило. Даже акт гражданского мужества со стороны инженеров, которые постановили, кстати сказать под давлением и угрозами революционеров¹⁾, не работать, пока им не будет гарантирована личная безопасность, так и остался словами, и сами инженеры нарушили свое же постановление. Учебные заведения не функционировали; учащиеся требовали гарантию личной безопасности. Так называемое общественное мнение было враждебно правительству.

Вот приблизительно та наличность борющихся сил до манифеста 17 октября в Баку.

2. Манифест 17-го октября вызывает революционное движение всех оттенков на улице. Местные социал-демократические организации в бурных двухдневных манифестациях сразу дают тон местной жизни.

Все национальность города Баку с красными знаменами манифестируют по городу, и весь город живет и дышит революцией. Шествие в тюрьму и обратно 18 октября превращается в грандиозное и величественное шествие, невиданное в Баку. Столкновение возле арестного дома 19-го октября застает там женщин с грудными детьми, падающих в ужасе. Все на улице. Шествие армянской революционной федерации «дашнакцутюн» поражает своей красотой и организованностью.

Контр-революция 20-25 октября, сопровождающаяся бесцельными и жестокими убийствами невинных людей, сразу меняет настроение, и обыватели падают духом. Революционеры организуют «коалиционный союз» всех местных революционных организаций «для борьбы с хулиганством». Но все действия общественных сил парализованы.

Такое положение вещей продолжается недолго. Местная социал-демократия, после освобождения многих задержанных здесь в тюрьме и высланных отсюда в Кубу и в Карс, имеет в своем распоряжении большое количество сил, и работа ее становится опять широкой и интенсивной. Происходит слияние местного комитета «Большинства» и «Союза Бакинских Рабочих». Каждый день происходят то районное, то междурайонное собрание рабочих социал-демократов. По воскресениям происходят на всех промысловых районах массовые собрания. Замечается интерес грубых и темных масс (буровых и чернорабочих) к агитации.

Сила и мощь местного социал-демократического движения обнаружилась во время мирного шествия по татарским кварталам в воскресенье 27 ноября²⁾ Многотысячная толпа с белыми флагами во главе, с

¹⁾ К этому времени усилился революционный террор. *Ред. Колл.*

²⁾ Попытки рев. организаций примирить враждующие стороны в период 3-ей армяно-татарской резни. *Ред. Колл.*

большим знаменем с надписью: «Социал-демократы призывают к миру» шла, останавливаясь и слушая ораторов социал-демократов.

Представители татарских имущих элементов, городской голова, члены управы—мусульмане говорили речи на тему, что единственный класс освободитель, могущий предотвратить армяно-татарские столкновения—это пролетариат под руководством социал-демократов. Речи были на мусульманском языке, многотысячная масса мусульман слушала и с энтузиазмом кричала: «да здравствует социал-демократия».

Грандиозный митинг, устроенный потом на Стародумской площади, имел огромное значение и решающее влияние на мусульманские массы. Вообще можно сказать, что день 27 ноября имел колоссальное значение для революционного воспитания мусульман.

Похороны убитых социал-демократов Али-Ягуба и Петра Монтиня также обнаружили влияние социал-демократии. То обстоятельство, что мусульмане после 27 ноября начали относиться к социал-демократам доверчиво, видя, что «почтенные» люди их так относятся (а это у мусульман имеет огромное значение), заставило их реагировать на смерть Ягубова. Местные социал-демократические организации, явившиеся на похороны с венками, оказывая этим почеть убитому, сильно склонили мусульман на их сторону. Похороны Ягуба прошли с большой торжественностью и произвели сенсацию среди мусульман. Это обнаружилось на похоронах Петра Монтиня, похоронах, подобных которым, по словам всех, Баку еще не видел никогда. Достаточно упомянуть, что на гроб Монтиня было возложено 78 венков и что весь город был на похоронах. Мусульмане были в массовом количестве на похоронах и закрывали магазины.

Эти два крупных явления бакинской жизни в революционном отношении были до того значительны и важны, что на них приходится остановиться, говоря о движении за последние три месяца.

Но всё-таки следует оговориться. Эти явления имели скорее влияние на революционизирование широких городских масс. Что касается рабочего движения в строгом смысле этого слова, то там шла своеобразная работа, очень глубокая и серьезная в политическом отношении.

Вернувшиеся с Петербургского совещания депутаты рабочих устраивали массовые собрания, на которых докладывали о результатах своей поездки.

Необходимо напомнить, что Шендриковы со времени успешной декабрьской стачки приобрели огромное влияние на рабочих, и с ними не могли бороться даже местные официальные социал-демократические сферы, которые называли их «дезорганизаторами» за некоторые их действия. 1) Депутат Лев Шендриков, будучи во время октябрьских событий

1) Сведения искажены: соц-дем. партия противилась не созданию Совета Рабоч. Депутатов г. Баку, а влиянию Льва Шендрикова на рабочих, насаждавшего среди них Зубатовщину. В скорости Шендриков был разоблачен, как агент правительства получивший крупную сумму денег от Джунковского для вышеуказанной цели. *Ред. Колл*

в Петербурге и видя действие тамошнего Совета Рабочих Депутатов, по приезде в Баку, приступил к агитации за такое учреждение. Местный Комитет социал-демократов критически отнесся к подобной затее, во-первых, потому, что Шендриков взялся за нее, а во-вторых, потому, что не было выяснено отношение руководящих социал-демократических сфер к этому учреждению, и на страницах Петербургской социал-демократической печати («Начало» и «Новая Жизнь») шла полемика по этому вопросу.

Лев Шендриков, его брат Илья (псевдоним Касьян) и их последователи (Балаханское междурайонное собрание так и называется «Касьяновцами», так как Илья представитель этого района) взялись за это дело горячо. Сначала приступили к выбору заводских комиссий, а эти комиссии в свою очередь выбрали депутатов в образовавшийся Совет Рабочих Депутатов г. Баку. Было выбрано около 200 человек.

Совет Рабочих Депутатов сразу взял в свои руки местное рабочее движение.

Должно заметить, что Совет Рабочих Депутатов имел в своем составе и лиц непримечательных к революционному движению. В том-то и вся сила этого нового учреждения, что оно является истинным представителем самых широких рабочих масс, которые при влиянии сильных агитаторов, как Шендриковы, становятся во главе всех рабочих, в буквальном смысле этого слова...

Совет Рабочих Депутатов, ставя во главе угла экономические интересы рабочих в их борьбе с предпринимателями, при ловкости и умении руководителей, мало-по-малу переходит в учреждение, претендующее на политическое руководство. Оно так и было в действительности. Совет Рабочих Депутатов диктовал условия, объявил всеобщую забастовку, руководил всей жизнью, и ему подчинялись все общественные организации Баку.

Совет Рабочих Депутатов заседал по целым дням, принимал заявления, выслушивал ходатайства, превратился в парламент.

Местная администрация его боялась. Несомненно, что если восстание в Москве окончилось бы более благоприятно для революционеров, то Совет Рабочих Депутатов превратился бы во временное революционное правительство... Он имел для этого все данные, главным образом поддержку самых широких слоев рабочих. Под влиянием неудач России Совет Рабочих Депутатов прекратил всеобщую забастовку. Фактическое руководство массами осталось в его руках, и, надо ему отдать справедливость, он умеет их использовать...

Я счел нужным остановиться на деятельности Совета Рабочих Депутатов, ибо считаю Совет Рабочих Депутатов организацией, которой принадлежит большая будущность в деле направления рабочих масс, и высшей кавказской администрации следует с этим серьезно считаться. Совет рабочих депутатов стоит во главе масс, ибо он действует и идет в унисон

с их экономическими требованиями, он знает нужды рабочих, он чуток к ним—и рабочие ему верят...

Я приближаюсь к концу очерка о рабочем социал-демократическом движении и мне остается сказать по этому поводу следующее.

Рабочее движение теперь идет тихое, так сказать. Широкое движение ведет только Совет Рабочих Депутатов. Движение не вширь, а вглубь ведут официальные социал-демократические комитеты «большинства»—во главе: «Евсей»—Цейтлин—студент, д-р. Окиншевич, заведывающий статистической бюро Совета Съезда нефтепромышленников присяжный поверенный В. Фролов, служащий в Совете Съезда Флеров, Александр Бекзядян (теперь отсутствует, был послан на 4-ый съезд партии делегатом и арестован на ст. Грязи), Нико¹⁾ (лежит теперь в Тифлисской больнице), Алеша²⁾ (грузин, лежит в черногородской больнице), Любовь Бродская, фельдшерница 4-й городской лечебницы, представитель черногородского района Миша³⁾ (еврей), представитель городского района А. Вульфович, Киричкин и др. «Меньшинства» во главе: Шендриковы, Валентин (Влад. Швейцер) Юрий (Андрей Вышинский), Сандро⁴⁾, Галя⁵⁾, Владимир, Свирский (Фишибейн, ведет работу среди солдат) и др.

Армянской социал-демократической рабочей организации: Константин Арушан (студент Одесского университета), Давид Тер-Данилянц (служит в конторе Манташева), Юзбашян, д-р химии (ездил недавно на съезд инородческих социал-демократических организаций в Ригу), Нариман (видный, приехал из Тифлиса), Алекс. Рубен (видный).

Татарская социал-демократическая группа «Гуммет»: Сеид (Мовсумов, ездил недавно в Тифлис на конференцию Кавказского союза), Кязимов, Рафиев, Алиев и др. (ведут работу среди рабочих татар).

Теперь здесь бывший бухгалтер Городской Управы И. Гуковский, бывший член центрального комитета до 3-го съезда партий, приехал из Петербурга.

3. Помимо социал-демократического рабочего движения, в Баку имеет еще движение группы (именует себя комитетом) социал-революционеров. Эта группа не имеет никакого влияния на рабочих, сама по себе очень малочислена, состоит, главным образом, из учеников средних учебных заведений. Группа находится под покровительством родственной⁶⁾ ей

¹⁾ Нико—Павел Сакварелидзе. *Ред. Колл.*

²⁾ Алеша Прокофий Джапаридзе. *Ред. Колл.*

³⁾ Миша—Рохлин. *Ред. Колл.*

⁴⁾ Сандро—Сеид Девдариани. *Ред. Колл.*

⁵⁾ Галя—Тер-Газарян. *Ред. Колл.*

⁶⁾ П. „дашнакцутюн“, хотя и близкая по своей *официальной* программе к п. социал-революц. (аграрн. вопрос), но по всей природе своей была чисто националистической партией, так как, объединяя в своих рядах все слои армянского народа—от рабочих и крестьян до тузов капитализма (российских и заграничных) для достижения своих национальных задач, она тем самым лишена была возможности руководить классовой борьбой трудящихся против капиталистов. В. С.

организации «дашнакцутюн», которая всячески ее поддерживает. Группа не имела никакого значения здесь, но с приездом в ноябре из Петербурга Савелия Раевского (был организатором Василеостровского района), замечательно талантливого оратора, деятельность группы оживляется несколько. Кроме Раевского и студента Одесского университета В. Ризеля у группы нет никаких сил; за последнее время завязала некоторые связи с рабочими (раб. Калинин на электрической силе в Биби-Эйбате).

Арм. рев. фед. дашнакцутюн ведет мало революционную пропаганду, так как занята исключительно армяно-татарскими распрями.

С.-р. и дашнакцутюн находятся во враждебных отношениях с местными социал-демократическими организациями.

Существуют еще татарские революционные организации «Иттифага» и недавно объявившая себя соц.-рев. партия «Эшемс», но первая является боевой дружиной организации с.-д. «Гуммет», а вторая такая незначительная по своему количеству, что о ней говорить не приходится.

4. Еще одна крупная общественная борющаяся сила, замечательная по своему выступлению и своим действиям за эти три месяца—это либеральная и радикальная интеллигенция. Союзы инженеров, врачей, юристов заявили о себе вполне определенно, затем они имеют тесное отношение к революционным организациям.

Останавливаться на мелочах, в которых проявляла себя эта интеллигенция незачем. Более выдающиеся моменты в выступлениях этих союзов следующие.

В союзе адвокатов. Заседание союза в первых числах декабря о всеобщей политической забастовке превращается в грандиозный митинг. Атмосфера горячая. Речи дышат призывом к вооруженному восстанию. Раецкий произносит художественную и сильную речь. Сыплются большие деньги на вооружение. Такого митинга по своей революционности в Баку не было. Во главе союза стоят юрисконсульт Управы Сергей Карлович Вожосек (с.-д., имеет близкое отношение к организации), присяжный поверенный Рыжановский, Шор и др. В союзе врачей. Заседание союза, посвященное вопросу о д-ре Сорокине, и, главным образом, некрасивую роль во время октябрьской резни, также превращается в революционный митинг. Длинная и сильная речь студента Вышинского, обвиняющего д-ра Сорокина, приобретает огромное значение и вызывает весьма сильный революционный подъем. Суд над Сорокиным превращается в суд над правительством.

Во главе союза стоят:

Д-р Варшавский (с.-д.), имеет близкое отношение к организации; д-р Окиншевич (член комитета д. с.) и др.

В союзе инженеров:

Имеются два течения: одно умеренное, во главе с Хатисовым, другое—революционное. Представители второго: Гухман, Гурвич, Яковлев и Старков (имеют близкое отношение к организации с.-д.), также Цейтлин и друг.

В союзе городских служащих:

Направление весьма оппозиционное. Во главе: юрисконсульт Вржосек, помощник его К. К. Бауэр (видный работник с.-д.).

Такова приблизительная картина революционности людей интеллигентных свободных профессий.

5. Из всего того, что выяснилось на основании фактов из жизни Баку за последние три месяца, видно, что рабочее движение в узком значении слова под руководством с.-д. тесно соприкасалось с общереволюционным движением интеллигенции. Мы видим выступающими и оказывающими решающее влияние на собрания врачей, юристов и проч. людей из рабочих организаций. Мы видим, что на всех митингах и собраниях собираются большие деньги на листах с надписями: «на вооруженное восстание». Соотношение этих крупных общественных сил, тесно связанных между собою, оказывает сильное влияние на местную жизнь. Само собою разумеется, что я останавливался на более или менее крупных, заслуживающих внимания, явлениях. Я изложил, в каких формах вылилась деятельность местных организаций и союзов за эти три месяца.

Мне остается сказать последнее слово о том, каково положение дел теперь в вышепоименованных организациях и союзах.

6. Социал-демократическая агитация и пропаганда ведется, как до 17-го октября, конспиративно. Происходят собрания немногочисленные, тайно. Единственное легальное учреждение—это Совет Рабочих Депутатов, который под видом экономической борьбы ведет по-прежнему политическую борьбу. Орган местной социал-демократии—это новая газета «Бакинская Жизнь» выходит под руководством Вл. Родзевича-Белевича (Орест Семин, большевик) и «Пессимиста» (Валентин Швейцер, меньшевик). Деньги организационные. Настроение строго социал-демократическое. Во главе работы находятся вышепоименованные лица (см. выше перечень организации работников). Работа тихая, внутренняя. «Большинство» и «меньшинство» объединены.

Армянская социал-демократическая рабочая организация с каждым днем усиливается на счет «дашнакцютюна». Устроенное организацией «бюро» для безработных армянских рабочих привлекает массу в их ряды, и эта организация, пока еще молодая, имеет здесь будущность. Главари энергичные и умелые работники.

*Татарская социал-демократическая организация «Гуммет».*¹⁾ Находится под контролем Бакинского комитета; сознательных рабочих, конечно, мало, но масса татарская, персидская и лезгинская прислушивается к голосу организации. Имеются даже в составе Совета Рабочих Депутатов депутаты лезгины. Организация часто издает листки. Она, несомненно, имеет будущность. Во главе находятся очень энергичные люди, хотя и без эрудиции, но обладающие большим революционным темпераментом.

¹⁾ Организация „Гуммет“ находилась под влиянием большевиков. *Ред. Колл.*

Социал-революционеры начинают укрепляться здесь, благодаря энергичности Раевского. Большая часть из молодежи и ученичества. На промыслах и заводах связи ничтожные. Их газета «Кавказское Слово», выходящая под руководством Раевского и Ризеля. Самостоятельных выступлений социал-революционеры за все 3 месяца не сделали. Что же касается «дашнакцутюна», то деятельность этой партии не обнаруживается, так как, партия всецело занята армяно-татарской борьбой.

Союзы после так называемой «реакции» совсем себя ничем не проявляют и о них теперь говорить не приходится.

Вот приблизительная картина бакинской жизни, начиная с 17 октября по последние числа января.

Я старался изложить объективно, имея в виду передавать факты и настроения и даже некоторую оценку, но отнюдь не делая никаких выводов. Последнее не является моей задачей и не входит в мою компетенцию, а поэтому я кончаю.

„Южный“.

Баку, 20 января 1906 г.

Обзор противоправительственного движения в гор. Батуме.

Движение в г. Батуме начало возникать и развиваться усилиями Союзного Кавказского Комитета с 1900-1901 г. при помощи интеллигентных представителей их местных жителей и приезжих туземцев-студентов из университетских городов, в особенности Петербурга, Москвы, Киева, где противоправительственное движение носило на себе отпечаток определенной и планомерной системы, при чем в начале движения участвовали исключительно интеллигентские силы всех национальностей: грузин, русских, поляков, армян, евреев.

В основу движения была поставлена цель: поколебать существующий государственный строй, стремясь словесной пропагандой, через посредство более развитых представителей, провести свое учение в среду рабочих батумских керосиновых заводов, других фабрик и портовых, благо число их в живое рабочее время доходит до 7—8 тыс.; но рабочие, вначале не понимая, какие выгоды они получают от перемены существующего образа правления, оставались равнодушными ко всем учениям пропагандистов. Тогда интеллигенция решила развить рабочих путем чтения теории Маркса (Труд и Капитал), политической экономии и учения Дикштейна (Кто чем живет?), придавая таким образом своему учению характер чисто социал-демократический; затем начали разъяснять рабочим пользу борьбы «скопом»; учение начато было с самого крупного завода Бнито, где количество рабочих достигает 2000, а по национальностям грузин около 80%, русских 8%; турок 6%; армян 5% и остальных народностей 5%; с это-

го завода сознательные рабочие организовали кружки и вели пропаганду на других крупных и мелких заводах; например: Манташева № 1 (более 1000 чел. рабочих); Манташева № 2 (более 700 чел.); Хачатурияца (более 500 чел.) и др.

Во главе рабочих стал руководящий орган, именовавший себя в начале «Батумский Революционный Комитет», вскоре переименованный название на «Батумский С.-Демокр. Рабочий Комитет»; в настоящее время рабочие уже настолько усвоили себе смысл движения, что отказались от руководства интеллигенцией и выделились в «Меньшинство», а интеллигенция, в отличие от них, зовет себя «Большинством»¹⁾.

Успешному ходу противоправительственного учения способствовали многие постоянные и случайные причины. К числу первых надо отнести национальный вопрос. В составе рабочих гор. Батума много грузин (в особенности гурийцев), которые, вследствие малоземелья, нежелания обрабатывать землю, бросились на отхожий промысел и по натуре своей пылки и падки на всякую новинку, в особенности заманчивую в пропаганде, когда им старались внушить, что можно оттянуть от богачей все их достояние без всяких усилий; заманчиво было и то сознание, что они рабочие—сила и, как таковые, они могут достигнуть всего, чего только ни пожелают; основываясь на этом, они и начали ряд требований от заводчиков, которые сводились к уменьшению рабочего дня и увеличению заработной платы, и довели свои требования в последнее время до того, что их домогательства вышли далеко за пределы разумного и скорее похожи на грабеж; в виду непомерных требований, все заводчики принуждены были закрыть заводы, и в настоящее время город омертвел, а все рабочие остались безработным пролетариатом, который отчасти раз'ехался по деревням, а другая часть обратилась к грабежам учреждений и лиц, вымогательствам через угрожающие письма, прикрываясь именем Комитета, при чем, как туземцы, каждые свои требования сопровождают угрозами, убийствами, каковые и приводят в исполнение. Эти то угрозы и создали тот террор, который в руках грузин служит могучим орудием, чтобы добиться своего. По этим причинам остальные национальности, пропорционально гораздо меньшие, должны примыкать к ним, никто не смеет выдать виновных в чем-бы то ни было лиц, нет свидетелей, немислимо подыскать сотрудника. Благодаря террору все население гор. Батума так тревожно настроено, что достаточно пройти по торговому ряду оборванному туземцу мальчишке и произнести слово угрозы закрыть магазины, как тотчас же огромный магазин закрывается, а по его примеру и все. Этим «Батумский Комитет» широко пользуется и уже 2 раза мертвил город закрытием всех магазинов, хвастаясь затем в своих прокламациях, что общество сочувствует общему движению и потому никто из

¹⁾ „Большинство“—были легальные группировки рабочих вокруг воскресных школ, руководимые интеллигенцией, а „меньшинство“—подпольные рабочие кружки.

торговцев не пожелал открыть магазины, когда полиция это требовала.

Способствовали движению некоторые директора и управляющие заводов, так, например, настоящий директор завода «Бинта» Гьон; как француз, республиканец, он в душе не сочувствовал идее самодержавия и все заявления рабочих старался удовлетворить келейно без всякого вмешательства властей; как сочувствующий освободительному движению, он покрывал виновных, принимал к себе административно-высланных из др. городов, которые были большим злом, как организаторы всех забастовок и демонстраций, никогда не выдавал властям прокламаций, которые в большом количестве обращались среди рабочих. Такая первоначальная уступчивость Гьона в виду коммерческого соревнования заставила и других управляющих пойти на уступки. Но, к сожалению, уступчивость администрации, рабочими, по наущению пропагандистов, была истолкована, как ее слабость, и когда промышленники пытались проявить твердость, тогда уже понадобилось вмешательство администрации, собственно уже в то время, когда зло пустило глубоко свои корни.

Администрация всех видов первоначально не уловила симптомов начинающегося противоправительственного движения, а заметила это явление, когда оно вылилось в демонстрацию, которая имела место в 1903 г. в г. Батуме; по этому и вышло так, что хватали только рядовых демонстрантов, а главари ускользали потому, что регистрации в г. Батуме и предместьях—Барцхане и Слободе Холодной, где преимущественно проживали рабочие и где велась пропаганда, никакой не существовало, как не существует ее и поныне. Все действуют врозь, нет и тени взаимной, дружной работы. В этом отношении ярким примером может служить теперешний полицеймейстер г. Батума капитан Чиковани, который хвастается своим обширным молочным родством, полезным в том отношении, что он все знает, а между тем он ни разу за $1\frac{1}{2}$ года не дал ни одного полезного указания, никто не был обнаружен из нелегальных, решительно нет никакой возможности получить справку через полицию, где проживает данное лицо; ответ один—не розыскан.

Движению способствовало и помогает землячество и родство туземцев. Вся полиция, кроме одного пристава и помощника полицеймейстера, туземцы. Управа наполнена туземцами; словом, пропагандисты и участники организации быстро устраиваются на местах, приобретая легальное положение, а благодаря землячеству успешно работают, уверенные, что земляк, хотя-бы и пристав или иной кто из администрации, их покроет, так как или побойтся угроз, или-же сам, как и все туземцы, надеется когда-нибудь при помощи освободительного движения, добиться отделения от России. Чувствуется необходимость хорошего, честного и русского состава полиции; правда, незнание языка сильно тормозит работу, но можно приобрести надежных переводчиков.

Случайные причины, как-то: война, целый ряд назревших и обсуждаемых в печати реформ, также значительно повысили деятельность Батумской с.-демокр. рабочей организации и проявления ее в г. Батуме; к движению примкнули и учащиеся. Кроме того, когда в г. Батуме, в виду сильного движения и террора, было введено военное положение, то население совершенно в нем разочаровалось, так как присутствие генерал-губернатора не только не уменьшило зла, а как будто наоборот; так, например, с разрешения генерал-губернатора, собирались митинги (ветеринарный врач Вартаньянц) в Городской Управе, на которых, несмотря на предупреждения розысского органа, что на них обсуждаются не нужды рабочих и населения, а говорят о свержении самодержавия, все-таки таковые продолжали собираться. По примеру их начали в самой Управе собираться приказчики, прислуга и мастеровые всех видов, тоже якобы для обсуждения своих нужд, а в действительности кричали: «Долой самодержавие!»

Благоразумная часть населения открыто говорила, что жизнь и имущество никем не обеспечиваются, что военное положение существует только на бумаге на заборах, а власти бессильны; чувствовалось какое-то шатание, нерешительность. Если сегодня агитатора извлекают и сажат под стражу, то завтра его выпускают на свободу; борьба с революционным движением для розысского органа становилась как-бы бесцельной, вследствие толкования прокуратурой и следственной властью нового Уложения в тех случаях, когда приходилось устанавливать факт—хранило-ли данное лицо литературу с целью распространения, или нет, что таковая хранилась не с целью распространения, ибо не было данных установить таковое.

Со стороны казалось, что власти не желали использовать в полной мере ту власть, которая им предоставлена, а широко толковали либеральную точку зрения, полагая, что в настоящее время более полезно умиротворить население гуманными мерами, чем репрессиями, а между тем, темные силы продолжали действовать террором и насилием, отчего остальное благонамеренное население перестало верить в законность, силу администрации и громко говорило, что защитить их некому.

В это самое время усилие пропагандистов было направлено на железную дорогу, чтобы уменьшить доходы казны и войска, чтобы их привлечь на свою сторону и сделать безвредными в тех случаях, когда они вызываются для подавления народных беспорядков; сторонников они завербовали довольно много. Все время грузинская партия клеветает на казаков, уличая их в кражах, а в последнее время уже пытаются печатной пропагандой привлечь их также на свою сторону.

Армяне рабочие также примкнули к рабочему движению, но все остальные армяне, интеллигенция, особенно подняли голову, когда у них отняли церковные имущества; в настоящее время этот вопрос уже утратил острый характер, но они все время стараются помочь своим собрать-

ям в Турции и все время заняты транспортировкой оружия в армянские центры: Эривань, Александрополь и др., где, повидимому, формируются дружины и отправляются в Турцию. В самое последнее время замечается большое количество груза оружия для Гурии и др. частей Кавказа, которое отправляется из-за границы и русских заводов; оружие и патроны в большом количестве уворовываются в войсковых частях.

Батумский Комитет Р. С.-Д. Рабочей организации, начиная с 1-ой половины января этого года, стал проявлять свою деятельность агитацией против войны, распространив по этому поводу воззвания, озаглавленные «Правда о войне», изд. Центрального Комитета, затем неудовольствием заводских и портовых рабочих, которые устроили демонстрацию 14 января этого года, подогреваемые выпущенными воззваниями «Товарищи», изд. Батумского Комитета, в которых говорилось, что международная социал-демократия ставит себе целью захватить политическую власть в свои руки, овладеть орудиями производства и передать в руки социалистического государства. В обращении в среде рабочих в это время были замечены воззвания «Политическое обозрение» (перепечатка из № 2 «Социал-демократ»), в которых говорилось, что рабочим нужна «республика» и всенародное учредительное собрание.

Но более крупным проявлением противоправительственное движение выразилось в период времени с 24 по 31 января этого года, когда все рабочие забастовали, а лавки насильно были закрыты, чем руководили печатные воззвания, озаглавленные «К обществу», изд. Батумского Комитета, в которых говорилось: «Пусть по всему Закавказью, от Черного до Каспийского моря, замрет на несколько дней вся жизнь»... В это же время портовые рабочие требовали: установления рабочего дня с 6 час. утра до 4 час. вечера и др.; служащие в конторах Русского Общества Пароходства и Торговли и транспортн. «Надежда» требовали увеличения содержания.

26-го января в Батумской мужской гимназии произошли беспорядки с изорванием портрета его величества, а затем забастовка, при чем 22-го февраля в здании гимназии перед городским головой кн. Андрониковым заявили о следующих своих требованиях:

1. Свободно посещать театр.
2. Добровольно посещать церковь.
3. Ограждение личности воспитанников от произвола полиции и казков.
4. Освобождения всех товарищей из тюрьмы.
5. Уменьшения платы за правоучение.

В обращении среди рабочих, обывателей г. Батума, а также в войсках замечались противоправительственные воззвания, озаглавленные: «Бюллетень № 9», в котором говорилось о всех предыдущих событиях; конечно, деятельность администрации и причины движения были искажены; «Ко всем народам Кавказа,» изд. всех сборных Комитетов; в этом воз-

звании все народы призывались к борьбе за освободительное движение.

В конце февраля этого года завод «Бинто» был совершенно закрыт; принятыми мерами со стороны администрации, а главным образом, благодаря войсковой вооруженной силе, которая приняла на себя охрану города, тревожное настроение в городе начало затихать, но рабочие завода «Бинто» постановили выждать, пока завод не будет открыт, а тогда они постараются добиться результатов всех своих требований. С 9-го марта наблюдались в гор. Батуме сходки лакеев, прислуги, мастеров и мастериц всех видов, которым Комитет внушил добиться повышения заработной платы и уменьшения рабочих часов, вежливого с ними обращения, лечения хозяевами и т. д. С начала апреля этого года в обращении среди рабочих и в войсковых частях стали появляться воззвания «К солдатам», изд. Союзного Комитета, и «Что выяснилось», а в ночь с 16 на 17 апреля, в городском соборе, на пасхальной заутрене с хор были разбросаны воззвания, озаглавленные «К гражданам» и «В бой за свободу»; в них проводилась мысль, что нужна революция, что пролетариат является предводителем революции; в апреле ожидалась забастовка на заводах Манташева и в порту, чтобы потребовать открытия завода «Бинто», но армяне, как преобладающие числом, к этому не примкнули. В составе рабочего Комитета замечаются: сами рабочие из туземцев, при этом более развитые; выгнанные из семинарий (Тифлисской и Кутаисской) семинаристы, бывшие студенты, административно высланные под надзор полиции.

В составе Комитета «Большинства» ¹⁾ (интеллигентов) состоят: врачи, торговцы, служащие в конторах, учителя низших школ. Кроме социал-демократических Комитетов Большинства и Меньшинства, в г. Батуме возникли организации: социалистов-революционеров, куда входят бывшие воспитанники средних и высших учебных заведений, служащие на заводах и др. профессий; федералистов-революционеров; в состав Комитета этой организации входят служащие: в Управе, в конторах, например «Надежда», один врач и занимающийся адвокатурой.

В распоряжении последних двух организаций имеются боевые дружины, которые состояются из отчаянных головорезов, которые и выполняют убийства отдельных административных лиц. Задачи обеих организаций в общем одни и те же, так как они борются с настоящим режимом путем террора, но федералисты добиваются отделения народностей от Русского государства с предоставлением каждой из них своего самоуправления, а убийством должностных лиц стараются уменьшить служебное рвение в других, в особенности если они проявляют энергию в борьбе с противоправительственным движением.

¹⁾ См. примеч. на стр. 119.

В. Н. У.

Военный Губернатор

Батумской обл.

№ 2236.

5-го декабря 1905 г.

гор. Батум.

Наместнику его императорского величества на Кавказе.

Р а п о р т.

Доношу вашему сиятельству, что в ночь с 29 на 30 ноября в городе Батуме вспыхнуло открытое восстание населения против правительства, выразившееся в следующих враждебных действиях.

События шли так. В час ночи на 30-ое ноября 60 вооруженных туземцев ограбили цейхгауз полицейского управления, откуда похитили 10 ружей, несколько револьверов и патронов.

Группы вооруженных людей от 10 до 15 человек ночью и утром вламывались в частные квартиры и, угрожая убийством, отбирали оружие.

Вокзал железной дороги был оцеплен 150 вооруженными мятежниками, при чем жандармские унтер-офицеры сдали им без сопротивления 19 казенных револьверов, 7 револьверов частного образца, 3 кинжала, 13 укороченных берданок и 113 казенных шашек.

Одна подобная группа мятежников погналась за проходившим по делам службы близ казарм Лабинского полка казаком этого полка и открыла по нем стрельбу, а затем вступила в перестрелку с казаками, избежавшими из казарм на выручку товарища.

Другая такая же группа обстреляла безоружных нижних чинов Херсонского полка, стоявших близ казарм.

Из окна одного из домов брошена была бомба, взрывом которой ранен прапорщик Херсонского полка Дундук и трое нижних чинов того же полка.

На Мариинском проспекте, Нурийском базаре, Святополк-Мирской, Михайловской и многих других улицах, одновременно, как-бы по сигналу, стали возводиться баррикады, часть которых тотчас-же была занята вооруженными людьми, производившими повсеместно стрельбу по выставленным для противодействия войскам.

Одновременно с этим большое число вооруженных людей заняло здание городского самоуправления, во дворе которого были сложены ручные бомбы. Кроме того, вооруженными мятежниками были заняты все бойницы на крышах соседних базарных рядов Нурии и прилегающих улиц, которые были забаррикадированы ящиками, бочками и поваленными телеграфными столбами, а из телеграфных и телефонных проводов устроены проволочные заграждения.

В то же время со всех сторон города стали стекаться к городской больнице большие толпы вооруженных людей, где был, повидимому, назна-

чен сборный пункт для резервов. В 1 час ночи около 60-ти вооруженных туземцев ограбили квартиру полицеймейстера, откуда было взято 11 ружей, несколько револьверов и кинжалов.

Сверх того, днем на разных улицах появилось несколько санитарных отрядов, организованных при городской больнице и жителями. Значительность этих отрядов и одновременное их появление указывают на ожидавшееся крупное столкновение с войсками. Достоин внимания, что все участники этих отрядов, не принадлежащие к организации Красного Креста, были в изобилии снабжены эмблемами Красного Креста. Видимо, отряды эти давно готовились к их роли в открытом народном восстании.

Вслед за всеми этими приготовлениями и начавшейся еще с вечера 28-го ноября общей забастовкой, а также бесцельной стрельбой, производимой мятежниками в целом городе, 30-го ноября ими было сделано открытое нападение на прибывших в Батум безоружных запасных нижних чинов Мингрельского полка, которые сами, докатив с товарной станции еще с утра вагоны с своими вещами к пристани Русского общества пароходства и торговли и к форту Бурун-Табие, расположились в них в ожидании дальнейшей их отправки. Такое (бессмысленное и дерзкое) нападение возмутило названных запасных и они обратились сейчас же с просьбой к военному начальству об отпуске им винтовок и патронов для ограждения себя и крепости от нападения мятежников.

Просьба запасных нижних чинов была принята военным начальством с радостью, вследствие крайней малочисленности гарнизона крепости, не внушавшего к тому же поведением предшествовавших дней особого к себе доверия, за исключением незначительных по числу пехотных частей. Что же касается двух сотен казаков Лабинского полка, то их решено было в этот день вовсе не выпускать из казарм, так как против них, главным образом, и было направлено все озлобление революционной части населения города. Подробности этого обстоятельства излагаются мною ниже.

Как только было передано вооружение запасным нижним чинам в числе 100 человек, они моментально приступили к обстрелу ближайших баррикад и толпы мятежников, открывших по ним стрельбу, после чего вынудили их очистить все улицы, выходящие на площадь Азизие. Весть о нападении мятежников на запасных нижних чинов разнеслась по всему гарнизону и сейчас же вызвала в остальных солдатах сильное озлобление и небывалый за последнее время подъем духа. Офицеры с трудом удерживали их от бесцельной стрельбы, а запасные прекратили стрельбу только тогда, когда убедились, что они обезопасили вполне себя и форт Бурун-Табие от дальнейших нападений мятежников.

Обращаясь за сим к наблюдавшемуся после этого настроению мятежников, нужно отметить, что на них произвело ошеломляющее впечатление то обстоятельство, что гарнизон крепости, а главное, запасные нижние чины, вследствие, повидимому, роковой для них случайности, не

только не перешли, как этого они ожидали, на их сторону, но даже оказали им решительный отпор.

Тем не менее они не прекращали своих действий, продолжая возведение баррикад, порчу телеграфа и телефона в различных пунктах города, а также стрельбу из огнестрельного оружия и бросание бомб. Никакие мирные меры не могли остановить дальнейших безрассудных и дерзких действий мятежников, которые, по всем данным, все же собирались перейти к открытому нападению на правительственные учреждения, казаков, форты крепости и должностных лиц. Эти решительные действия откладывались ими на ночь, когда малочисленный гарнизон крепости, утомленный тяжелым дневным нарядом и застигнутый врасплох, не в состоянии был бы оказать им надлежащего сопротивления, а может быть перешел бы на их сторону. Усмотрев из всей этой тяжелой обстановки, а также из ряда предшествовавших этим событиям фактов, что ожидать успокоения мятежников и достигнуть путем уговоров или менее мягких мер какихнибудь желательных результатов в смысле хотя бы даже безопасности большей части благомыслящего населения нельзя, военный губернатор области обратился к коменданту крепости генерал-майору Пожидаеву сперва с просьбой, а затем, узнав о его колебании, с личным и настоятельным требованием объявить крепость, в виду мятежа не только городского, но и окрестного населения ее, в осадном положении, а вместе с тем просил его приступить к более решительным действиям с мятежниками.

На состоявшемся в тот же день военном совете у коменданта Михайловской крепости по обсуждении общего настроения населения и производимого им мятежа было признано единогласно необходимым объявить крепость в осадном положении и с утра 1-го декабря приступить к решительным действиям с мятежниками, нарушившими свое честное слово, данное ими военному губернатору и коменданту крепости в том, что в течение трех дней и, во всяком случае, до возвращения городского головы и подполковника Мдивани, отправившихся 28 ноября к наместнику с просьбой об уводе из Батума двух сотен Лабинского полка в виду приписанной им резни мирных граждан в ночь на 28-е ноября, не произвести никаких беспорядков в городе.

При всем этом было признано целесообразным предложить мятежникам и населению города следующие требования под угрозой немедленно приступить к открытым действиям против них в случае неисполнения таковых требований, а именно:

1. Немедленно снять забастовку.
2. Восстановить телефонное сообщение между военными начальствующими лицами и частями войска.
3. Освещать улицы электричеством в течение всей ночи.
4. Выдать властям бросившего бомбу в прапорщика запаса Херсонского полка Дундука и трех нижних чинов того же полка.

5. Немедленно возвратить все оружие, отнятое у нижних чинов гарнизона и полицейских чинов, а также у частных лиц.

6. Немедленно приступить к снятию баррикад и других заграждений.

Пункты 1, 2, отчасти, 3, 6 этого требования были выполнены мятежниками, при виде полевых орудий и гарнизона в полной готовности, вполне добросовестно, и мирная жизнь в городе восстановилась 1-го декабря настолько, насколько это было возможно после бывших беспорядков. Что же касается пунктов 4 и 5 требования, то таковые еще не выполнены ими и, по всем данным, нужно предполагать они без каких-нибудь более серьезных мер выполнены ими не будут. Между тем, игнорировать неисполнением со стороны населения этих требований не представляется желательным, так как, главным образом, оставление усовершенствованного огнестрельного оружия и громадного количества бомб в руках столь мятежно настроенного населения может вызвать с его стороны повторение такого же мятежа, но с лучшей подготовкой и с последствиями более тяжелыми, чем те, которые имели место в настоящем случае. Кроме того, эта мера будет иметь и громадное моральное значение для мусульманского населения области, часть которого, а именно Кинтришского участка, находится в состоянии полного вооруженного восстания и открыто прикнула к мятежникам, а другая часть, главным образом аджарцы, не принимает пока, впредь до выяснения более слабой стороны, какого-нибудь определенного решения.

Положение мое и администрации города Батума и Кинтришского участка прямо безвыходное. Чины городского полицейского управления, предъявив мне протест, представленный вашему сиятельству через генерал-майора Ширинкина (отзыв мой от 14 ноября 1905 года за № 2109), не проявляют решительно никакой полезной деятельности, за исключением нескольких городских и самого полицеймейстера. Помощник полицеймейстера после полученных им ран еще не оправился, да и едва ли будет в состоянии служить в городе Батуме, так как служба его в этом городе будет иметь последствием новое покушение на его жизнь, к сожалению, ничем положительно не объяснимое, кроме его исполнительности, усердия и честного отношения к делу.

Что же касается положения дел в Кинтришском участке, то на бывших там митингах 18 ноября в Кобулетах, а 19 ноября в Чакве население его открыто перешло на сторону мятежников и поголовно восстало, сформировав целые вооруженные отряды и сделав попытку захватить полуроту пехоты и 15 человек казаков в Чакве, но благодаря во время принятым мерам и подоспевшему из Кобулет подкреплению этим соединенным силам удалось отступить благополучно к крепости.

Некоторые полицейские стражники Батумского окружного управления, разгонного поста его, Кинтришского участка и Аджарисцкальского поста перешли на сторону мятежников, а часть их бездействовала, укрываясь в частных помещениях. Только после объявления крепости в осад-

ном положении, убедившись в силе власти, за малым исключением, они вернулись с раскаянием обратно.

В этом случае считаю нужным отметить, что отсутствие должности инспектора стражи, штатами Батумской области не предусмотренной, весьма вредно отражается на успехах службы стражников и офицеров их, которые лишены столь необходимого для них руководителя и ближайшего защитника зачастую справедливых их претензий. Незначительность штатов вообще чинов области лишает меня возможности возложить на кого-нибудь эту обязанность.

Находя, что такое положение вещей требует принятия самых неотложных мер, я предполагаю исключить приказом своим почти весь штат батумской полиции и открывшиеся таким образом вакансии предполагая заместить совершенно новым элементом, преимущественно нетуземного происхождения, который, несмотря на свою малочисленность, может занять вполне твердое положение в своей будущей деятельности, так как, несмотря на возможные интриги со стороны уволенных чинов полиции, таковые легко могут быть парализованы содействием коменданта крепости с объявлением в городе осадного положения.

В отношении же возмущившегося населения Кинтришского участка мною объявлено через некоторых влиятельных лиц из мусульман, чтобы немедленно мне были доставлены все зачинщики и главари и все оружие, которое было взято ими из участкового управления, и также внести все налоги. В случае неисполнения этого требования, я приказал объявить населению, что явлюсь туда с воинской частью и заставлю их силою оружия повиноваться этим требованиям. К сожалению, до сих пор требование мое не исполнено, а возмущение разрастается, благодаря еще деятельности примкнувших к ним батумских вооруженных мятежников, бежавших из города после объявления осадного положения.

Конечно, эта крайняя мера, к которой я прибегну с большой выдержкой в том предположении, что население этого района придет в себя от ужасного заблуждения, навеянного ему со стороны людьми чуждыми ему, использовавшими с целью смуты материальные невзгоды его повседневной жизни, темноту и некультурность его, забывшими или не знавшими, что всякий такой мятеж для мусульманина есть не только преступление перед властью преобладающей и законами, но и грех перед богом и учением пророка. На этом основании я жду поворота мысли и настроения этих безумцев и употреблю все средства к умиротворению эксплоатированного с агитационной целью, чуждого вообще смуты, населения Кинтришского участка и только в случае дальнейшего его упорства и открытого какого-нибудь насилия перейду к решительным мерам.

Обращаясь за сим к описанию всех событий, кроме вышеизложенных, предшествовавших объявлению крепости в осадном положении и ясно указывающих на то, что население само систематически подготавлилось к вооруженному восстанию и выжидало только удобного случая

для начатия его, позволю себе обратить внимание вашего сиятельства на следующие происшествия: 13-го ноября в 7 час. 20 мин. вечера неизвестными злоумышленниками было похищено из квартиры жандармского ротмистра Стано на Мариинском проспекте три ружья разных систем, два кинжала, два револьвера системы Нагана и браунинга и азиатская шашка.

17 ноября в районе 2-го полицейского участка на углу Фонтанной и Мингрельского переулков у проходившего городского 5 участка три туземца выхватили револьвер из кабура с такой силой, что револьвер сорвали с кольца и затем скрылись.

Того же числа у старшего городского 2-го участка Хавтаси в духане Санадзе на Дундуко-Корсаковской улице был похищен казенный револьвер.

19 ноября из вагона на Батумской товарной станции похищено 3 пуда 30 фунтов динамита и 500 капсюлей.

20 ноября из 1-го полицейского участка исчезли две берданки. Кража эта, повидимому, совершена с ведома полицейских чинов участка.

22 ноября сделано нападение на 3-й полицейский участок, в котором находилось только двое городских русских, а остальные находились в наряде в театре. Здесь четверьмя вооруженными туземцами было похищено 4 берданки, а у дежурного городского отобран казенный револьвер. Тогда же военным губернатором немедленно было сделано распоряжение об отобрании из полицейских участков всех винтовок, служивших ранее для вооружения дворников, для чего и был выслан раз'езд казаков, который и отправился с этой целью во 2-й полицейский участок. Там казаки застали другую шайку, ограбившую участок и взявшую оттуда 4 берданки, один казенный револьвер и 32 штуки патронов. Во время перестрелки один грабитель был тяжело ранен казаками и при нем найдена была часть награбленного оружия.

Во все последующие дни во всех частях города замечались группы вооруженных людей, отбиравших под угрозой смерти по квартирам частных лиц оружие.

27-го ноября в час пополудни на углу Набережной улицы и Фонтанного переулка в районе 2-го участка семью вооруженными туземцами было сделано нападение на городского Скринского и отобран у него казенный револьвер.

Того же числа четыре туземца напали на Базарной улице на городского Дорошева, нанесли ему побои и отобрали казенный револьвер.

Того же числа группой вооруженных туземцев отобран револьвер у стражника Куприенко.

Того же числа около 8 часов вечера неизвестные злоумышленники, отворив двери камеры следователя 3-го Батумского участка высевшим возле двери ключем, вошли туда, взломали шкаф и оттуда похитили 3 берданки и два револьвера.

28-го ноября около 6 часов вечера в районе 4-го полицейского участка на Кладбищенской и Ардаганской улицах обнаружено было 7 человек убитых и 4 раненых. Убиты и ранены все они холодным оружием, по видимому, кинжалами. На некоторых трупах обнаружено до 15 кинжальных ран. Эти убийства населением и некоторыми очевидцами приписаны были казакам, которые, по их указаниям, ходили толпой в 60 человек в этом районе и производили резню в отместку будто-бы за отобранную утром насильственным образом у одного из казаков хулиганами винтовку. Получив эти сведения по телефону, военный губернатор немедленно приказал проверить наличие сотен; и все люди оказались налицо. Осмотр холодного оружия у казаков привел к тому заключению, что раны таковыми не наносились.

Высланный немедленно раз'езд с ад'ютантом полка, а также выехавшие на место происшествия помощник военного губернатора полковник Языков и начальник штаба Михайловской Крепости подполковник Мдивани присутствие казаков в этом месте не обнаружили. Помимо того, высланный к полицеймейстеру в полицейское управление раз'езд из трех человек за некоторое время до приводимого происшествия вернулся сейчас же обратно в казармы, доложив, что старший городской, бывший при управлении, по приезде их туда, посоветовал им вернуться обратно, так как около полицейского управления рыщут какие-то туземцы, которые собираются, по видимому, напасть на них в виду их малочисленности и отобрать от них оружие.

По мнению военного губернатора, нет никаких оснований заподозрить казаков в этих убийствах как в виду вышеописанного, так и в тех соображениях, что незаметное исчезновение такого количества людей из сотни положительно невозможно. Тем более невозможно также быстрое их возвращение в сотню, так как происшествие это вызвало сильную тревогу в населении, и сейчас Комитетом был назначен митинг, который объявил общую забастовку, впредь до увода казаков из Батума, а вместе с тем постановил, в случае неисполнения властями этого требования, уничтожить казачьи сотни. Этот ультиматум митинга был передан воен. губ. через уполномоченных в крайне дерзкой и неприличной форме, а на следующий день к нему явились городской голова, князь Андроников, член Управы Вольский, которые, описывая страшное возбуждение, охватившее граждан, просили всеми мерами содействовать уводу казаков, так как население в противном случае само перейдет к насилиям в отношении казаков. Генерал Паркау объявил им, что самое строжайшее расследование относительно казаков будет произведено, о чем он лично ходатайствует перед начальством казаков, но что увод их из Батума зависит вполне от усмотрения наместника е.и.в. на Кавказе и коменданта Михайловской Крепости. Отправившись после этого к коменданту Крепости, где был собран военный совет для обсуждения дальнейших мероприятий, которые необходимо было принять в виду столь обострившихся

отношений населения и казаков, а также угрожающего положения вообще в городе в виду обнаруженного поголовного вооружения населения в предшествовавшие дни, военный губернатор, как и многие другие, приходил к такому заключению, что необходимо усилить гарнизон крепости, так как с наличными силами, при крайне ненадежном настроении части нижних чинов, поддержание порядка в крепости и в городе представлялось невозможным. К этому времени к коменданту явились городской голова князь Андроников и член Управы Вольский, которые, попросив отдельной у него аудиенции, предложили ему постараться успокоить взволнованных участников митинга, но при условии увода из города казаков.

После совместного обсуждения такого их предложения в военном совете было решено, что предложение их приемлемо, но с тем, чтобы немедленно была прекращена забастовка, а что ходатайство горожан об уводе казаков при заключении коменданта будет отправлено к наместнику через подполковника Мдивани и князя Андроникова, до обратного возвращения которых никакие враждебные действия со стороны комитетов не должны предприниматься. Городской голова князь Андроников дал честное слово, что в течение 3-х дней и во всяком случае до его возвращения из Тифлиса никаких беспорядков в городе не будет.

В тот же вечер уехали в Тифлис князь Андроников и подполковник Мдивани, а на следующий день в Батуме началось вооруженное восстание, при чем главными местами сборищ были Городская Управа и городская больница.

Взвешивая все данные, имеющиеся у генерала Паркау по поводу резни, бывшей вечером 28 ноября, он приходит к тому предположению, что вся эта резня, неизвестными лицами произведенная, могла быть делом тех же революционеров, которым присутствие казаков при некотором шатании умов остального гарнизона было нежелательно. Такое предположение допустимо еще потому, что все убитые и раненые принадлежат к числу сутенеров и лиц самой темной деятельности; таковые лица при жизни своей компрометировали не раз революционеров; так, лица эти, совершая различные бесчинства и грабежи, прикрывались флагом революционеров и их комитетов. Таким актом революционеры, считающие все средства хорошими, добивались убийством этих лиц двух целей одновременно: наказание виновных и устранение казаков.

К изложенному считаю нужным присовокупить, что лично я, не доверяя честному слову князя Андроникова, видя их постепенное приготовление к мятежу, на основании п. 12 инструкции о правах и обязанностях военных губернаторов, 29-го октября вызвал из Артвина 400 пластунов 1-го Кубанского пластунского батальона, которые и прибыли в Батум 3-го сего декабря.

Подписал: военный губернатор, генерал-майор Фон-Паркау. Скрепил: И. Д. правителя канцелярии Маут.

С подлинным верно: И. Д. правителя канцелярии (подпись).

К статье М. Суворовой-Федоровой: „1905 год в Тифлисе“.

П о п р а в к а :

В виду вкравшейся в статью ошибки в освещении революционной деятельности тов. Саши Гегечкори, автор вносит поправку в главу «Покушение на казаков», в которой говорится, что т. Гегечкори участвовал в ряде экспроприаций. Здесь имеет место перепутанность фактов, вызванная крайней спешкой, с которой писалась названная статья.

Тов. Саша Гегечкори, участвовавший в террористических актах, которых насчитывается до сорока, принимал не менее деятельное участие не в эксках, а в неоднократном освобождении политических заключенных из под конвоя на улицах Тифлиса. Между прочими, освобожденными при его непосредственном участии, помнится имя тов. Гаспаров. Имена же других освобожденных будут указаны в имеющей выйти в свет моей книжке: „История Верийской группы террористов“, руководителем которой был тов. Саша Гегечкори, и в которую входили все т. т. участники покушения на казаков в сентябре 1905 г.

Т. т., знающих, что-либо о жизни и деятельности как этой группы в целом, так и отдельных членов ее, прошу сообщить мне лично или письменно по след. адресу: *Тифлис. Кочубеевская ул., д. № 11, кв. 3. М. А. Федоровой.*

Очень хорошо было бы, если отозвались и сами бывшие члены этой группы.

Опечатка: Покушение на казаков было не в октябре, а в сентябре.

Тов. Сартания ошибочно назван Васо; речь идет о Ефиме Сартания. Тварадзе не Васо, а Вано.

М. Суворова-Федорова.

О г л а в л е н и е .

	Стр.
1. <i>Предисловие</i> . 1905 год и Закавказье. Ред. Колл.	3
2. <i>С. Талаквადзе</i> . 1905 год в Грузии. (Направление и движущие силы революции)	5
3. <i>М. Суворова-Федорова</i> . 1905 год в Тифлисе.	9
4. <i>С. Дolidze</i> . 1905 год на Зак. Жел. Дорогах	49
5. <i>В. Атоев</i> . 29 августа 1905 г. в Тифлисе.	53
6. <i>П. Джанашия</i> . Вооруженное восстание в Сочи в 1905 г. «Сочинская республика»	56
7. «Сочинская республика» сквозь призму деятелей из союза русского народа.	69
8. <i>Ладо Думбадзе</i> . Мои первые шаги подпольной работы в Батуме (1901—2 гг.).	75
9. <i>С. Киладзе</i> . Гурийское крестьянство в революционные 1901—1905 гг.	83
10. <i>В. Светлова</i> . Арсен Джорджиашвили	92
11. <i>С. Фарашиян</i> . Воспоминания о тюрьме и каторге (1904—1905 гг.).	95
12. <i>Архивные материалы</i> . (Сообщила <i>В. Светлова</i>)	101
1. Смерть террористов Вассера и Марцвалова (по донесению агента охранного отделения)	101
2. Жандармский очерк истории возникновения революц. движения в Закавказьи	103
3. Жандармский обзор событий в Баку в 1905 г.	110
4. Жандармский очерк истории возникновения революц. движения в Батуме.	118
5. Донесение военного губернатора Фон-Паркау наместнику Кавказа о вооруженном восстании в Батуме в 1905 году.	124

В сборнике помещены портреты погибших борцов революции 1905 г. в Тифлисе: *Арсена Джорджиашвили, Вассера, Марцвалова и 9-ти рабочих, убитых в Нахаловке.*

Закавказская Контора

Тифлисское Отделение

Государственный Музыкальный Трест Наркомпроса Р.С.Ф.С.Р.

„МУЗПРЕД“

Объявляет что: вышли из печати и продаются ноты Музыка Андрея Карашвили. 1. Самшобло с текстом. 2. Его-же романс Даврдомили Снеули для пения. 3. Романс Генацвале слова популярного грузинского поэта ГРИШАШВИЛИ. © Запис в очередь на новые и подержанные рояли и пианино Рениш, Беккер, Шредер, Дидерихс, Мюльбах, Оффенбахер, „МУЗПРЕД“ продолжается. © Большой выбор всевозможных музыкальных инструментов гитары, мандолины, балалайки, гармонии, пионерские барабаны. © ГРАММОФОНЫ - ПЛАСТИНКИ отдаются в рассрочку до 6 месяцев. © БОЛЬШОЙ ВЫБОР ЛУЧШЕГО КАЧЕСТВА ГРАММОФОННЫХ ИГОЛОК. ЦЕНЫ СНИЖЕНЫ от 30 до 60% ОТПУСКАЮ СЯ ОПТОМ и в РОЗНИЦУ без ограничения количества. © БОЛЬШОЙ ВЫБОР НОТ. © Постоянно имеются свежие струны. © При Тифлисском Отделении имеется мастерская с лучшими мастерами. © НАСТРОЙКА РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО для ВСЕХ ТРИ РУБЛЯ (3). © Закавказская контора и центральный магазин ул. Коминтерна, № 5. © Киоски на Дезертирском и Солдатском базарах. © Отделение в гор. Кутаисе.

„МУЗПРЕД“

Северо-Кавказское Краевое Акционерное Общ-во

„СЕВКАВТОРГ“

Тифлис, Сололакская, 4. тел. 8-71.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПО ЗАКАВКАЗЬЮ

КУБСАХЗАВОДА, СЕВКАВЖИРМАСЛО, НОВОРОСЦЕМЕНТА,
 ЛАКОКРАСКИ, ТЕХНОТКАНИ. АРМ'РЕХТА, ГОСМЕТРА,
 АКЦИОН. ОБЩ. „РАДИОПЕРЕДАЧИ“, ФАРМ. ЗАВ.
 им СЕМАШКО, МСПО фаб. „ВОЛРШЕВИК“ и др.

Приняло на себя ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО АККУМУЛЯТОРНОГО ТРЕСТА (бывш. ТЕДОР).

Все заинтересованные учреждения, организации и частные лица могут получить потребное им количество стационарных, стартерных и радио аккумуляторов по оптовому прейскуранту Аккумуляторного Треста со склада СЕВКАВТОРГА.

К сведению всех: в ближайшее время СЕВКАВТОРГ предлагает приступить и реализации КАБЕЛЯ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КАБЕЛЬНОГО ЗАВОДА.

РЕЗИНОТРЕСТ

Управление в Москве. Маросейка, 12.

ТИФЛИССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ОПТОВО-РОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ (Солсакская, 4) ПРЕДЛАГАЕТ всевозможные РЕЗИНОВЫЕ изделия ПО ЦЕНАМ МОСКОВСКИМ, как-то:

галоши, авто-грузо-мото-вело-экипажные шины, ремни, рукава и технич. изделия, асбестовые изделия и набивки, хирургические предметы, предметы дорожные, домашнего обихода и спорта, резину для стирания, набивки, игрушки, мячи и другие.

Кооперативам и госучреждениям—льготные условия отпуска.

Сборник Каторга и Ссылка

(НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ).

Издание Грузинского отделения Всесоюзного О-ва Политических каторжан и сс-поселенцев имеется в продаже:

- В ТИФЛИСЕ 1) В помещении Общества: улица Ленина, д. № 29 верхний этаж.
2) В книжном и писчебумажном магазине Общества Политкаторжан: ул. Ленина, дом бывшего Мелик-Газарьяна.
3) Во всех книжных магазинах г. Тифлиса.

В БАКУ—в бюро Бакинского отделения Об-ва Политкаторжан.

В БАТУМЕ—в бюро Батумского отд. О-ва Политкаторжан.

Цена сборника 90 коп.

Цена 90 коп.

